

**Санкт-Петербургский общественный фонд
«Музей Галины Васильевны Старовойтовой»**

при участии

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики – Санкт-Петербург», Санкт-Петербургского Союза ученых,
Санкт-Петербургской ассоциации социологов, Института региональной прессы,
Центра независимых социальных исследований,
Европейского университета в Санкт-Петербурге,
при поддержке Правительства Санкт-Петербурга

**Ожидаете ли вы перемен?
Социальные ожидания и образы
будущего в современном мире**

*Сборник статей участников
Девятнадцатого международного конкурса научных работ
студентов и молодых ученых
памяти Галины Васильевны Старовойтовой «Галатhea»*

Под редакцией В.В. Костюшева

НОРМА

**Санкт-Петербург
2018**

УДК 316
ББК 60.5
045

О45 **Ожидаете ли вы перемен? Социальные ожидания и образы будущего в современном мире. Сборник статей участников Девятнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых памяти Галины Васильевны Старовойтовой «Галатей» / Под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: Норма, 2018. – 236 с., илл.**

ISBN 978-5-87857-280-4

УДК 316
ББК 60.5

**Выражаем глубокую благодарность
Галине и Витольду Залесским
за помощь в издании сборника**

© СПб общественный фонд
«Музей Галины Васильевны Старовойтовой», 2018
© Норма, 2018

Оглавление

Предисловие редактора	5
КОЛПАКОВА Татьяна Тема Холокоста в интернет-пространстве: прошлое, которое формирует будущее через призму настоящего	10
ШУЛЬГА Анастасия Государственная социальная политика и право женщины на аборт	18
ДЕМИДКИН Владислав Популизм как способ реанимировать публичное пространство	30
ЗБОРОВСКИЙ Святослав От чего рвется кленовый лист: факторы дестабилизации Канадского федерализма	39
ТАДЖИБАЕВ Акмал Может ли блокчейн быть внедрен в структуру выборов, приведет ли это в будущем к переменам в мировой политике и каковы перспективы авторитарных режимов при широком распространении технологии?	45
АКИМКИНА Анастасия Особенности влияния постимперского синдрома на политическую культуру современной России	52
ГОРБУНОВА Екатерина Метамодернизм, власть и блокчейн: к роли государства в современном мире	64
ПОЗДНЯКОВА Полина Устойчивое потребление – новая утопия? Анализ «Национальной программы для устойчивого потребления» Германии	72
ОЛЬХА Алина Воздействие инновационных технологий на эволюционирование расчетно-денежных отношений	84

ИПАТОВ Дмитрий Будущее России через призму доминирующей консервативной идеологии	95
ПОЗДНЯКОВ Илья Будущее технологий, влияние технологий на общество и институты	109
ПАВЛОВА Анастасия Quo vadis?	123
ФОМИН Кирилл Концепция традиции как форма аккумуляции, трансляции и развития культурного опыта	131
БЕССАРАБОВ Владислав Открытое общество как источник перемен в современном предпринимательстве	147
СУХОРУКОВА Екатерина Антиутопия	162
ДОЛГОПОЛОВА Олеся Образы желаемого будущего в массовом сознании населения рабочего поселка в приграничном регионе	171
ДАДАШОВА Татьяна Общество будущего: старики и роботы	181
МЕЛКАЯ Лия Международное усыновление детей-сирот: pro et contra	189
ИВАШКИНА Анастасия Инклюзивное образование: дорога в будущее	200
ШАБАНОВА Галина Кодекс этики и служебного поведения муниципального служащего: анализ и направления совершенствования.	207
КИСЕЛЕВА Дарья Будущее России глазами молодежи: как менялось восприятие политики страны студентами-политологами?.....	223
Библиография изданий международного конкурса научных работ молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой, 2000–2018 гг.	230

Предисловие редактора

Конкурс научных работ студентов и аспирантов «Галатея» памяти Г.В. Старовойтовой (1946–1998) проводится Санкт-Петербургским общественным фондом «Музей Г.В. Старовойтовой» с 1999 г. В настоящем издании представлены лучшие статьи участников XIX конкурса, проведенного в 2018 г. и посвященного теме «Ожидаете ли вы перемен? Социальные ожидания и образы будущего в современном мире».

Тема конкурса 2018 г. связана с пониманием перспектив современных обществ и государственных институтов и отчасти повторяет название легендарного исследования «Ожидаете ли вы перемен?», проведенного в СССР в конце 1970-х – начале 1980-х гг. коллегой и соратником Г.В. Старовойтовой, выдающимся российским социологом и методологом Андреем Николаевичем Алексеевым (1934–2017). В память о нашем коллеге, скончавшемся в сентябре 2017 г., конкурс 2018 г. мы посвятили социальным ожиданиям и образам будущего, а также учредили специальную премию имени А.Н. Алексеева – за методологическую строгость в социальных исследованиях.

Конкурс проводится с 1999 г. при поддержке многих научных и общественных организаций: Европейского университета в СПб, НИУ ВШЭ (СПб), СПб союза ученых, СПб ассоциации социологов, Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ), Института региональной прессы и других. Правительство СПб учредило две стипендии имени Г.В. Старовойтовой для петербургских участников конкурса. Работой жюри последние 19 лет руководили российские ученые: Владимир Ядов, Борис Фирсов, Яков Гордин, Николай Гиренко, Виктор Воронков, Владимир Гельман, Дмитрий Дубровский, Владимир Костюшев, Александр Сунгуров, Григорий Тульчинский, Елена Белокурова.

В жюри конкурса 2018 г. работали известные социологи, политологи, культурологи, философы, историки, журналисты: Сергей Акопов, Александр Балаян, Елена Белокурова, Виктор Воронков, Владимир Гельман, Дмитрий Дубровский, Ольга Крокинская, Мария Мацкевич, Александр Морозов, Дарья Скибо, Александр Сунгуров, Григорий Тульчинский, Анна Шароградская, председателем жюри был Владимир Костюшев.

Тема конкурса каждого года определяется оргкомитетом (председатель Ольга Васильевна Старовойтова) и членами жюри в контексте

международной и внутривластной ситуации в России и близка научным интересам и гражданской позиции Г.В. Старовойтовой – этничность, права человека, свобода совести, проблемы ксенофобии и экстремизма, толерантности и доверия, этнические и политические конфликты, функциональность общественных и государственных институтов и др. Конкурс имеет международный статус, в нем участвуют студенты университетов из многих городов, лауреаты получают премии и призы, автор текста, занявший первое место, – памятную бронзовую медаль имени Г.В. Старовойтовой. Каждый год издается том конкурсных работ.

Конкурс известен в университетах России и за рубежом. На конкурс 2015 г. по теме «Власть и общество в условиях межгосударственных конфликтов» было представлено 64 научных текста из 30 университетов 25 городов. На конкурс 2016 г. по теме «Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека» подано 78 работ из 32 университетов 18 городов. На конкурс 2018 г. представлено 111 текстов студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых в возрасте от 18 до 30 лет из 61 университета более 40 городов по таким специальностям, как антропология, история, социология, культурология, международные отношения, политология, психология, юриспруденция, философия, экономика, социальная работа. География конкурса 2018 г. еще более обширна, авторы конкурсных текстов обучаются или работают в университетах Архангельска, Барнаула, Белгорода, Благовещенска, Великого Новгорода, Владивостока, Владикавказа, Волгограда, Воронежа, Екатеринбургa, Ижевска, Иркутска, Казани, Кемерово, Клайпеды, Краснодара, Курска, Липецка, Москвы, Омска, Орла, Пензы, Перми, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Тюмени, Челябинска, Якутска и других городов. Члены жюри независимо друг от друга оценивали анонимные тексты по 10-балльной шкале в три тура, имена авторов становились известны жюри только в третьем туре.

Первое место и памятную бронзовую медаль имени Г.В. Старовойтовой получила историк Татьяна Колпакова, студентка 3-го курса социально-гуманитарного факультета НИУ ВШЭ (Пермь) за исследование «Тема Холокоста в интернет-пространстве: прошлое, которое формирует будущее через призму настоящего». Второе место получила клинический психолог, студентка 1-го курса Педиатрического института в СПб Анастасия Шульга за работу «Государственная социальная политика и право женщины на аборт»,

ей же присужден специальный приз памяти российского правозащитника Н.М. Гиренко. Третье место разделили студент философского факультета НИУ ВШЭ из Москвы Владислав Демидкин («Популизм как способ реанимировать публичное пространство») и студенты НИУ ВШЭ (СПб) Святослав Зборовский («От чего рвется кленовый лист: факторы дестабилизации Канадского федерализма») и Акмал Таджибаев («Может ли блокчейн быть внедрен в структуру выборов»). Стипендию имени Г.В. Старовойтовой Правительства СПб (по условиям именных стипендий она присуждается студентам, обучающимся в СПб) получили студенты НИУ ВШЭ (СПб) Святослав Зборовский за статью о федерализме и Анастасия Акимкина за статью «Особенности влияния постимперского синдрома на политическую культуру современной России». Премию имени А.Н. Алексеева — за методологическую строгость в социальных исследованиях — жюри решило в 2018 г. не присуждать. Научная конференция с докладами участников конкурса состоялась 26 мая 2018 г. в НИУ ВШЭ (СПб). Имена победителей были объявлены в завершение конференции после обсуждения докладов, авторам вручены премии и призы, участникам памятные подарки. С поздравлением победителям выступили члены жюри и председатель оргкомитета конкурса Ольга Старовойтова.

Оргкомитет и жюри конкурса выражают благодарность всем авторам — участникам конкурса, редакторам издательства «Норма» Маргарите Филипповой и Дмитрию Капитонову за внимательную работу с материалами конкурса к публикации, а также менеджерам конкурса — студентам НИУ ВШЭ (СПб) Николь Фукс и Богдану Романову.

Библиография изданий международного конкурса памяти Г.В. Старовойтовой за период 2000–2018 гг. приведена в приложении к данному сборнику.

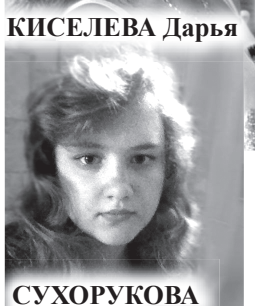
КИСЕЛЕВА Дар'я

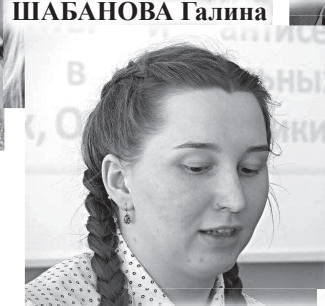
ШАБАНОВА Галина

ДОЛГОПОЛОВА Олесья

**СУХОРУКОВА
Екатерина**

**КОЛПАКОВА
Тат'яна**

**ДЕМИДКИН
Владислав**

**АКИМКИНА
Анастасия**

**ПАВЛОВА
Анастасия**

**ПОЗДНЯКОВА
Полина**

**ИВАШКИНА
Анастасия**

ЗБОРОВСКИЙ Святослав

МЕЛКАЯ Лия

ФОМИН Кирилл

**БЕССАРАБОВ
Владислав**

ДАДАШОВА Татьяна

ОЛЬХА Алина

ИПАТОВ Дмитрий

ТАДЖИБАЕВ Акмал

ШУЛЬГА Анастасия

**ГОРБУНОВА
Екатерина**

ПОЗДНЯКОВ Илья

Тема Холокоста в интернет-пространстве: прошлое, которое формирует будущее через призму настоящего

Abstract

The development of modern communication technologies and the mediated character of Holocaust remembrance are the causes of circulation to the transformation of processes of perception and transmission of memories in the Internet. This paper studies a networking webspace as a major source of information of youth about the Holocaust. The sources of research were thematic sites and groups in social networking “VKontakte” dedicated to the history in general and the Holocaust in particular. The results of this pilot study show that users on the whole tend to pick and, accordingly, to represent and protect a certain version of history, to interpret the facts in their own way and to express their attitude towards them. Moreover, social networkings forms the future attitude to the Holocaust through the prism of the present, drawing parallels with recent events and well-known personalities.

«Общий смысл развитию социума придает периодизация его истории в коллективной памяти, которая вносит в события прошлого определенный порядок» [3: 18] — при этом особое значение в картине прошлого в сознании общества занимают так называемые «спорные» моменты его истории, к которым, безусловно, относится и Холокост. Пережитое «смещение акцентов в передаче памяти» [3: 19] — то есть постоянная смена отношения к данному событию — обуславливает постоянную оценку и переосмысление его места и значения в истории.

Развитие современных коммуникационных технологий и заведомо отфильтрованный, опосредованный характер памяти о Холокосте обуславливают обращение исследователей к трансформации процессов восприятия и передачи воспоминаний с помощью медиа.

¹ Колпакова Татьяна — студентка 3-го курса социально-гуманитарного факультета (направление «История») НИУ ВШЭ (Пермь), лауреат конкурса (первое место). takolpakovahse@yandex.ru

Целью нашего исследования является анализ репрезентации темы Холокоста в интернет-пространстве.

В качестве методологической основы нашего исследования используется концепция М. Кастельса об информационном обществе, в котором не только формируется определенный стиль жизни, но и происходит распространение символического окружения. Каждый человек в информационном обществе может выступать в качестве эксперта и влиять на сознание других. Кроме того, для изучения идеологического дискурса используется концепция мифа Р. Барта, которая позволяет понять, какие новые черты были добавлены к уже устоявшемуся образу еврея, как они связаны с произошедшими не так давно событиями и каким образом данные изменения представляются в качестве уже устоявшегося знания.

В интернет-пространстве фокус внимания сосредотачивается на двух противоположных точках зрения: отрицании Холокоста как негативного явления и попытке обосновать важность сохранения памяти о Холокосте, доказательствах его реальности и исторической значимости.

Ряд людей, которые подвергают сомнению официальное количество жертв, сам факт Холокоста, принято называть «отрицателями Холокоста» или «распространителями лжи о Холокосте». Павел Полян и Альфред Кох отмечают, что подобные люди именуют себя иначе – самолюбиво и самопочтительно – «ревизионистами», вменяя себе тем самым неискоренимую склонность к борьбе за истину и, как следствие, к научному пересмотру господствующих воззрений на основании недавно найденных или же заново пересмотренных данных и т. п. Данное название и приятно им, и придает их деятельности легитимность [4].

Изначально ревизионистами были только ученые. Но последствия их деятельности не ограничились рамками науки. Развитие технологий позволило этим идеям получить широкое распространение в сети Интернет. После анализа российского интернет-пространства можно отметить наличие следующих площадок, отрицающих явления Холокоста:

– радикально-православные сайты, на которых можно найти упоминание о евреях в целом и о Холокосте в частности как о негативном и пропагандистском явлении. Данные сайты своей миссией обозначают просвещение населения и очищение истории от «еврейских лжецов и грешников». Во главе чаще всего стоит духовное лицо (например, протоиерей Иоанн), которое обосновывает свою деятельность «божьем повелением и необходимостью»;

– «ревизионистские» сайты, пытающиеся доказать фальсификацию данных о Холокосте. Данные сайты являются научно-популярными, их задача с опорой на документальные источники, эксперименты доказать невозможность Холокоста как массового явления. Одним из направлений их деятельности является подсчет количества жертв: изучаются архивные данные и проводятся эксперименты (подсчитывается число жертв, которое можно сжечь в печах и т. д.);

– антисемитские сайты, негативно отзывающиеся о деятельности евреев и желающие очистить мир от них. Одним из способов их распространения стали антисемитские открытые группы в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбук», «Одноклассники»). Уровень распространности сайтов достаточно велик: количество их просмотров достигает миллионов, а количество подписчиков групп – десятков тысяч.

Стоит отметить, что данная классификация весьма условна: отделить антисемитизм от радикального ревизионизма очень трудно. В качестве основного различия мы использовали характер деятельности данных площадок. «Ревизионистские» сайты позиционируют себя как борцы за правду, анализирующие прошлое с научной точки зрения, признают существование Холокоста как явления, но преуменьшают его значение. Антисемитские сайты полностью отрицают существование Холокоста, пропагандируют ненависть ко всей еврейской нации, доказывают, что «Холокост – это убийство евреями евреев» и его стоит забыть.

Виртуальная среда постепенно становится важным фактором в формировании идентичности современных молодых людей. Помимо создания, трансляции и постоянного преумножения медиатизированных архивов, организации процессов взаимообогащения публичной и индивидуальной памяти, социальные сети «становятся пространством современных сражений за интерпретацию исторических фактов» [2]. Все это обуславливает актуальность изучения сетевого веб-пространства как главного источника информации молодежи о Холокосте.

Источниковедческую базу работы составили тематические группы социальной сети «ВКонтакте», посвященные истории в целом и теме Холокоста в частности.

В социальной сети «ВКонтакте» множество страниц, посвященных истории, различающихся по масштабу охвата исторического пространства и времени, форме подачи контента (см., например: vk.com/history_moments, vk.com/world_his, vk.com/z_history).

В основном форматы обратной связи данных страниц представлены возможностью оценить публикацию отметкой «мне нравится», поделившись с друзьями или (реже) откомментировав запись, и не предполагают высокой пользовательской активности. Пространство интерактивности образуется, когда функционал страницы включает раздел «Обсуждения», где участники могут знакомиться, общаться, делиться мнениями и информацией друг с другом и обращаться по тем или иным поводам к администраторам. Поэтому наше внимание привлекли сообщества «Холокост – The Holocaust» (<https://vk.com/club3924557>), «Занимательная история и фотография, мифы и факты» (<https://vk.com/club16093055>), «Миф о Холокосте» (https://vk.com/the_myth), «Ревізія голокосту/Ревизия холокоста» (https://vk.com/holocaust_lie).

Только одно из сообществ, выбранных для анализа, посвящено изучению истории в целом, что свидетельствует о непопулярности темы Холокоста в крупных исторических группах.

Дискуссии в указанных сообществах предметно разнообразны: например, в группах «Холокост – The Holocaust» и «Занимательная история и фотография, мифы и факты» формируется положительный образ еврея, наблюдаются попытки критического отношения к ревизионизму, отсутствуют открытые оскорбления еврейской нации. Однако в сообществах «Миф о Холокосте» и «Ревізія голокосту/Ревизия холокоста» наблюдается другая ситуация: в них широкий отклик находят и предложения забвения данной темы, искоренения памяти о ней, высказываются мнения о фальсификации сведений.

В сообществе «Занимательная история и фотография, мифы и факты» отправной точкой обмена мнениями стал предложенный администраторами опрос (https://vk.com/topic-16093055_22803226?offset=0). Результаты голосования любопытны и познавательны, однако необходимо понимать, что, во-первых, мы не имеем достаточных данных об участниках, во-вторых, предложенные варианты явно не исчерпывают весь возможный спектр мнений.

Воспринимая голосование как проявление интереса к теме Холокоста, потребности в ее обсуждении и артикуляции собственного мнения, мы все же вынуждены признать, что по имеющемуся распределению нельзя получить сведения о характере высказанной оценки, способах ее подачи и механизмах формирования мнения. Получить эти недостающие сведения мы решили посредством качественного и количественного анализа обсуждения и тем, предложенных

администраторами других групп для высказывания мнения о проблеме Холокоста. За единицу анализа было принято отдельное пользовательское высказывание. В анализируемый массив из совокупного корпуса в 1028 текстов (состоящих из комментариев к предложенному опросу, и комментариев к темам, непосредственно связанным с Холокостом (например, обсуждение «Почему Вы не верите в реальность Холокоста»)) было отобрано 152 высказывания, авторы которых концентрировались исключительно на интересующем нас предмете. В инструмент исследования были включены общие категории для изучения интернет-коммуникаций, такие как тип суждения, характер аргументации и масштаб рассмотрения проблемы [1]. Учитывались и категории, фиксирующие фактологическую плотность комментариев и конкретный предмет обсуждения.

Результаты проведенного пилотного исследования показывают, что пользователи в целом склонны выбирать, представлять и защищать определенные версии истории, по-своему трактовать факты и выражать собственное к ним отношение.

Обсуждение Холокоста на примере собственного опыта или опыта группы (семьи, друзей) встречается мало — меньше 1% высказываний. Чаще всего в подобных высказываниях упоминаются члены семей друзей или знакомых, переживших Холокост. Большинство (80%) воспринимает Холокост как часть общемировой истории. В опросе, к примеру, самым популярным стал следующий вариант: «Был геноцид не только евреев, и выделять из этой трагедии горе только еврейского народа — неправильно. Оно всеобщее...» Стоит обратить внимание на то, что фактологическая плотность сетевых дискуссий минимальна: конкретные исторические события встречаются лишь в 23 текстах, а непосредственные участники упомянуты лишь в 7 текстах. Чаще всего конструируется обобщенный образ еврея, пострадавшего от Холокоста, или, наоборот, фальсифицирующего историю. Негативное отношение высказали 48% участников всех дискуссий, нейтральное — 12%, положительное — 40%. При этом важно отметить, что рациональный характер несут лишь 19% текстов, все остальные — эмоциональны².

Учитывая нехарактерность для разговорного текста рациональной оценки, а также возможность отсутствия строгой дифференциации

² При распределении комментариев на группы учитывался характер аргументации, использование или неиспользование ненормативной лексики в сторону еврейской нации. Например, следующий комментарий однозначно негативный и эмоциональный: «Евреи — это наше проклятье, и их необходимо уничтожать».

и наличие противоречивых оценок, все же, опираясь на распределение по другим категориям, можно говорить о небольшом количестве объективных и логических оценок.

Историками уже отмечено, что «участников сообществ мало интересуют факты ради них самих» [2] — анализ дискуссий и лозунгов (о чем пойдет речь позднее) и в нашем случае показал, что Холокост сам по себе мало интересует пользователей: куда большее внимание уделяется рассуждению о еврейской нации.

Кроме того, для лучшего понимания отражения темы Холокоста в сетевом пространстве нами были проанализированы заголовки статей и записей на данных страницах. Несомненно, это тоже сетевое общение, так как именно подобные записи вызывали активный отклик среди подписчиков групп и служили поводом для дискуссии. При анализе выявлены следующие особенности:

- образ Холокоста формируется через связь с Украиной: «Хохло — иудейская неувязочка». В подобных заголовках используются сатирические приемы обличения, встраиваются повседневные наименования («хохол») и сочетается несочетаемое — это явный оксюморон;
- присутствуют отсылки к влиятельным организациям («ООН требует свободного отрицания Холокоста», «ООН приняла резолюцию о свободе слова в интернете»);
- связь проблемы Холокоста с гомосексуальностью («Еврейские педофилы, помещенные в лагерь Аушвиц, также являются жертвами Холокоста», изображения радужного флага рядом со свастикой);
- проявляется советский антисемитизм, восходящий к идеям общества «Память» и русским националистам и почвенникам брежневской эпохи («Руководство Архипелага состояло только из евреев», «Начальники ГУЛАГа... говорящие на идиш»);
- нельзя не отметить и прием использования дискурса в обратном направлении («Как Израиль, прикрываясь мифом о Холокосте, проводит геноцид арабского населения»);
- создается неологизм «лохокост» («Лохокост. К окончательному решению вопроса о “шести миллионах”»; «13 минут про лохокост»);
- еврейские корни находят у многих украинских политиков, и очень часто эта информация недостоверна: в «фотожабах», которые получили широкое распространение, перечислены все действующие и бывшие члены правительства Украины.

Следовательно, в социальных сетях происходит снятие табу. Жуткий визуальный юмор показывает наличие антисемитских настроений, многие обыватели пытаются взять на себя роль эксперта,

оперируя часто непроверенными данными. По их утверждениям, они «выводят на чистую воду целую нацию».

Нельзя не отметить следующий факт: негативное отношение к евреям не является новшеством. Почему же именно тот образ, который мы можем уловить в социальных сетях сейчас, уникален? Во-первых, данный образ легко видоизменяется под влиянием мировых событий (после 2014 года появляются новые термины «хохлокоств», «жидобандеровцы»). Во-вторых, основным способом аргументации становятся ссылки на более влиятельных деятелей (раввины, Мел Гибсон, Юрген Граф, Ахмед Изз эль-Араб, вице-председатель главной либеральной и светской партии Египта и другие). Для объективизации знания происходит поиск другого эксперта, а не позиционирование себя в данной роли.

Более того, активно используется прием противопоставления, подмены темы («почему никто не говорит о геноциде белорусов», «Израиль не признал геноцид армян», «было уничтожено 600 тыс. евреев и 3,5 млн русских», «все забыли об уничтожении цыган»). Доминирующим способом подачи мнений является визуализация (фотожабы, мемы) с коротким и запоминающимся текстом («Ты погасила свечи, загадала желание, чтоб в этот вечер было евреежигание»).

Становится ясно, что Холокост начинает восприниматься как заговор евреев. Посредством склеек создается фигура еврея, обладающая рядом стигм: этнических, сексуальных, городских, презираемых (ассоциация с наркоманами и алкоголиками). Склейка собирает стигму и становится самодостаточной, при этом ссылаются на авторитетные организации, мнение самих евреев, происходит обобщение — мнение одного человека становится мнением всей нации, заметна и подмена понятий.

Холокост начинает восприниматься как неоднозначное событие, вызывающее многочисленные споры, активно обсуждающееся в специальных группах, часто пропагандирующих лишь одну точку зрения на проблему, и редко упоминающееся в группах об истории в целом. Комментарии носят поддерживающий характер, содержат положительные отклики. Массив текстов под записями чаще всего не велик, но количество оценок «мне нравится» демонстрирует негатив, существующий в социальных сетях к теме Холокоста.

Анализ фрагмента сетевого общения и лозунгов показал, что тема Холокоста до сих пор вызывает интерес у пользователей: активно высказываются мнения, чаще всего в противоположных позициях,

но при этом игнорируются факты, не уделяется внимание хронологии и сложности события.

Перечисленные выше факторы служат причиной формирования негативного отношения к теме Холокоста в интернет-пространстве. Кроме того, этому способствует и низкая активность просветительских центров и фондов, увлеченных проведением очных мероприятий – конференций, лекций, выставок. Например, страница в социальной сети «ВКонтакте» имеется только у Центра истории Холокоста и геноцидов (<https://vk.com/hg.center.rsuh>), но записи появляются очень редко, что не помогает в формировании критического отношения к фактам, распространяемым негативно настроенными группами. Стоит отметить, что игнорирование социальных сетей, отсутствие продвижения просветительских сайтов лишают молодых людей возможности ознакомиться с противоположной точкой зрения и создают вероятность дальнейшего искажения прошлого.

В целом проведенное исследование показывает только часть существующих проблем, поэтому для создания более объективной картины необходимо искать новые массивы высказываний, совершенствовать инструментарий. Кроме того, отсутствие активности просветительских центров в интернет-пространстве затрудняет оценку их влияния на отношения молодых людей к теме Холокоста.

Источники

1. *Аникина М.Е., Хруль В.М.* Особенности аргументации в текстах массовой интернет-коммуникации: опыт структурного и содержательного анализа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 3. С. 3–23.

2. *Зверева В.В.* Социальные медиа в работе историка // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 5 (38). URL: <http://history.jes.su/s207987840001146-9-1> (дата обращения: 04.11.2016)

3. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011.

4. *Кох А., Полян П.* Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Холокост. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М.: Три квадрата, 2008.

Государственная социальная политика и право женщины на аборт

Abstract

The problem of pregnancy termination is urgent in Russia today, since abortion accounts for the majority of reproductive losses. Artificial termination of pregnancy has always been a complex social, ethical and legal problem. The future demographic situation in Russia depends primarily on the social policy of the state. Constitutional provision, which concern the protection of motherhood, childhood and family, are not practically implemented in the state policy, but are merely declarative. Nonetheless, there have been made attempts to legitimize only pregnancy termination for medical reasons. It is noteworthy that all historical attempts to ban abortion at the legislative level clearly demonstrated the lack of positive social results, and led only to the increase of death rate of women due to criminal abortions.

Охрана репродуктивного здоровья населения – важная внутренняя функция любого государства. Тем не менее она является достаточно значимой проблемой. Проблема искусственного прерывания беременности становится особенно актуальна, поскольку на аборт приходится большинство репродуктивных потерь населения во всем мире. Ежегодно около пятидесяти миллионов беременностей заканчивается абортом (данные Всемирной организации здравоохранения). То есть количество прерывания беременностей составляет более 20%. При этом примерно половина абортов является незаконно проведенными операциями (около двадцати пяти миллионов случаев); из них пять миллионов заканчиваются инвалидностью женщины и около семидесяти тысяч – смертью. Только одна женщина из десяти, как утверждает статистика, до сорока пяти лет ни разу не прерывала

¹ Шульга Анастасия – студентка 1-го курса факультета клинической психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (СПбГПМУ), Санкт-Петербург, лауреат конкурса (второе место, специальный приз имени Н.М. Гиренко). 2stesha200033@gmail.com

беременность искусственным путем. Таким образом, каждая пятая беременность заканчивается абортom.

К столь неутешительной статистике стоит добавить, что около 20% абортom совершаются девочками и девушками в возрасте от десяти до восемнадцати лет; а Россия занимает третье место в мире по количеству абортom. Таким образом, актуальность проблемы не вызывает сомнений, ведь многие, будучи неосведомленными в вопросе, не знают, к каким юридическим (а не только физиологическим) последствиям может привести, например, криминальная операция по искусственному прерыванию беременности.

Цель настоящей работы — охарактеризовать структуру современного правового регулирования искусственного прерывания беременности в России; сравнить содержание современных правовых актов с более ранним законодательством; проследить историю развития; рассмотреть права женщин, совершающих аборт; осветить мнение населения, касающееся места правового регулирования абортom в системе российского законодательства. Для этого автор обратился к анализу научных статей и исследовательских работ о правовом регулировании искусственного прерывания беременности. Проведены сравнительный анализ нормативных документов, регламентирующих данный вопрос, а также анализ и оценка общественного мнения и мнения законодательных органов, изложенных в прессе.

История вопроса

Искусственный аборт всегда был сложной социальной, этической и правовой проблемой. Первые нормы, регулирующие этот вопрос, были созданы еще в античной Греции (Гиппократ категорически запрещал врачу прерывать беременность женщины искусственным путем, а Аристотель допускал аборт в целях сохранения демографического равновесия, но только до момента формирования в зародыше чувствительности и двигательной активности). Дальнейшее развитие проблема получила в Древнем Риме, где сначала зародыш (понимаемый как часть тела матери) мог быть умерщвлен или «изгнан» ею из матки без каких бы то ни было правовых последствий. Позднее, после надления эмбриона определенным количеством гражданских прав, искусственное прерывание беременности было сочтено преступлением, но только в случае, когда целью было получение имущественных прав. Настоящим переворотом в отношении к абортom стало появление христианского мировоззрения. В эпоху зарождения христианства последователи этой религии приравнивали

искусственный аборт к убийству уже рожденного человека (многие современные христиане также придерживаются этого мнения).

Первым правовым актом, регулирующим осуществление искусственного прерывания беременности, в России было Соборное уложение царя Алексея Михайловича. В двадцать второй главе документа («Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание») указано наказание за убийство незаконно зачатого ребенка в утробе матери [9]. За это деяние предполагается смертная казнь и матери, и лицу, совершавшему «медицинское вмешательство». Позднее, в 1715 году, смертная казнь за искусственные аборт была отменена. Императорский указ Петра Первого смягчил наказание, но искусственное прерывание беременности не потеряло статуса преступления.

В 1813 году гипотеза и санкция правовой нормы, регулирующей данный вопрос, были уточнены. Проект Уголовного уложения, написанный под руководством М.М. Сперанского, предусматривает (в параграфах 390 и 391) «лишение свободы и чести» для женщины, совершившей аборт (с умыслом и применяя отравляющие вещества), лишение свободы для участвовавших в преступлении или принуждавших к его совершению лиц [10].

До Великой Октябрьской революции российское законодательство четко разделяло аборт на две группы. Первая — это искусственный аборт, совершаемый врачом, целью которого является спасение жизни женщины. Такая операция разрешалась. Вторая группа — это аборт, произведенные самой женщиной (либо каким-либо иным лицом) по ее собственному желанию. При этом принадлежность участника правонарушения к медицинской профессии (в том числе к повивальным бабкам) являлось отягчающим обстоятельством. Уже к двадцатому веку в медицинской доктрине были обозначены такие категории, как «аборт по просьбе» и «аборт по медицинским показаниям».

Именно Советская Россия стала первой страной в мире, где «аборт по просьбе» был легализован. 18 ноября 1920 года был опубликован текст постановления Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР «Об охране здоровья женщин». Данный правовой акт разрешал бесплатное производство аборт. Допустимым условием для осуществления операции было проведение ее в больнице врачом с целью максимально обезвредить последствия. Никто, кроме врача, не имел права на осуществление искусственного прерывания беременности; акушерки и бабки (виновные в незаконном совершении аборта)

лишались права на дальнейшую практику и передавались Народному суду; также суду передавался врач, который произвел операцию по «изгнанию плода» в порядке частной практики [8]. Предположительно эта мера была направлена на уменьшение числа незаконных аборт. Однако общее число аборт росло, и к 1930 году СССР являлся страной, в которой было зафиксировано самое большое число аборт в мире.

Приказ Минздрава СССР от 31.12.1987 № 1342 «Об утверждении инструкции о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям» сильно расширил перечень причин, допускающих аборт, — следовательно, количество легальных аборт увеличилось. Операция также могла проводиться на достаточно позднем сроке — до двадцать восьмой недели беременности. В перечне причин, позволяющих произвести искусственное прерывание беременности, были указаны смерть мужа во время беременности; пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы; лишение прав материнства; многодетность (число детей свыше пяти); развод во время беременности; беременность после изнасилования; инвалидность у ребенка; а также несовершеннолетие беременной женщины. Также существовал достаточно обширный перечень показаний медицинского характера, дающих право на прерывание беременности сроком до двадцати восьми недель.

Таким образом, законодательство об аборт становилось в России все более либеральным. Стоит, однако, отметить, что современное законодательство, регламентирующее искусственное прерывание беременности, постепенно становится строже.

Современное российское законодательство и попытки его изменения

В мире существует четыре вида законодательных доктрин, регулирующих производство аборт.

Первый вариант — абсолютное запрещение аборт. Искусственное прерывание беременности считается преступным деянием в любом случае в ряде стран — например, в Сальвадоре, Чили, Никарагуа и Филиппинах. В Египте, Ираке, ОАЭ, Иране, Сирии, Ливии и Ирландии существует одно условие, оправдывающее совершение аборт, — причиной должна являться предполагаемая смерть женщины при отказе от оперативного вмешательства по извлечению плода.

Существуют страны с ограниченной легализацией аборт. Таковыми, например, являются Алжир, Израиль, Бразилия, Мексика,

Польша, Уругвай. В этих государствах искусственное прерывание беременности допускается при наличии определенных медицинских показаний или же в установленных законом исключительных обстоятельствах. Причем критерии, легализующие аборты, различны в разных странах.

Следующая ступень – легализация искусственного прерывания беременности по медицинским и социально-экономическим показаниям. От предыдущего вида данная форма регулирования отличается наличием большего количества социальных показаний, позволяющих совершить аборт. Странами с таким регулированием являются в том числе Англия, Япония, Индия, Исландия, Финляндия и Люксембург.

Последняя форма характеризуется условно полной свободой аборта. Ограничения накладываются только на срок, при котором женщина вправе решать вопрос о беременности самостоятельно. В более поздний срок беременности искусственное ее прерывание возможно только при наличии социально-экономических или медицинских факторов. Примеры стран, где аборты легализованы полностью, – Куба, Канада, Нидерланды, Норвегия, Монголия, КНР, Румыния, Франция, Сингапур, ЮАР, Швеция, Чехия.

Российская Федерация также относится к странам, где аборты легализованы условно полностью. Основным законом, регулирующим данный вопрос, является Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В статье 56 данного нормативного акта указано, что вопрос о материнстве вправе решать каждая женщина самостоятельно; искусственное прерывание беременности может проводиться по желанию женщины, необходимым условием является наличие добровольного информированного согласия. В статье также указано время с момента обращения женщины в медицинскую организацию (при сроках беременности с четвертой по седьмую неделю и с одиннадцатой по двенадцатую искусственное прерывание беременности проводится не ранее чем через двое суток, то есть через сорок восемь часов с того момента, как женщина обратилась в медицинскую организацию; при сроке беременности с восьмой по десятую недели операция может быть проведена не ранее чем через семь дней после обращения в медицинскую организацию) и ограничение срока прерывания беременности: при наличии медицинских показаний – независимо от срока; при наличии социальных показаний срок беременности не должен превышать двадцати двух недель.

Как указано ранее, современное законодательство стремится к сокращению количества факторов, оправдывающих легальное оперативное вмешательство по избавлению от плода. В соответствии с действующим законодательством единственным социальным показанием, являющимся достаточной причиной для аборта, указанным в Постановлении Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности», является «беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного статьей 131 Уголовного кодекса Российской Федерации» [4], то есть беременность, наступившая в результате изнасилования (изнасилование – половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [1]). Более ранний перечень социальных показаний признан утратившим силу. Прежде причиной для искусственного прерывания беременности считались также наличие решения суда о лишении или об ограничении родительских прав, пребывание женщины в местах лишения свободы, наличие инвалидности первой или второй группы у мужа или смерть мужа во время беременности. Это сокращение обусловлено тем, что, по мнению специалистов Минздрава России, наличие широкого перечня социальных показаний способствует формированию мнения населения о доступности аборт на сроках беременности более двенадцати недель; в то время как количество летальных исходов при искусственном прерывании беременности в период от двенадцатой до двадцать второй недели превышает количество смертей на более ранних сроках в восемь раз. Тем не менее многие эксперты считают, что столь резкое сокращение списка социальных показаний с большой долей вероятности может привести к увеличению количества криминальных аборт и случаев фальсификации медицинских показаний и сроков беременности. Они считают, что список должен быть расширен. Их оппоненты, в свою очередь, отмечают, что предыдущее сужение социально-экономических факторов, обуславливающих легальное совершение аборт, не повлекло за собой увеличения количества криминальных операций и даже уменьшило количество случаев искусственного прерывания беременности, произведенного в соответствии с нормами.

Перечень медицинских показаний, указанный в Приказе Минздрава РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного

прерывания беременности», достаточно обширен. Он включает в себя некоторые инфекционные и паразитарные болезни, новообразования, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, болезни крови и кроветворных органов, психические расстройства, болезни нервной системы, болезни глаза и его придаточного аппарата (злокачественные образования), болезни системы кровообращения, болезни органов дыхания и пищеварения, болезни мочеполовой системы, беременность, роды и послеродовый период, болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения, а также состояние физиологической незрелости беременной женщины до достижения возраста пятнадцати лет. В законе, помимо названий самих заболеваний, указаны их формы, стадии, степень и фазы, которые могут стать медицинским показанием для искусственного прерывания беременности.

Столь обширный перечень показаний невольно обращает внимание на возможность их фальсификации. Таким образом, контроль достоверности медицинских показаний в организациях, осуществляющих искусственное прерывание беременности, является актуальной проблемой. Особая значимость этого вопроса обусловлена правом частных клиник на осуществление операций по искусственному прерыванию беременности. Тем не менее специалисты Минздрава ссылаются на достаточность возможностей осуществления аборта до наступления срока, ограничивающего возможность осуществления аборта, и не предполагают роста количества незаконно проведенных операций по искусственному прерыванию беременности. Они считают, что двенадцати недель достаточно, и в определенной мере их мнение можно считать верным; однако в таком прочтении вопроса не учитывается возможность ситуаций, когда, например, решение суда о лишении родительских прав или смерть мужа происходят на более поздних сроках беременности.

Осуществление искусственного прерывания беременности включено в Базовую программу обязательного медицинского страхования. Это положение Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» является дискуссионным. Люди, считающие аборт убийством ребенка, не желают, чтобы выплачиваемые ими налоги тратились на создание условий для операций по искусственному прерыванию беременности. В то время как граждане, находящиеся в оппозиции этому мнению, указывают на вероятность огромного

числа криминальных абортов в случае исключения этого вида операций из программы ОМС.

Незаконное проведение искусственного прерывания беременности определено статьей 123 УК РФ как «проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля» [1]. Это деяние наказывается штрафом, обязательными работами или исправительными работами. То же деяние, повлекшее за собой смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью, наказывается принудительными работами либо лишением свободы с лишением права занимать определенную деятельность или занимать определенные должности (или без таковых).

Таким образом, показателями законности осуществления искусственного прерывания беременности являются профессиональная квалификация лица, совершающего аборт, определенный срок беременности или указанные в законодательстве показания и наличие добровольного информированного согласия. То есть место проведения операции, способы ее осуществления и медикаментозное сопровождение не являются законодательно освещенными пунктами. Такое положение делает возможность «подпольных» абортов вполне доступной населению. Однако смертность при осуществлении операций по искусственному прерыванию беременности вне оборудованных клиник, как указано выше, больше в восемь раз, чем при соблюдении всех медицинских предписаний. А причинение смерти или тяжкого вреда здоровью в результате несоблюдения норм медицинского вмешательства является преступлением. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей регулируется второй частью 118 статьи УК РФ; а причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей – второй частью 109 статьи УК РФ [1].

Таким образом, законодательство Российской Федерации, регулирующее осуществление операций по искусственному прерыванию беременности, достаточно противоречиво и может вызывать определенное количество дискуссий, имеющих цель его изменение. Так, с одной стороны, аборты включены в перечень страховых случаев, установленных базовой программой обязательного медицинского страхования [2], и причиной данной операции может стать любое заболевание из внушительного списка медицинских диагнозов.

В то же время неоднократно принимались меры по сокращению списка социально-экономических показаний для искусственного прерывания беременности. В СМИ представлены два пути для решения проблемы. Один путь – исключение абортотворных препаратов из программы ОМС (кроме случаев, угрожающих жизни женщины); а второй – возвращение к практически полной легализации абортов в целях избегания большого количества криминальных оперативных вмешательств.

Депутатами Е. Мизулиной, О. Епифановой и др. были подготовлены законопроекты в сфере профилактики абортов. Один из них – «Законопроект о запрете розничной продажи лекарственных средств, предназначенных для искусственного прерывания беременности». Вторая инициатива этой депутатской группы – «Законопроект, предусматривающий визуализацию и прослушивание сердцебиения плода перед принятием решения об аборте». По мнению Е. Мизулиной, «исследования показывают, что около 80% отказываются от аборта, увидев ребенка на мониторе УЗИ».

Наиболее масштабное обсуждение вопроса о законодательстве, регулирующем осуществление абортов, за последнее время произошло в 2015 году. Столь крупный общественный резонанс вызвал законопроект депутата Государственной Думы Е. Федорова, в соответствии с которым предполагается назначать год лишения свободы женщине, совершившей искусственное прерывание беременности, ее партнеру, а также врачу, производившему операцию без медицинских показаний, угрожающих жизни матери. 13 апреля 2015 года эксперты дали свою оценку законопроекту. Как назначение уголовной ответственности за аборты, так и исключение данного вида оперативного вмешательства из базовой программы ОМС (кроме как по медицинским показаниям) не вызвали возражений. Это обусловлено подсчетами экспертов: ежегодно около шести миллиардов рублей тратится на аборты, причем всего 4–6% операций совершается по медицинским показателям, причина остальных – желание женщины либо настойчивая просьба ее мужа или партнера. Не стала причиной отклонения законопроекта и опасность увеличения смертности женщин из-за криминальных абортов (вероятность такого развития событий, по словам резидента международного движения против абортов «Воины жизни» Дмитрия Баранова, крайне мала и не подтверждается статистикой других государств – например, Ирландии).

Единственное положение, не получившее одобрения экспертов, – это предполагаемый отказ от медикаментозных абортов. Первой причиной была невозможность в таком случае осуществлять

искусственное прекращение беременности в случаях витальной угрозы матери. Вторым же аргументом против данного предложения был тот факт, что гормональные средства, используемые для химических аборт, применяются также при лечении ряда заболеваний. А значит, при отказе от них могло повыситься количество гинекологических заболеваний у женщин.

Основная борьба, однако, развернулась отнюдь не вокруг уголовной ответственности. Куда больше освещался вопрос о средствах ОМС, выделяемых на аборт. Очень большую поддержку получил отказ от абортов в религиозной среде. В частности, патриарх Кирилл говорил об этом в своем выступлении на заседании Государственной Думы. Также еще в ноябре 2014 года в Храме Христа Спасителя прошел собор, посвященный теме абортов. Заключением собора было изъявленное требование исполнения «Конвенции прав ребенка» ООН, ратифицированной РФ в 1990 году; участники собора ссылались на текст конвенции: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения» [13].

На тот период, как считалось, замечания экспертов к законопроекту могли быть легко устранены, и Государственная Дума не имела бы препятствий для принятия данного закона. Тем не менее этого не произошло. А в 2017 году законопроект был окончательно отвергнут кабинетом министров Правительства РФ. Учитывая это, законопроект не может быть реализован ввиду того, что он напрямую взаимосвязан с взиманием налогов, а для принятия такого рода законов необходимо одобрение Правительства.

Таким образом, несмотря на все попытки изменений в законодательстве, регулирующем искусственное прерывание беременности, в самое ближайшее время существенных перемен не предвидится. Однако перемены нужны.

Заключение

Развитие законодательства, регулирующего искусственное прерывание беременности, продолжительный период времени шло по пути легализации абортов. В настоящее время достаточно популярно мнение о необходимости сужения перечня причин, обуславливающих аборт, до медицинских показаний, связанных с угрозой жизни женщины. Не менее распространена и абсолютно противоположная позиция: «Государство не должно путем законодательных запретов заставлять беременную женщину становиться матерью вопреки

ее воле, поэтому любые запреты, связанные с искусственным прерыванием беременности, представляются неэффективными и могут привести лишь к росту числа криминальных абортотворцев». Уравновешивающим противоборствующим взглядам мы видим такой вариант дальнейшего решения проблемы: законодательство будущего должно не запрещать, а создавать условия для реализации права женщины стать матерью. Конституционные нормы о защите материнства, детства и семьи должны найти реальное отражение в реализуемой государственной политике, а не носить декларативный характер.

Снижению потребности в искусственном прерывании беременности, на наш взгляд, может способствовать проведение информационных и образовательных мероприятий, особенно в среде подростков и молодежи, по формированию ответственного отношения к своему репродуктивному здоровью и поведению.

Проблемы репродуктивных прав человека, прав женщин и прав эмбриона являются спорными с нормативно-правовой, социальной и этической точек зрения. Кроме того, они играют важную роль в социально-государственной политике и обеспечении благополучия общества и государства. Будущая демографическая ситуация в России зависит в первую очередь от социальной политики государства.

Источники

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2018).

2. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения: 10.04.2018).

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.04.2018).

4. Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности». URL: <http://base.garant.ru/70137312/> (дата обращения: 10.04.2018).

5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности». URL: <http://base.garant.ru/>

ru/12158174/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000 (дата обращения: 10.04.2018).

6. Приказ Минздрава СССР от 31.12.1987 № 1342 «Об утверждении инструкции о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям» (утратил силу). URL: <https://www.lawmix.ru/med/17855> (дата обращения: 10.04.2018).

7. Законопроект № 381372-6 «О внесении изменения в статью 35 Федерального закона “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/381372-6> (дата обращения: 10.04.2018).

8. Постановление Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР от 18.11.1920. «Об охране здоровья женщин». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26749#007562736971786732> (дата обращения: 10.04.2018).

9. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 3: Акты земских соборов / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 83–257.

10. *Безверхов А.Г.* Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года: монография / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелев. Самара: Самарский университет, 2013.

11. *Старовойтова О.Э., Янчар Н.В.* Право на аборт // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 42.

12. *Фалчари С.М.* Правовое регулирование искусственного прерывания беременности // Петербургский юрист. 2015. № 3. С. 158–159.

13. «Конвенция о правах ребенка». Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.04.2018).

Популизм как способ реанимировать публичное пространство

Abstract

The common use of the concept of “populism” carries an extremely negative meaning. When we talk about populism, we assume something that is not commensurate with the movement of a “healthy” policy. Most often populism is given a tinge of bias, expressiveness of the irrational, all against which normative policy acts with its rules and regulatory functions. In this work, I wonder whether the “normative” policy is related to depoliticization of the population, that is, to the process that is responsible for whether there will be a healthy civil society or not. If this question seems obvious, then we should ask ourselves the following question: what are the consequences of the very depoliticization as the eradication of free public space. It is necessary to write about the Russian case either: how and why in the Russian public space, in the repressed form, the “oppression of the law” is increasingly evident, and how the populist movement is gaining momentum.

Философское обоснование понятия «популизм» можно начать с нескольких определений. Первое определение дает нам известный бельгийский политический теоретик Шанталь Муфф: популизм создает коллективную волю, противопоставляющую себя элитной властной группе или истеблишменту [11]. Другими словами, акт популизма идентифицирует политические устремления гражданского общества, которое, в свою очередь, стремится поставить под вопрос репрезентативность парламентской власти. Другие определения в подобном пессимистическом ключе были высказаны французским философом Жаком Рансьером: (1) стиль общения, посредством которого к людям обращаются напрямую, обходя их представителей и их знатных лиц; (2) утверждение о том, что правительства и правящие элиты больше озабочены своими собственными интересами,

¹ Демидкин Владислав – студент 4-го курса философского факультета НИУ ВШЭ (Москва), лауреат конкурса (третье место). vladislavick96@gmail.com

чем *res publica*; (3) тоталитарная риторика, выражающая страх и отказ от иностранцев [12].

Популизм не возникает просто так, популизм не может быть тотальным обманом: если популизм случается в том или ином государстве, значит тому есть основания. Главное основание — это кризис репрезентации. Стоит отметить появление новой волны протестов в Европе и США («Оккупай Абай», митинги в Москве в 2012 и 2017 годах, Indignados, Occupy Wall Street, конфликты территориальных субъектов в Испании и Великобритании и др.); главный лозунг протестных движений: «No nos representan»². В последнее десятилетие мы сталкиваемся с новой аномалией — растущим уровнем политизации населения, выступление его в качестве самоотжественного политического субъекта, не считающегося с официальной властью. Такие слова, как «официальный», «законный», «общепризнанный», начинают давать новые смыслы в политическом ключе.

Авторы современных политических теорий говорят о бюрократизации властных структур, перевешивании закона над легитимностью. Поэтому мы обратимся к некоторым из них, чтобы воссоздать настроение философов по поводу изменений в современной политике. Известный историк политической мысли Андреас Каливас в своей книге «Демократия и экстраординарная политика» [6] пишет об актуальности проекта радикальной демократии. Каливас берет за основу своего исследования теорию об исключении у Карла Шмитта. Позиция Каливаса заключается в том, что легитимность той или иной власти со временем теряет свой смысл, но деполитизированное население, потерявшее свою идентичность³, не идет в конфронтацию с существующей властью, тем самым мы можем видеть исчезновение публичного пространства, становящегося атавизмом современного государства, где главная функция правительства — это спекуляция законом. Далее идет важное прояснение. Конституция как главное ядро любого закона может быть проинтерпретирована в двух смыслах. По Каливасу, существуют две традиции прочтения конституции: «шмиттеанская» и либеральная. Первую традицию следовало бы назвать политической (в том смысле, что она касается защиты публичных ценностей, «существенной части конституции»). По Карлу Шмитту, конституция — это инструмент для народной

² Перевод: «Они не представляют нас».

³ Идентичность может быть разной: политики левого крыла будут выступать от имени рабочих или эмигрантов, политики правого крыла — от имени нации, определенной этнической группы.

активности; для либеральной же мысли — это способ оградить индивидуальную частную жизнь от власти. Другими словами, кризис публичности (зафиксированный еще Шмиттом), связан с перевесом либеральной традиции прочтения конституции, которая игнорирует сущность политического в государстве, то есть источника его легитимации. Для Каливаса, как и для Шмитта, Конституция — это прежде всего конституирование политической ассоциации даже при вневременном и внепространственном статусе, легитимация ее прав на физическое присутствие в форме какого угодно института. Под «физическим присутствием» Каливас, следом за Шмиттом, определяет политическое сообщество как группу людей, находящихся в публичном пространстве, где уже не нужно никакое представительство. Сконструировав теоретическое отношение политического субъекта и его представителя, Каливас выдвигает проект: создание нового публичного измерения, в котором гражданское общество могло бы реализовать себя в качестве политического субъекта, ставящего под вопрос эффективность существующего представительства: «...момент спонтанных форм массовой мобилизации и неформального участия, которые существуют бок о бок с установленной политической системой» [6: 85].

Каливас во многих аспектах ориентируется на теорию Брюса Аккермана, известного американского конституционалиста. Аккерман предложил рассматривать демократический режим через призму «конституционного дуализма». Дуализм предполагает два измерения политического влияния: в первом измерении выступает парламент с его «нормальной» политикой, и народ («People»), который имеет право на исключительное прерывание тех норм, которые были задействованы официальной властью. Вот как это работает. Депутат, получивший мандат, имеет возможность издавать обычные законы, но ни в коем случае он не может самостоятельно внести законопроект, отменяющий достижения народа. Как ему действовать? Он может мобилизовать как можно большее количество граждан, чтобы претендовать на высшую форму демократической легитимности («Higher Lawmaking»). Чтобы избежать давления со стороны большинства, Аккерман предлагает несколько моментов, которых должен придерживаться парламентарий при обращении к народной воле: «...во-первых, убедить исключительное число своих сограждан в том, чтобы принять предлагаемую инициативу с серьезностью, которой они обычно не придерживаются в политике; во-вторых, они должны позволить своим оппонентам получить справедливую возможность

организовать свои собственные силы; в-третьих, они должны убедить большинство своих соотечественников поддержать свою инициативу, поскольку ее заслуги обсуждаются снова и снова на совещательных форумах, предусматривающих “высшее законотворчество”» [5: 6]. Только лишь после этого можно заключить, что люди передумали, и их приказ вносится в разбор в качестве законодательной инициативы. Простой пример мобилизующей политической активности вызывает несколько вопросов (они будут ключевыми для проблемы популизма). Как организовать исключительную политику народа? Как создать стимулы для более эффективного участия государственных служащих в публичной дискуссии? Как должен работать механизм сохранения народного решения от «нелегитимной эрозии, вызываемой нормативными решениями нормального правительства»? [5: 7]

Шанталь Муфф также приводит аргументы за воссоздание радикальной политики. Муфф выступает против деполитизации публичного пространства, против умеренности в политических дискуссиях. Своими врагами она объявляет партии «центристов», которые идут на уступки друг другу на основе морального и рационального консенсуса, порождая исчезновение настоящего развертывания политического дискурса на общественной платформе. Закостенелость порядка, не предоставляющая никаких альтернатив, может привести к деполитизации населения, потере его коллективной идентичности. «Доминирующая тенденция в либеральной мысли характеризуется рационалистическим и индивидуалистическим подходом, который исключает признание природы коллективных идентичностей» [7: 10]. Необходимость популизма, по Муфф, есть необходимость существования альтернативной политики. Если власть избрана законно, это не значит, что все остальные альтернативы автоматически становятся незаконными, маргинальными. Для оздоровления политики нужно воссоздать публичное пространство, смыслом которого была бы борьба между гегемонистскими проектами. «Агонистическое измерение всегда присутствует, это реальная конфронтация, но та, которая разыгрывается в условиях, регулируемых набором демократических процедур, принятых противниками» [7: 21]. Это некий антагонизм, который не предполагает рационального консенсуса (критика Роулза и Хабермаса), но борьба всегда находится вне социального, в котором господствуют частные интересы. В политическом же измерении мы видим постоянный процесс образования коллективной воли. Борьба политических практик состоит в соперничестве политических образований (курсов, проектов, этико-политических интерпретаций).

Мы могли бы обобщить главные аргументы в пользу популизма, но наша задача заключается не в этом. Вышеприведенный теоретический материал — лишь отображение современной позиции политических теоретиков и философов. Популизм важен при определенных обстоятельствах, при определенных кризисах власти. Важное обстоятельство — кризис представительства и идущий бок о бок с ним процесс деполитизации населения. Под деполитизацией следует понимать процесс, который ведет к нейтрализации любого политического вопроса, вынесение этого вопроса на повестку дня властных структур. Нейтрализация, в свою очередь, воспрещает народу (в нейтральной форме: население государства) говорить от своего имени, дискурс вокруг любого политического вопроса оккупируется бюрократией. Бюрократия применяет язык закона и правосудия, избегая прямого политического конфликта. Ярким примером могут являться недавние события в Каталонии, в которой часть населения решила отделить свой регион от остальной части Испании. Можно заметить, что в таких случаях власть не старается входить в политический конфликт с явным популистским движением. Даже если политический конфликт налицо, власть в любом случае будет стараться нейтрализовать любой публичный акт со стороны протестующих, вводя язык закона или правосудия. По данной теме можно прочесть статью в «Новой газете», обозревающую конфликт в Каталонии [10]. Известный политический теоретик, создатель новой теории республиканизма Филип Петтит говорит о деполитизации как о полезном движении против актов зомбирования масс. Стоит обратиться к критике Петтита, чтобы показать связь между игнорированием популизма и процессом деполитизации.

Нейтрализация предполагает установление института, который регулирует те или иные вопросы в той или иной сфере. Другими словами, воспрещается сама возможность постановки вопроса. Нейтрализация как процесс говорит нам, что все вопросы решены и нам остается лишь придерживаться тех установок, которые легализируют «правильное» поведение в общественной сфере, статус которой в этот момент был под вопросом. Филип Петтит рассматривает политизацию любого важного для общества вопроса как уловку поставить против правительства народные «ценности», такой метод он называет «Aspirational Morality». Он принимает делиберативный принцип демократии, за признанием которого следует процесс деполитизации, но пока не совсем ясно, как политическое обострение в еще не институционализированной сфере может привести к ухудшению

качества демократии. «Они могут разумно надеяться активировать политику морализма, в которой варианты представлены в ложном, дихотомическом свете: осуждать проституцию или давать ей признание» [8: 56]. Петтит выступает за то, чтобы вопрос о легализации проституции решался в парламентских креслах, где, по его мнению, в соответствии с законом и институтом, регулирующим данную политику, будет принято рациональное решение. Таким образом, постановка вопроса на общественном поле, то есть вынесение вердикта со стороны народа, выглядит как профанация и политическая уловка, в которой Петтит видит лишь болезненную «политизацию масс». Петтит выступает за усиление парламента и предоставление права выносить решения и законы только от его лица. Тем не менее Петтит относится к американской школе политической теории, у которой есть свои предположения насчет правильной демократии.

В последней части своей работы хотелось бы обратиться к российскому кейсу. Имея на руках язык современной политической теории, мы можем объяснить момент возрастания популизма в Российской Федерации и оценить борьбу с ним со стороны официальной власти как борьбу «законного против незаконного».

Политолог Екатерина Шульман в своей работе «Законотворчество как политический процесс» [2] описывает понятие публичной политики (*public policy*) исходя из английской и американской традиции. Традиция гласит, что публичная политика связана с принятием политических решений, публичная политика исходит из общественно значимых проблем, а не интересов отдельных групп. Политический процесс — это всегда трансформация общей воли в практику, то есть построение на базе новой политической проблемы нового института, который бы регулировал эту проблему в будущем на уровне легальных актов. Тем самым Шульман заключает, что политический процесс и есть законодательный процесс, это момент создания новой нормативности, которая была бы легитимирована со стороны гражданского согласия. К слову, сам момент политического акта не обязан быть рациональным, это то, что упускают многие российские политологи. При этом в российской политике стоит проблема кризиса публичности. Шульман создает мифическую дату — 2012 год. Вместе с шестым созывом Государственной Думы мы можем проследить все более растущую элитизацию и бюрократизацию публичной политики, на место политических баталий и публичного гражданского высказывания приходит интенсивное производство законов, которые, как говорит Шульман, палата штампует, как «принтер» [3]. Принятие

большого числа новых законов может не совпадать с развитием общественного интереса, — значит, оно тормозит процесс формулирования общего блага. Тем не менее нас интересует именно тезис, который мы поставили в начале работы, тезис о том, что легальность может перевешивать над легитимностью, то есть в рамках российского кейса функция публичного пространства как срыва и воссоздания нормативности находится под большой угрозой. С момента «мифической» даты было принято множество законов, которые ставят под сомнение публичную политику в ее европейском варианте: отказ от публичных выборов мэров, закон об экстремизме, запрет НКО (некоммерческие организации), закон о митингах, закон о публичном заведомо ложном мнении и т. д. К настоящему моменту в регионах создается большой барьер для входа в политический процесс, так как публичное пространство заменено административной политикой, где вся работа идет так, как будто уже все решения были приняты [9]. Естественно, подобный процесс мы будем называть деполитизацией еще не окрепшего публичного пространства. Риторика властных структур сводится к аргументам в пользу закона и правосудия. Вместе с обмирщением публичной сферы возникает развитие сознания гражданского общества, сознания, которое противопоставляет себя официальному парламенту. Мы можем видеть это на протяжении последних нескольких лет: когда в парламенте исчезает политика, она приходит на улицы. При этом главная задача политизированных масс есть не реализация какой-то определенной политической программы. Популизм, выраженный в физическом соприкосновении людей на улицах, ощущении между ними некой общности, требует лишь самого факта политизации публичного пространства. Субъект, двигатель популистского движения, реализует политический конфликт, создает конструкт «наших» и «не наших», чтобы воссоздать альтернативу тому, что уже давно не репрезентирует общество людей. В данном случае популизм — это инструмент политизации населения, цель которого — возобновление правильной работы политических институтов. Уместно было бы добавить, что российский политолог Владимир Гельман в своей книге «Из огня да в полымя: российская политика после СССР» [1] приводит концепт «электорального авторитаризма» как подходящий вариант описания политических институтов в России. Если вкратце, то электоральный авторитаризм допускает существование всех возможных политических институтов, включая многопартийность, официальные выборы и площадки для коммуникации между обществом и властью.

Тем не менее сам факт существования подобных институтов ничего не говорит об их содержании, они могут быть всего лишь фасадом для иностранных наблюдателей и для собственного народа, тем самым власть способна легитимировать себя демократическим путем. Имея, как аргумент, возможность собственной легитимации народом с помощью официальных институтов, власть упускает альтернативы, особенно неформальные выражения гражданской воли. В итоге стоит отметить, что дискурс законного и незаконного только усиливается в случаях резкой политизации низов. Нейтрализация всех возможных каналов политического высказывания заставляет людей воссоздавать неформальную политику реального присутствия на улицах, но даже там администрация способна подвести вопрос о законности того или иного действия, но никак не легитимации. Представители исполнительной власти имеют возможность нейтрализовать любой акт политического противостояния, свести его к уголовной или административной ответственности, при этом не стоит забывать о новой «четвертой политической силе» — массмедиа, которые также благодаря инструменту стигматизации способны сделать из политического оппонента нарушителя закона.

Консенсус в парламентских кругах не то же самое, что процесс согласия и признания акта власти со стороны гражданского общества. Нездоровое развитие силовой бюрократии порождает закосность публичного пространства. Процесс деполитизации как повсеместная последовательность актов нейтрализации [4] любых политических вопросов приводит к полному отторжению политической составляющей отношений между государством и народом. Тем самым мы не видим народ как политического субъекта. Политика смещается в административные кабинеты, а там, где политика исчезает, остаются строгие институциональные предписания, с которыми невозможно развитие политического самосознания или коллективной общности интересов, которые бы связывали представляемых и представителей. При определенных возможностях популизм может стать оружием против «силовой администрации», реаниматором публичного пространства. Мы исходим из положения, что популизм есть всегда следствие некоторых кризисов в верхах власти, поэтому нашей задачей будет являться переосмысление данного понятия и реабилитация его позитивных элементов.

Источники

1. *Гельман В.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 256 с.
2. *Шульман Е.* Законотворчество как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. 184 с.
3. *Шульман Е.* Верховенство права: запретите нам // Ведомости. 2014. 4 июля.
4. *Шмитт К.* Понятие политического // Эпоха деполитизаций и нейтрализаций / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 357–408.
5. *Ackerman B.* We the People, Volume 1: Foundations. Harvard University Press, 1991. P. 369.
6. *Kalyvas A.* Democracy and the Politics of the Extraordinary. Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. Cambridge University Press. 2008.
7. *Mouffe C.* On the political. Routledge. 2005. 144 p.
8. *Pettit P.* Depoliticizing Democracy // Ratio Juris. March 2004. Vol. 17. N 1.
9. *Martianov V.* The Decline of Public Politics in Russia: From Public Politics to Political Administration The Depoliticization of the Regions // Russian Politics and Law. 2007. Vol. 45. N 5.
10. *Сафронов Ю.* Почему Каталонцы хотят независимости // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/30/74027pochemu-katalontsy-hotyat-nezavisimosti> (дата обращения: 05.11.2017).
11. «Populism is a necessity» // Conversations // The European. URL: <http://www.theeuropean-magazine.com/chantal-mouffe-4/8420-why-the-eu-needs-populism> (дата обращения: 04.11.2017).
12. Jacques Rancière. Attacks on «populism» seek to enshrine the idea that there is no alternative // Verso. URL: <https://www.versobooks.com/blogs/3193-attacks-on-populism-seek-to-enshrine-the-idea-that-there-is-no-alternative> (дата обращения: 04.11.2017).

От чего рвется кленовый лист: факторы дестабилизации Канадского федерализма

Abstract

This paper is devoted to the future of Canadian federalism. The paper considers factors that lead to the destabilization of the federal system in Canada. There is a description of the historical context of the formation of Canada as a state, as well as the distinctive features of this country, which later, in spite of their democratic characteristics, may lead to the growth of regional separatism and leave many questions about the stability of the federal system in Canada.

Введение

На сегодняшний день с ростом сепаратизма вопрос об устойчивости федеративных систем становится все более актуальным. Этот вопрос особенно интересен, так как пути стран к такой форме государственного устройства различались. Так, некоторые федерации образовывались из соображений экспансии и расширения своих территорий, другие — из соображений безопасности, зачастую имея сильную страну-соседа [9: 14–15]. Более того, важен не только способ и мотивы образования федеративного государства, но и тот факт, что субъекты в федерации обладают достаточными политическими и экономическими полномочиями, чтобы взаимодействовать друг с другом без участия центра, что сказывается на динамике развития страны в целом [12: 322]. Так, в данной работе будут разобраны факторы, которые ведут к дестабилизации страны-федерации. Данная проблема кажется актуальной по той причине, что она рассматривает в плане того, как порой противоречащие друг другу интересы отдельно взятых субъектов могут уживаться внутри одной страны. Ведь, согласно Беднар, федерализм по своей природе является конкурсной системой, в рамках которой ожидается, что национальные и субнациональные

¹ Зборовский Святослав – студент 3-го курса Департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ (СПб), лауреат конкурса (третье место), стипендия имени Г.В. Старовойтовой за 2018 год Администрации СПб. sazborovskiy@edu.hse.ru

правительства будут бороться за обеспечение влияния и преимущества [2].

Более того, интересно проследить, как конституция федеративного государства влияет на его стабильность. В качестве кейса была выбрана Канада, как децентрализованная федерация с сильными провинциями, так как именно в таком контексте можно проследить уязвимые места для стабильности федерализма. Под федеративным государством я понимаю определение, выведенное Элейзером, где «федеративная конституция 1) создает национальное правительство; 2) признает постоянство и автономность субнациональных подразделений; 3) выделяет каждому уровню некоторую меру власти» [4]. Таким образом, в данном эссе предпринимается попытка увидеть будущее как Канадского федерализма, так и Канады в целом.

История и мотивы создания федерализма в Канаде

Канада является федерацией, появившейся из бывшей Британской колонии. Согласно сценариям формирования федеративного государства, современная Канада является федерацией, появившейся в процессе децентрализации [10]. Однако все не так однозначно. Первая конституция Канады, датируемая 1867 годом, составлялась так, чтобы структура Канадского правительства как можно сильнее отличалась от структуры США. В результате конституция Канады была направлена на создание сильно централизованного государства с мощным центром и слабыми регионами. Однако после ряда решений британского суда, который служил в то время высшим судебным органом в колониях, Канада постепенно стала одной из самых децентрализованных стран [7]. Поэтому, исходя из динамики развития Канадской конституции и первоначальной цели быть как можно больше непохожей на территориальное устройство США, можно сделать выводы о создании федерации в Канаде. Так, Канадский федерализм развивался по сценарию децентрализации, хоть изначально и образовался как централизованный, исходя из концепции безопасности и обращая внимание на потенциальную угрозу со стороны США [9: 26–27].

Конституция как фактор дестабилизации

Когда регионы внутри федерации вступают во взаимоотношения, важно расценивать их как отдельных игроков, у каждого из которых есть своя стратегия, различные ресурсы и прежде всего интересы. Так, если есть игроки, то должны быть и правила, по которым

действуют провинции, а именно – конституция. Выделяется несколько типов конституций в демократических государствах, первый из которых – громоздкая конституция, в которой педантично расписаны все правила. Во втором же типе прописываются основы строя, оставляя детали на разрешение другим институтам [11].

Конституция Канады [3] относится ко второму типу и дает провинциям возможность воздействовать на национальную политику, что делает их очень сильными игроками. Так, провинции способны поднимать политические споры до уровня конституционных споров – «преобразовывать переговоры по политике в переговоры о конституционном распределении национальных и провинциальных полномочий» [5].

Подобные споры и разногласия не только между провинциями и центром, но и между данными субнациональными единицами способны привести к тому, что конституцию могут рассматривать как временную, постоянно предлагая подвергнуть ее пересмотру, когда это будет выгодно одной из сторон [5]. Ведь если правила игры позволяют пересматривать их, то зачем их вообще принимать, если можно бесконечно вести дискуссии?

Таким образом, появляется проблема постоянных переговоров. В Канадской конституции нет того, что она должна обеспечить «набор фундаментальных правил или рамок, в которых осуществляется постоянный политический процесс» [8]. «Отсутствие согласия по повседневным политическим вопросам является нормальным, однако отсутствие согласия по фундаментальным правилам – это другой вопрос. Фактически можно сказать, что в Канаде стараются избежать конституции, оказываясь в состоянии постоянных конституционных споров» [8].

Стоит заметить, что конституции в демократических странах не стараются подавить конфликт или найти равновесие, которое бы устроило всех, по той причине, что сделать это, не ущемляя никаких интересов, невозможно. Однако случай Канады, когда институты и конституция порождают споры, может привести от краткосрочного мира к риску подрыва стабильности федерации в долгосрочной перспективе [5].

Сепаратизм провинций как предопределенность прошлого

Канада, будучи изначально централизованной федерацией, постепенно стала децентрализованным федеративным государством. Стремясь обезопасить себя от экспансии США, канадцы не ставили

вопрос о различии между французскими и английскими частями страны ребром, а поэтому он должен был рано или поздно возникнуть. Однако вопрос о совместном существовании двух культурно-лингвистических групп все же поднялся в 1960–1970-е годы. Тогда череда событий, которая позже стала называться «Тихая революция», привела к тому, что жители и власти Квебека стали обособливаться от остальной Канады. Далеко не все представители Квебека на разных уровнях были за независимость, однако все они стремятся к защите французского языка и культуры в Канаде, возмущаясь культурной гегемонией англоязычной части в период до Тихой революции.

Несмотря на то что мнения представителей и жителей Квебека об отделении и независимости различны, стоит учитывать, что Квебек потенциально готов быть независимым. Собственные политические институты существуют и хорошо развиты. Эти институты основаны на собственной обособленности, так как они базируются на недовольстве конституционных полномочий в Канаде и этнической ситуации: Квебек всегда был, есть и будет этническим меньшинством Канады, и без контроля над своими социальной, политической и экономической политиками Квебек будет во власти «политических предпочтений» англоязычной Канады, которые не соответствуют франкофонцам Квебека [1].

Таким образом, Квебек, наблюдая угрозу, начинает работу над укреплением своих институтов и автономии. Другие регионы, в свою очередь, видят, что Квебек стремится к сепаратизму, пытаются оспорить это, так как такие стремления Квебека делают его выше среди прочих равных друг другу провинций [1]. Такая стратегия провинций расценивается Квебеком как попытка централизации, что увеличивает споры между провинциями и Квебеком [1]. Таким образом, провинции встают в конфронтацию, занимая противоположные позиции относительно будущего устройства. Тем не менее, чтобы не останавливаться на этой проблеме, Квебеку постоянно идут на уступки во избежание видимости притеснения французского меньшинства английским.

Противоречивая цепная реакция

Как было написано ранее, конституция Канады составлена таким образом, что вызывает постоянные споры. Подобная конституция делает отделение Квебека реальным. Однако, помимо потенциального ухода Квебека, есть и другие реальные недостатки. Во-первых, все дискуссии и споры на конституционном уровне Квебек трактует

по-своему, говоря о том, что остальная Канада хочет централизации, захвата власти и крушения Квебека, в котором провинции, по мнению Квебека, видят политического и культурного соперника.

Второй же недостаток исходит из первого. Так как большинство конституционных споров и почти вся внутренняя политическая повестка сосредоточилась на Квебеке, другие провинции, а особенно богатые ресурсами провинции на западе, чувствуют собственное отчуждение [6]. Альберта с богатыми залежами нефти, Британская Колумбия, Саскачеван, а также Манитоба отличаются более консервативными и американизированными взглядами, в том числе по вопросам канадского двуязычия. Именно поэтому у данных провинций и возникает конфликт интересов по поводу столь повышенного внимания к Квебекскому вопросу.

Так, постоянное внимание к Квебеку привело к возрастанию сепаратистских настроений среди других провинций, что является парадоксальным явлением и еще одним источником дестабилизации федеративного устройства в Канаде.

Заключение

Таким образом, в Канаде существуют дестабилизирующие факторы по следующим причинам. Во-первых, Канада стремилась образовать централизованное федеративное государство как можно быстрее, беспокоясь о своей безопасности и не обращая внимания на культурную поляризацию общества. Во-вторых, из-за изначально излишней централизованности Канаде приходилось децентрализовываться, что и породило сепаратизм Квебека. В-третьих, Канадская конституция допускает постоянные споры между провинциями, что укрепляет и в своем роде легитимирует сепаратизм Квебека. И в-четвертых, подобное повышенное внимание к Квебеку не устраивает богатые западные провинции, что также может стать дестабилизирующим фактором Канадского федерализма.

Итак, федерации показывают нам, что для сохранения баланса нужно постоянно вести диалог и быть готовым к изменениям. Что касается Канады, то очевидно, что Квебек будет продолжать свои сепаратистские движения вплоть до отделения. Богатый ресурсами Запад будет поддерживать свои интересы децентрализации. Остальная же часть Канады, скорее всего, пойдет по пути централизации, что в конечном итоге только увеличивает интерес к изучению современного федерализма в Канаде и ставит множество вопросов относительно его будущего.

Источники

1. *Anderson L.M.* Both Too Much and Too Little: Sources of Federal Instability in Canada // *American Review of Canadian Studies*. 2014. Vol. 44. N 1. P. 15–27.
2. *Bednar J. et al.* The robust federation // *Principles of Design*. 2009.
3. Constitution of Canada – 1982 // *Justice Laws Website*. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/> (retrieved: 23.02.2018).
4. *Elazar D.J.* *American federalism: A view from the states*. Crowell, 1972.
5. *Gardner J.A.* *Canadian Federalism in Design and Practice: The Mechanics of a Permanently Provisional Constitution* // *Perspectives on Federalism*. 2017. Vol. 9. N 3. P. E-1–E-31.
6. *Gibbins R.* *Prairie Politics and Society: Regionalism in Decline*. Butterworth Pub Limited, 1980.
7. *Hogg P.W.* *Constitutional law of Canada*. Thomson Carswell, 2007.
8. *Ouimet H.R.* Quebec and Canadian fiscal federalism: From Tremblay to Séguin and beyond // *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*. 2014. Vol. 47. N 1. P. 47–69.
9. *Riker W.H.* *Federalism: Origin, operation, significance*. Boston: Little, Brown, 1964.
10. *Stepan A.* Federalism and Democracy: Beyond the US Model // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. N 4. P. 19–34.
11. *Tsebelis G., Nardi D.J.* A long constitution is a (positively) bad constitution: evidence from OECD countries // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46. N 2. P. 457–478.
12. *Vile M.J.C.* *The Structure of American Federalism* // *Public Administration*. 1961. Vol. 39. N 4. P. 322–332.

Может ли блокчейн быть внедрен в структуру выборов, приведет ли это в будущем к переменам в мировой политике и каковы перспективы авторитарных режимов при широком распространении технологии?

Abstract

The main goal of my work is to find an answer to how the technology that excludes the substitution of data can be used in elections, will it influence future changes in world politics and what are the prospects for authoritarian regimes in the wide spread of technology. To achieve this goal, the following tasks are set: to study the basic concepts and metrics of DLT; learn how to implement the application of the DLT in elections; consider the experience of countries that have implemented the technology of DLT in the structure of elections.

Основная цель моей работы – найти ответ на вопрос, как технология, используемая в транзакциях с криптовалютами и исключая подмену данных, может быть использована на выборах, может ли она повлиять на развитие ситуации в мировой политике и каковы перспективы авторитарных режимов при широком распространении технологии.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: изучить основные принципы работы распределенных реестров;

¹ Таджибаев Акмал – студент 1-го курса образовательной программы «Политология и мировая политика» Департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ (СПб), лауреат конкурса (третье место). akmaltad1@gmail.com

рассмотреть способы применения ГРП на выборах; изучить опыт стран, внедривших технологию ГРП в структуру выборов.

Несменяемость власти, попытка ее узурпации — явление не новое, но с развитием современных технологий появляются новые пути решения этой проблемы, а также возможность усиления демократических институтов и, как следствие, улучшение ситуации с правами человека. Некоторые страны уже начали использовать подобные технологии и внедрили систему электронного голосования для проведения референдумов и выборов [17]. Однако ошибки, непрозрачность системы и ее небезопасность привели к тому, что страны, которые использовали электронное голосование (например, Нидерланды), были вынуждены от него отказаться и вернуться к ручному подсчету результатов [9].

Развитие технологий не стояло на месте, и уже в 2009 году Сатоши Накомото произвел первую в мире криптовалютную транзакцию, используя технологию «распределенных реестров», более известную как блокчейн. На начальных этапах развития технология использовалась лишь в рамках криптовалюты биткойн и хранила информацию о всех совершенных транзакциях. За короткий промежуток времени разработка перешла на следующий этап, однако была также связана с криптовалютой. Появление Эфириума и смарт-контрактов открыло возможность для реализации нового потенциала технологии. Следом наступил третий этап — приватный блокчейн, который распространил использование технологии и на другие сферы, в том числе на банковские системы и биржевые рынки.

«По своей сути блокчейн — это самоподдерживающаяся технология пиринговой базы данных для управления и учета транзакций без вмешательства Центрального банка или расчетной палаты. Поскольку верификация в технологии блокчейн происходит через алгоритмы и согласованность действий множества компьютеров, система считается неуязвимой для подтасовки или подделки данных, а также политического контроля» [13]. «Хеш-функции в блокчейнах гарантируют “необратимость” всей цепочки транзакций. Дело в том, что каждый новый блок транзакций ссылается на хеш предыдущего блока в реестре. Хеш самого блока зависит от всех транзакций в блоке, но вместо того, чтобы последовательно передавать транзакции хеш-функции, они собираются в одно хеш-значение при помощи двоичного дерева с хешами. Таким образом, хеши используются как замена указателям в обычных структурах данных: связанных списках и двоичных деревьях. За счет использования хешей общее состояние

блокчейна — все когда-либо выполненные транзакции и их последовательность — можно выразить одним-единственным числом: хешем самого нового блока. Поэтому свойство неизменности хеша одного блока гарантирует неизменность всего блокчейна» [16].

Технология блокчейн является полностью децентрализованной, что позволяет исключить вмешательство человека в функционирование системы [6]. Ее использование приводит к тому, что мы перестаем доверять человеческому фактору и начинаем вместо этого доверять коду. В связи с этим применение технологии может быть осуществлено как на президентских, так и на муниципальных выборах, что сделает их честными и прозрачными, исключив таким образом все возможные формы подтасовок с бюллетенями на всех избирательных участках. Мы предоставляем каждому избирателю его собственный i.d. (identity document) — блок информации, который невозможно продублировать или подделать. Блок состоит из неповторимого уникального кода, защищенного криптографическим ключом. Разместив серверы на избирательных участках, можно осуществить запись каждого изменения, вносимого в общий реестр, также создается общая цифровая корзина для бюллетеней, что позволяет голосовать, находясь в любой точке мира. Каждый участок, имея собственный сервер, соединен в единую систему и отображает информацию о ходе голосования в веб-интерфейсе, где каждый сможет проследить за всеми вносимыми изменениями. Тем временем каждый участник, имея свой уникальный i.d., голосует за кандидата, которому он отдает свои предпочтения. Когда избиратель проголосовал, в распределительный реестр вносится информация о том, что именно этот i.d. отдал свой голос за определенного кандидата. Польза подобной системы состоит в том, что у каждого участника i.d. является уникальным и в случае, если избиратель попытается проголосовать повторно или за другого, фальсифицировав результаты голосования, система не примет его голос, сообщив о том, что код его идентификационного документа уже внесен в реестр, или определит, что человек пытается проголосовать за кого-то другого. Подобную верификацию можно будет осуществлять с помощью сканирования отпечатка пальцев. При этом веб-интерфейс отображает любые изменения системы, любой человек сможет проверить ход голосования и узнать, действительно ли его голос был направлен тому кандидату, за которого он проголосовал. Более того, несмотря на открытость и прозрачность всего процесса, выборы на блокчейн не нарушают принципа тайного голосования, так как веб-интерфейс,

в котором отображаются голоса, отданные за того или иного кандидата, не показывает личную информацию о человеке. Вместо этого, открыв веб-интерфейс, любой желающий увидит таблицу уникальных i.d., однако номер известен лишь его обладателю. Дополнительным преимуществом является то, что систему невозможно взломать, так как данные серверов распределены дистанционно и децентрализованно, что позволяет системе сохранить первоначальный вариант внесенных данных. Даже при попытке вмешаться и переписать код система не позволит этого сделать, так как она сверяет данные, хранящиеся на одном сервере, с данными всех серверов.

Проведение выборов с использованием блокчейн-технологий имеет далеко идущие последствия не только в политической, но и в социально-экономической сфере. Так, гибридные режимы больше не смогут внешне выглядеть как демократии, а их авторитарное руководство не сможет легитимировать продление своего срока с помощью подтасовок на избирательных участках. В результате чего даже для тех групп общества, что не принимают участие в политической жизни страны, станет очевиден факт фальсификаций, а мировому сообществу станет легче классифицировать режим как авторитарный и принимать в отношении него соответствующие меры. Изменится вся концепция мировой политики – страны больше не смогут в обмен на преференции в сфере торговли или открытие военных баз, помогать существованию авторитарных диктатур, которые прикрываются демократическими институтами. Мировые лидеры больше не смогут оставаться у власти вечно, постоянно фальсифицируя результаты выборов, или отдавать власть только после переворота, как это было в Зимбабве в 2017 году. Помимо этого, исключив возможность подтасовки результатов, упростится транзит власти. Например, на прошедших в Кении всеобщих выборах после объявления победы Ухуры Кениаты результаты были оспорены его главным оппонентом Раилем Одигой, из-за чего разгорелся острый политический кризис, вызвавший массовые беспорядки по всей стране [12]. Однако в случае применения технологий распределенных баз данных подобного удалось бы избежать, так как заявления о подтасовке голосов на избирательных участках или о вмешательстве в избирательный процесс не имели бы под собой никакой доказательной базы, а в случае если бы действительно были попытки фальсификации, то их удалось бы не допустить и осуществить мирный транзит власти от правящего лидера к новоизбранному. В будущем блокчейн-выборы помогли бы решить проблему, с которой в прошлом столкнулась Грузия.

Так, после заявлений о подтасовке результатов парламентских выборов произошла Революция роз и Эдуард Шеварднадзе сложил свои полномочия. Однако выборы на блокчейн не позволят подтасовывать результаты, и общественности не придется, рискуя жизнью, осуществлять сменяемость власти путем митингов и демонстраций.

Первой в мире страной, применившей технологию блокчейн на выборах, оказалась Сьерра-Леоне [2]. Техническое решение для проведения голосования предоставил швейцарский фонд «Agoga» [1]. Проведение выборов с использованием блокчейн-технологий позволило сделать их более демократическими и повысить доверие со стороны избирателей к процессу, что увеличило явку до 70% [15]. Также подобные выборы показали, что сокращается путаница в самой системе выборов и это позволяет стабилизировать политическую ситуацию в стране и избежать возникновения политического кризиса. Более того, внедрение блокчейн в выборы помогло стране осуществить мягкий транзит власти. Для Сьерра-Леоне это особенно важно – страна продолжает оправляться от последствий гражданской войны и эпидемии лихорадки вируса Эбола.

Во время президентской компании в России председатель ЦИК Элла Памфилова, выступая на заседании Совета по правам человека при Президенте, предложила использовать блокчейн-технологии для проведения досрочного голосования, чтобы избиратели могли удостовериться в том, что их голос не был отдан в пользу кандидата, за которого они не голосовали [14]. С такой же инициативой выступил и глава «Сбертех» Андрей Хлызов во время своего выступления на форуме «Открытые инновации» в Сколково [7]. Однако блокчейн так и не был применен при проведении президентской компании в Российской Федерации. Успешный опыт применения технологии блокчейн и его внедрение в голосование имеет российский Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Так, для проведения выборов в совет студенческого самоуправления была применена система онлайн-голосования «Polys» [10], что позволило провести открытые выборы в студенческий совет и полностью исключить любые манипуляции при подсчете голосов.

Технология распределенных реестров – одна из революционных в области развития демократических институтов, она способна сократить расходы при проведении выборов, изменить форму взаимодействия общества с государством, повысить эффективность кооперации и стать механизмом мягкого транзита власти. Внедрение технологии блокчейн в систему голосования может кардинальным

образом изменить избирательный процесс, сделав его полностью дистанционным, открытым и защищенным от какого-либо вмешательства или манипуляций. Технологии распределенных реестров уже в будущем могут оказать непосредственное влияние на институты общества. Результатом применения блокчейн может стать усиление демократии и сокращение количества авторитарных режимов. Технология поможет в осуществлении мягкого транзита власти, что позволит избежать политических кризисов, а это, в свою очередь, будет способствовать стабилизации политического режима и переходу к экономическому развитию вместо борьбы за власть и оспаривания результатов выборов.

Источники

1. Swiss-based Agora powers world's first ever blockchain elections in Sierra Leone [Отчет]. Берн: Agora, 2018.

2. Блокчейн на службе демократии: в Сьерра-Леоне подвели итоги выборов президента // BitCryptoNews. 12 марта 2018 г. – 20 апреля 2018 г. URL: <https://bitcryptonews.ru/news/blockchain/stali-izvestnyipervyie-rezultatyi-blokchejn-golosovaniya-v-serra-leone>.

3. Hyperledger Announces Production-Ready Hyperledger Fabric 1.0 // Hyperledger. 11 июля 2017 г. – 28 апреля 2018 г. URL: <http://www.hyperledger.org/announcements/2017/07/11/hyperledger-announces-production-ready-hyperledger-fabric-1-0>.

4. *Morrison A.* Why are blockchains important? // PwC. 21 марта 2016 г. – 20 марта 2018 г. URL: <http://usblogs.pwc.com/emerging-technology/why-are-blockchains-important/>.

5. Why you should care about blockchains: the non-financial uses of blockchain technology // Nesta. 24 марта 2016 г. – 20 март 2018 г. URL: <https://www.nesta.org.uk/blog/why-you-should-care-about-blockchains-non-financial-uses-blockchain-technology>.

6. *Popper N.* Digital Gold: Bitcoin and the Inside Story of the Misfits and Millionaires Trying to Reinvent Money. New York: HarperCollins Publishers LLC, 2016. Т. I.

7. Глава «Сбертех» предложил проводить выборы с применением блокчейн // Информационное агентство «Rambler News Service (RNS)». 17 октября 2017 г. – 17 марта 2018 г. URL: <https://rns.online/economy/Glava-Sberteha-predlozhil-provodit-vibori-s-primeneniem-blokchein--2017-10-17/>.

8. *Swan M.* Blockchain: Blueprint for a New Economy. O'Reilly Media: Sebastopol, 2015. Т. I.

9. The Netherlands return to paper ballots and red pencils // Wijvertrouwenstemcomputersniet.nl. 11 октября 2009 г. – 17 марта 2018 г. URL: <http://wijvertrouwenstemcomputersniet.nl/English>.

10. Студенческий совет НИУ ВШЭ (СПб) // ВКонтакте. 30 октября 2017 г. – 10 апреля 2018 г. URL: https://vk.com/hsespsbstudconcil?w=wall-62294824_1736.

11. Не криптовалютой единой: «Лаборатория Касперского» представила систему электронного голосования на основе блокчейна // Лаборатория Касперского. 27 ноября 2017 г. – 25 марта 2018 г. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2017_kaspersky-lab-introduces-electronic-voting-system.

12. На кровавых каруселях // Lenta.Ru (Лента.Ру). 20 августа 2017 г. – 18 марта 2018 г. URL: <https://lenta.ru/photo/2017/08/20/kenyariots/>.

13. *Плански Дж., О’Доннел Т., Кимберли Р.* Блокчейн: стратегическое руководство // Свой Бизнес. 13 мая 2016 г. – 11 апреля 2018 г. URL: <https://mybiz.ru/articles/blokchejn-strategicheskoe-rukovodstvo/>.

14. Памфилова рассказала о применении технологии блокчейн на выборах // РБК. 24 октября 2017 г. – 17 марта 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59ef1b2e9a7947ce276ad599>.

15. *Сычев В.* В Сьерра-Леоне прошли блокчейн-выборы президента // N+1. 15 марта 2018 г. – 20 апреля 2018 г. URL: <https://nplus1.ru/news/2018/03/15/votes>.

16. *Тестова А.* «Криптография в блокчейнах»: о хеш-функциях, ключах и цифровых подписях // Хабр. 24 апреля 2017 г. – 10 апреля 2018 г. URL: <https://habr.com/company/bitfury/blog/327272/>.

17. *Хлапковский В.* Эстонцы – единственные в мире, у кого получилось // Delfi. 31 мая 2017 г. – 18 марта 2018 г. URL: <http://rus.delfi.lv/techlife/detali/kak-dedy-zaveschali-pochemu-v-latvii-net-i-nebudet-golosovaniya-cherez-internet.d?id=48899611&page=2>.

Особенности влияния постимперского синдрома на политическую культуру современной России

Abstract

The paper contains an analysis of postimperial syndrome's features and consequences for Russia since 1991 till the current time aimed to explain Russian political elites' goals and actions. Moreover, the analysis represented in this paper can be considered as a basis for the Russian future development forecast. It includes the explication of the terms “post-imperial syndrome”, “Empire”, “nation state” and “national state”; the causes and consequences of identity crisis; the definition of Russian Federation state's type; the possibility of nation-state's existence in Russia; the evaluation of nationalism and, finally, causes of post-imperial syndrome's rhetoric.

Введение

Действительность любого современного общества есть отражение его истории и традиций. Прошлое России и историческая память россиян неразделимо связаны с имперским величием многонационального государства, что находит свое выражение в так называемом постимперском синдроме. Несмотря на то что современная Россия – отнюдь не единственное государство с имперским прошлым, уникальность этого кейса заключается в его воссоздании. Так, хотя Российская империя распалась в 1917 году, уже к 1922 году государство приобрело хоть и иную – коммунистическую, – но все же по-прежнему имперскую форму, что более подробно будет проанализировано и доказано далее. Таким образом, в данной работе под имперским прошлым понимаются периоды с 1721 по 1917 год и с 1922 по 1991 год, что является очень продолжительным сроком, который не мог пройти бесследно. Однако какой именно отпечаток оставило

¹ Акимкина Анастасия – студентка 3-го курса департамента политологии НИУ ВШЭ (СПб), стипендия имени Г.В. Старовойтовой за 2018 год Администрации СПб. akimkina1997@mail.ru

имперское прошлое на современном развитии России и какие черты благодаря нему Россия приобрела сегодня? Поиск ответа на эти вопросы и побудил на создание настоящей работы.

Сегодня спекуляция постимперским синдромом широко распространена. Эксплуатировать боль, порожденную проблемами разведенных семей, сложными судьбами соотечественников за рубежом, ностальгией по былому могуществу и территориальным масштабам родной страны весьма нетрудно. Проблема состоит в том, что политики, используя образы былого имперского могущества, часто руководствуются собственными политическими и экономическими целями, катастрофические последствия чего показал пример Веймарской Германии [2].

В связи с этим актуальность моего исследования обуславливается стремлением к объективной оценке политических процессов, нахождению объяснения современной политической обстановки, что, в свою очередь, способствует конструированию прогнозов на будущее и выявлению изъянов для борьбы с ними. Кроме того, вследствие обнаружения ряда разночтений в определении понятий важно привести в исследовательское поле новые аналитические и научные инструменты. Возрастающая острота межэтнических конфликтов, связанных с кризисом идентичности народов в постимперский период [2], также говорит об актуальности моего исследования.

Настоящая работа посвящена анализу дискуссий в научной литературе о специфике и причинах широкого резонанса данного феномена в российском обществе и в политическом дискурсе современной России. Исследовательский вопрос: «Каковы особенности и последствия постимперского синдрома в России в период с 1991 года по настоящий момент?» Для ответа на него я обозначила следующие задачи:

1. Анализ существующего понятийного аппарата в рамках имперской и постимперской тематики.
2. Выявление предпосылок к возникновению постимперского синдрома и обозначение примеров использования имперских образов в современной России.
3. Анализ кризиса идентичности в рамках незаконченной модернизации российского общества.
4. Выявление и обоснование взаимосвязи с национализмом и автаритаризмом.
5. Прогнозирование последствий постимперского синдрома.

Таким образом, предметом исследования является постимперский синдром, объектом — сфера общественно-политических

отношений в рамках территории РФ в период с 1991 года по настоящий момент. В анализе были применены такие общетеоретические методы исследования, как аналитико-синтетический метод, индукция, аналогия, прогнозирование.

Сперва рассмотрен используемый в литературе о постимпериализме понятийный аппарат, с помощью которого обозначена смысловая нагрузка употребляемых мной терминов. Далее проанализирован кризис идентичности как следствие распада империи, а также рассмотрен вопрос выбора между этнической и гражданской нацией как вариантов дальнейшего развития России. Наконец, обоснована корреляция постимперского синдрома и национализма, авторитаризма; совершена попытка политического прогноза.

Используемый понятийный аппарат

Первой дефиницией, значение которой мне хотелось бы прояснить, является сам «постимперский синдром». Его наиболее часто встречающимся в научной литературе признаком считается ностальгия по имперскому могуществу; при определении термина она используется практически каждым исследователем. Так, политолог Э. Паин определяет его как взаимосвязанный комплекс факторов, основными элементами которого являются «имперское тело» (территория, сохраняющая рубцы колониальных завоеваний), «имперское сознание» (комплекс традиционных стереотипов, таких как имперские амбиции), «имперский порядок» (наднациональный политический режим, характеризующийся подданническим отношением народа к власти, общество — лишь трудовой ресурс, объект для политических манипуляций) [6]. Исследователь А.С. Кустарев, в свою очередь, признаки постимперского синдрома трактует как «озабоченность слабостью коллективного самосознания; <...> ностальгию по “славному” прошлому»; страх утраты суверенитета и культурно-политических традиций; боязнь становления этническим меньшинством; цивилизационную миссию; облегчение благодаря освобождению от ответственности и раскаяния за изьяны империализма [5]. Н. Тихонова в своей работе отмечает и другую специфику, свойственную данной дефиниции: в рамках модернизационного подхода постимперский синдром — не только ностальгия по утраченному величию империи, но и поиск своей национальной идентичности в новых условиях с по-прежнему присущей россиянам идеей мессианства. Также особое внимание она уделяет уточнению, связанному с объектом ностальгии: им является не роль СССР как сверхдержавы,

а привычный образ жизни, который с ним ассоциируется, его достижения в образовании, науке, экономике [10]. Важным также является добавленное к вышеупомянутым характеристикам утверждение Е. Ясина о синдроме жертвы, связанном с ущемлением собственного национального достоинства, и о желании России усилить свое влияние на постсоветском пространстве, подкрепленном имперскими амбициями и национализмом [15].

В этих определениях хотя и прослеживается непротиворечие друг другу, однако необходимые признаки, содержащиеся в одной трактовке, отсутствуют в другой, и наоборот. Таким образом, их изъятием является отсутствие достаточности и избыточности, вследствие чего появилась необходимость в формулировке собственного собирательного определения. Его я буду использовать на протяжении дальнейшего исследования: постимперский синдром – ностальгия по достижениям и могуществу (внешнеполитическому и территориальному) имперского прошлого с сохранением имперского сознания (включающего в себя имперские амбиции, идею «государствообразующего» этноса, мессианства, синдром жертвы) в рамках кризиса идентичности, ведущего к национализму и автономности.

Другой не менее важной дискуссионной дефиницией является «империя», то есть спорным остается сам объект ностальгии. В ходе анализа мной было обнаружено большое исследовательское поле имперских исследований (Imperial Studies), посвященное различным аспектам развития и понимания термина «империя». В качестве примера приведу определение М. Дойля: империя – иерархически организованная политическая система, где взаимоотношения ядра и периферии характеризуются принудительным контролем первого групп над суверенностью второй [18].

Однако, поскольку число определений понятия «империя» огромно, а общепринятого не существует, мне бы хотелось выделить основополагающие характеристики: (1) полиэтничность; (2) наличие центра и периферии, отношения между которыми асимметричны, неравноправны; (3) авторитарный способ интеграции территорий и общества с помощью вертикального характера политических связей; (4) сакральность «объединяющей идеологии»; (4) влияние на международной арене, стремление подчинить этому влиянию другие государства, то есть к неограниченной гегемонии с помощью экспансионистской политики [4].

Важным спорным сюжетом в исследованиях империй остается вопрос о том, был ли ею СССР. Советский Союз – сложный

феномен, который во времена его существования трактовался как антиимпериалистическое государство, однако со времен перестройки термин «империя» по отношению к нему встречается довольно часто, а после распада Советского Союза и вовсе почти повсеместно [9]. В связи с этим я бы хотела привести ряд аргументов, обосновывающих правомерность употребления слова «империя» относительно СССР. Так, повторное собирание русских земель, осуществлявшееся централизованной партией и Красной армией, зачастую нелегитимно насаждалось с применением насилия, тем самым обличая экспансионизм. Также возникло политическое, экономическое и культурное неравенство между центром и периферией, что, несомненно, являлось признаком имперского характера их отношений. Антиимпериалистическая цель большевиков — разрушить нации — в конечном итоге привела к формированию тех же различных наций, однако внутри пространства, управляемого большевиками [9]. Таким образом, СССР был полиэтнической территорией и системой этнической стратификации [21]. Все это, вкупе с сакральностью коммунистической идеологии, жестко выстроенной вертикалью политических связей, тоталитарным характером политики большевистских лидеров, сверхдержавным дискурсом в международных отношениях, и является признаками СССР как империи.

Далее необходимо рассмотреть понятие «национальное государство», так как именно оно считается противвесом империи и эталонном государственного строительства сегодня. Наиболее точная трактовка, на мой взгляд, принадлежит Э. Паину: «национальное государство» — государство, основанное на народном суверенитете и значимости народа как источника легитимности власти; в котором решающее значение имеют не иерархические, а горизонтальные, сетевые отношения; основополагающим признаком является добровольческий принцип объединения как отдельных граждан, так и социально-территориальных сообществ [6]. Кроме того, в английском языке термин имеет две трактовки: «nation-state» и «national state» [20], что в российском дискурсе принимает формы государства «гражданской нации» и «этнической нации» соответственно. Гражданская нация представляет собой общество, где этническое происхождение не имеет значения, в отличие от принадлежности к культуре, участия в общественно значимых делах, патриотизма и желания улучшить существующий уклад жизни, что и составляет ценность. Этническая же нация подразумевает под собой полную противоположность, где основным лозунгом общества выступает защита

своих прав за счет ущемления прав других народов. Подобный вид нации сопряжен с национализмом и существованием доминирующей нации [15].

Генезис постимперского синдрома: кризис идентичности

Кризис идентичности является основополагающей причиной возникновения постимперского синдрома. В целях выявления его сущности и взаимосвязи с предметом исследования в первую очередь необходимо сконцентрировать внимание на его генезисе. С одной стороны, возникновение кризиса идентичности стало следствием распада СССР и привычных жизненных устоев, на которые опиралось общество в течение почти столетия. С другой – пришедшая на смену реальности не воплотила в себе обещаний «сверху» и ожиданий общества. Так, первым разрушенным устоем стало отождествление россиянами себя с имперским могуществом. Его сменил миф о будущем либеральном демократическом обществе на основе социальной справедливости, однако и он потерпел крах, так как с начала 2000-х гг. стал очевидным авторитарный, хотя и отличный от советского, характер общественного устройства РФ. Другим рухнувшим устоем стала институциональная защищенность: на смену советским пришли институты, не способные получить абсолютной социальной влиятельности [8]. Также возникновению кризиса идентичности способствовала российская национальная политика, которая всегда отождествлялась не с национальным строительством в целом, а лишь с его отдельным аспектом – проблемами национальных меньшинств [17]. Таким образом, напрашивается вывод, что Россия – уже не империя, но еще не государство-нация. Поэтому возникает справедливый вопрос, свидетельствующий о кризисе идентичности: что же тогда Россия?

Дебаты о том, что есть современная Россия, ведутся достаточно давно. Существует точка зрения, что «империя для современной России – не только прошлое, но и настоящее»: Россия все еще является доминирующим по площади государством в мире, обладающим структурой «центр – периферия», где центр играет роль монопольного центрирования большого пространства и концентрации внутри себя большинства значимых элементов. Такие районы, как Чечня, свидетельствуют о наличии внутренних территориальных войн, ориентированных на сохранение масштабов влияния, а фактическая аннексия Абхазии, Южной Осетии, Крыма – о стремлении сохранить влияние во внешней сфере.

Существует также ряд исследователей, утверждающих, что Россия уже есть национальное государство [11]. Однако большинство все же рассматривает данную точку зрения как вынужденную маскировку истинных терминов в связи с международным «антитрендом» на империи и непризнанием мировым сообществом легитимации имперских свойств [7]. В подтверждение этому приводятся и другие примеры применения имитационных механизмов в России: Общественная палата, которая по определению должна быть основана на самоорганизации, назначается Президентом; Федеральным собранием в России называется орган, полностью зависимый от исполнительной власти, а не народа; и наконец, авторитарная «власть над народами без их на то согласия» провозглашается демократией [7]. Другой контраргумент существованию гражданской нации в России приведен Дж. Хоскингом: имперская сущность в России подавила рост национального самосознания, формирование гражданских институтов, а отсутствие институциональных предпосылок (в частности, численности и влияния среднего класса) делает становление гражданской нации в России практически невозможным [19].

Приверженцы термина «этнической нации» обосновывают свою позицию тем, что «имперские интеграторы себя исчерпали и реставрированы быть не могут. Реальная перспектива связана с разворачиванием процессов национального становления» [14]. Однако «гражданская нация предполагает равенство всех перед законом, независимость суда, контроль общества над властью через свободные выборы и СМИ», то есть демократию, чего в России явно нет. Зато есть непройденный этап социокультурной и политической модернизации, в рамках которого гражданская нация невозможна [10]. Сохранились и ментальная инерция, влияние этнического национализма, укоренившееся в сознании людей «представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником», а народы бывших союзных республик переводятся в категорию национальных меньшинств без членства в нации [11].

Таким образом, рассмотрев каждую из позиций и не имея достаточных оснований для того, чтобы отнести Россию к какой-либо выше обозначенной категории, я склонна согласиться с Е. Ясиным в отношении того, что окончательный «выбор между этнической и гражданской нацией обществом еще не сделан» [15].

Проявление постимперского синдрома: национализм и авторитаризм

Кризис идентичности в России привел, с одной стороны, к атомизации современных обществ и отсутствию национальной солидарности, с другой – наоборот, к сплочению людей, но в рамках традиционных общностей – этнических, клановых, конфессиональных, нередко имеющему националистический и ксенофобский окрас [7]. Однако что представляет собой национализм в России и каковы его особенности?

Во-первых, чувство незащищенности русского народа в собственной стране, отсюда возникает нужда в увеличении своих прав за счет ущемления государством прав других этносов. Во-вторых, чувство обиды этнического большинства, причем как на национальные меньшинства («чуждость культур» иммигрантов, занятие ими рабочих мест, повышение конкурентности среды, а в некоторых случаях и вовсе создание ими преступных группировок с национальным окрасом), так и на пренебрежение со стороны других крупных держав [15]. В-третьих, существует идея мессианства русского народа и ценности общественного блага, противопоставляемая западному рационализму и материализму. Исходя из этой идеи, национализм рассматривается как миссия по распространению присущей русским духовности. В-четвертых, ксенофобский окрас, ставший свойственным русскому национализму за счет распада СССР, а вместе с ним и ликвидации идеологии «дружбы народов», терпимости [15].

Опасность националистов заключается в том, что в своих речах они, помимо розжига ненависти к «чужим», обращаются к постимперскому синдрому через заверения в обеспечении нового привилегированного правового статуса русскому народу, а «национальные чувства – один из сильнейших инструментов политической мобилизации в обществах, не имеющих традиции демократических установлений» [15].

Однако существует ряд аргументов в пользу понимания национализма как положительного явления, основной среди которых – консолидация населения для социально-экономического прорыва [16]. В связи с этим стоит осветить дискуссию о том, возможен ли данный положительный национализм в РФ. Его камнем преткновения является вопрос способности российского общества преодолеть склонность к воссозданию империи и ее могущества [17]. Если да, то возможен, а если нет, то невозможен.

Наконец, хочется заметить, что постимперский синдром тесно связан с сохранением имперских амбиций в русском обществе,

проявлением которых является потребность россиян в авторитарном лидере, а также враждебность к другим государствам, складывание международных отношений через призму «своего – чужого» и нахождение желаний обидеть, ущемить русскую нацию там, где его нет [3]. Все это, очевидно, схоже с признаками постимперского синдрома, что и доказывает их взаимосвязь. Связь имперских амбиций с авторитаризмом также видна в стремлении к главенству в СНГ с помощью поддержки авторитарных стран, насильственном укреплении унитаризма вместо реального федерализма, слабостью перед национализмом. Кроме того, их корреляция проявляется в создании под предлогом защиты национальных интересов «суверенной демократии», чертами которой являются оправдание репрессий против НКО, выступления против демократических приверженцев, именование их, а также либералов и правозащитников агентами Запада [15], ликвидация содержания избирательного права, пособничество ограничению оппозиционной деятельности (в том числе оппозиционно настроенных СМИ), гражданского общества [1]. Таким образом, очевидно, что политическая элита РФ всячески способствует подмене демократических ценностей имперскими амбициями, которые, в свою очередь, находят отражение в авторитарном режиме. Однако возникает справедливый вопрос: почему?

Первым объяснением является желание политических элит удержать власть в своих руках, а через нее гарантировать себе длительную стабильность. Другой причиной стало нежелание что-либо менять, так как модернистский путь влечет за собой проблемы и массовые беспокойства, а «идти по наезженной колее легче, чем искать новые решения актуальных проблем» [1]. Существует мнение, что причина – в стремлении к консолидированию, но не народа, а самой элиты [13]. Ну и наконец, что современная элита обладает «провинциальным менталитетом», в связи с которым ничего, кроме возможности воспроизводить имперскую политику прошлой, в действительности, властной российской элиты, она не умеет [12].

Заключение

Резюмируя все вышесказанное и разрешая поставленную данным исследованием проблему, хочется сказать, что постимперский синдром в России на сегодняшний день имеет большое влияние. Его поддержание выгодно как правящей элите, так и сторонникам национализма, этнически окрашенным общностям. Кроме того, существует ряд факторов, как исторически сложившихся, так и вызванных

модернизацией, обеспечивающих легкодоступность отклика россияна на апелляцию политиков к постимперскому синдрому. К ним можно отнести: имперские амбиции, свойственные россиянам в связи с исторической памятью и складываемой в течение четырех веков имперской ментальностью; «синдром жертвы», заключающийся в обиде как на другие государства, так и на этнические общности; ностальгию по привычной жизни в СССР и его бывшему могуществу. Также играют роль отсутствие демократии в стране, проблемы народа, вызванные модернизацией и которых не было при жизни в рамках империи.

Если говорить о прогнозах на будущее, основным является то, что, в условиях непрекращения использования политиками постимперской риторики в собственных целях поддержания авторитарного режима правления, Россию ждет все больший розжиг национализма и ксенофобии, сопровождающийся межэтническими конфликтами и дестабилизацией общества. Также это станет причиной того, что российское общество неминуемо пойдет по пути развития в рамках государства этнической нации, а не гражданской.

В ходе моего исследования был проанализирован целый ряд имеющихся в научной литературе дискуссий относительно таких вопросов, как разность трактования терминов «постимперский синдром», «империя», «национальное государство»; релевантность упоминания СССР в имперском контексте; причины возникновения кризиса идентичности; то, чем на данный момент является Россия и живущий в ней народ. Также были освещены дебаты по вопросу вероятности складывания гражданской нации, а вместе с ней и демократии и причин их несостоятельности на данный момент. В завершение обзора существующих споров были выявлены различные точки зрения на предпосылки к складыванию националистических и ксенофобских настроений, вероятность рассмотрения их с точки зрения положительного ключа, сущность выгод спекуляций постимперским синдромом как для националистов, так и для современной политической элиты. Тем самым были выявлены причины широкого резонанса данного феномена в российском обществе и их специфика. Однако множество вопросов так и не было раскрыто в должной степени, что дает почву для дальнейшего исследования, в рамках которого мне предстоит сделать более основательный прогноз последствий постимперского синдрома для российской действительности и исходя из этого смоделировать либо механизмы его искоренения из сознания русского народа, либо его созидательные функции и проанализировать их применимость относительно российского кейса.

Источники

1. *Адамишин А.* Imperium – это власть // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
2. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. URL: <http://tufar.com/pub/books/Gaidar-Gibel-Imperii.rtf> (дата обращения: 17.03.2016).
3. *Касамара В.А. Сорокина А.А.* Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6.
4. *Каспэ С.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001.
5. *Кустарев А.С.* После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008.
6. *Паин Э.* Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2007.
7. *Паин Э.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.
8. *Семенов Е.* Постимперский синдром // Полит-НН.Ру. 14.10.2013. URL: <http://www.polit-nn.ru/?pt=comments&view=single&id=3883> (дата обращения: 02.04.2016).
9. *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова. Казань: «Центр исследования национализма и империи». 2004.
10. *Тихонова Н.* Постимперский синдром или поиск национальной идентичности // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
11. *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008.
12. *Урнов М.* Нынешняя властная элита обладает провинциальным менталитетом // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
13. *Филиппов А.* Смысл имперской риторики в создании базы мобилизации для элиты // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

14. *Яковенко И.* Империя и нация // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
15. *Ясин Е.* Фантомные боли ушедшей империи // После империи / Под ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
16. *Barkey K.* Thinking about consequences of empire // After Empire. Multiethnic societies and Nation Building / edit. by K. Barkey, M. von Hagen. Westview Press, 1997.
17. *Bibo I.* The distress of the East European small states // Bibo I. Democracy, revolution, self-determination. New-York, 1991.
18. *Doyle M.W.* Empires. New York: Cornell University Press, 1986.
19. *Hosking G.A.* Russia: people and empire, 1552–1917. Harvard University Press, 1997.
20. *Tilli C.* Coercion, Capital, and European States: AD 990-1990. 1990.
21. *Zaslavsky V.* The Soviet union // After Empire. Multiethnic societies and Nation Building / edit. by K. Barkey, M. von Hagen. Westview Press, 1997.

Метамодернизм, власть и блокчейн: к роли государства в современном мире

Abstract

The essay touches upon the shift in the state's role in contemporary world. The author analyses the influence of new block chain technologies in the frame of the metamodernism philosophy. The essay gives an example of how the block chain provides an opportunity to create alternative to state's ones structures.

Когда в 2010 году голландские философы Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер выдвинули термин «метамодернизм», некий Ласло Ханеч, американский программист, заказывая пищу, потратил 10 000 биткойнов, став первым, кто обменял кибервалюту на реальный товар. Ласло Ханеч, вероятно, никогда не интересовался философией, в особенности философией метамодернизма, а голландские философы не были знакомы с новой, тогда еще неизвестной технологией блокчейна. Однако оба эти события объединяются общей логикой разрушения власти государства.

С того момента, когда Линда Хатчеон в 1988 году провозгласила смерть постмодернизма [4: 37], до момента, когда были написаны эти строчки, прошло 30 лет. С тех пор мысль о смерти постмодерна поднималась еще не раз и не два: его убийство вменяли падению Берлинской стены, теракту 9/11, войне с терроризмом, финансовому кризису и «арабской весне».

Однако вопрос, где провести черту между постмодернизмом и «постпостмодернизмом», не так важен, как понимание того, что пришло на смену старой парадигмы.

¹ Горбунова Екатерина – студентка 3-го курса факультет международных отношений СПбГУ. st047570@student.spbu.ru

Метамодернизм – не единственная, хотя и наиболее распространенная модель новой парадигмы мышления. Среди других концепций позднего дискурса выдвигались такие термины, как автомодернизм, то есть соединение механической автоматизации и автономии личности [6], и диджимодернизм – компьютеризация и цифровизация культуры [5]. Внимание также заслуживает идея Н. Буррито об альтермодернизме – искусстве диаспор, мультикультурализма, миграций и массового бегства, отразившим мобильность современного человека [1]. Однако, как можно заметить, эти модели больше концентрируются на механистической стороне изменений, которые происходят в современном мире.

В отличие от альтернативных новых концепций метамодернизм не рассматривает то, как изменился современный мир под влиянием технологического прогресса. Вопросы, на которые отвечают метамодернисты, лежат глубже и касаются естественного устройства миропорядка.

В основе метамодернизма лежит идея синкретики, или колебания. Синкретика признает все философские идеи равнозначными частями одного целого. В результате существование превращается в движение между диаметрально противоположными полюсами, которые тем не менее остаются взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Метамодернизм часто критикуется за отсутствие четко определенных границ, за попытку объединить постмодернизм с модернизмом вместо того, чтобы внести что-то новое. Одна из критических статей даже характеризует новую теорию как «симулякр в симулякре», имея в виду ее крайнюю зыбкость и расплывчатость [10]. Однако подобная критика отражает желание ее авторов подходить к вопросу с устаревшей позиции, потому что в парадигме метамодерна такие категории, как граница, определение, четкость, не имеют значения.

Понятие симулякра, о котором говорил Бодрийяр, потеряло смысл, потому что в метамодернистском мире все является симулякром. Проблема *fake news*² не в том, что они *fake*, а в том, что в них нет проблемы: нам не нужна истина. Интернет-блогеры и специалисты по PR хорошо знают, что событие, о котором никто не написал, не происходило. Так же и в других областях: интерпретации настолько преобладают в сознании людей, что факты перестали играть какую-либо роль.

² *Fake news* (с англ.) – фальшивые новости.

Тем не менее метамодернизм не выбрасывает понятие истины из оборота. Презюмируя отсутствие истины, метамодернисты все же утверждают, что поиски истины нам необходимы, пусть даже они никогда не будут завершены. Истина – это концепт, который нужен, чтобы обеспечить движение человека в определенную сторону. Движение, являясь по сути бесцельным, тем не менее не становится бессмысленным, поскольку дает возможность «нечаянно косвенно подглядеть некую скрытую внешнюю сторону» [7].

Появившись после десятилетий постмодернистской деконструкции, радикальной критики и смерти субъекта, метамодернисты приносят в философию и культуру заряд позитивности. Новый романтизм нельзя назвать возвращением к модерну, когда царила вера в прогресс. Метамодерн сочетает надежду с тревогой, сопереживание с иронией, критику общества с попытками понять.

Отныне мир нельзя рассматривать с одной точки зрения, будь то положительный или отрицательный взгляд. Метамодернизм устал от однозначных суждений. Реальность *должна* быть изменчивой, двусмысленной, расплывчатой, поэтому метамодернизм постоянно находится между двумя полюсами. Отсутствие четких определений – вот единственное определение, которое можно подобрать.

Новая тенденция хорошо заметна в популярной культуре. Мы можем наблюдать, как растет популярность жанров вроде темного фэнтези, где вместо черно-белой морали – полутона, как идеальные герои считаются недостатком произведения, как критики хвалят злодеев за «неоднозначность».

Массовую культуру – которая по определению нравится всем или почти всем, а значит, отражает наиболее широкие тенденции – интересуют не герои, а антигерои. Но это происходит не потому, что мораль не имеет значения, как могли бы сказать постмодернисты, создавшие такие циничные образцы культуры, как «Заводной апельсин» и «На игле»³, а потому, что современное искусство стремится к реалистичности образов.

Мы сострадаем персонажам, которые совершают жестокие, аморальные, несправедливые поступки, но которые при этом следуют своим принципам, проявляют доброту, которых не понимают или

³ «Заводной апельсин» – роман Энтони Бёрджесса 1962 года, экранизированный Стэнли Кубриком в 1971 году, анализирующий нетерпимость нового поколения к привычным моральным ценностям и жизненным устоям современного общества. «На игле» – фильм британского режиссера Дэнни Бойла, снятый по одноименному роману Ирвина Уэлша, который посвящен компании наркоманов из Эдинбурга.

к которым несправедливы. Поэтому «Игра Престолов» из телевизионного сериала превращается в культурный феномен, поэтому поклонники фильмов Marvel обожают трикстера Локи, поэтому DC вкладывает миллионы долларов в фильмы об антигероях, а Джокер интереснее Бэтмена — хотя и Бэтмен в своей последней интерпретации не похож на героя.

Для метамодернизма колебания между моральностью и аморальностью не просто неизбежны, они представляют неотъемлемую и естественную часть существования. Существование всегда несет в себе элемент незавершенности, но в этом нет ничего плохого. Незавершенность — вот тот элемент, что, по мнению метамодернистов, позволяет искать и находить новые смыслы, обогащая тем самым существование.

Самое важное, что делает метамодернизм, — освобождает человека от метадискурсов. Эту работу начали еще постмодернисты, когда подвергли критике все господствующие в обществе идеи: власть, религию, мораль и так далее. В конце концов, постмодерн, согласно широко известному высказыванию Жан-Франсуа Лиотара, это и есть *кризис метанарративов* [9: 11].

Отличие состоит в том, что метамодернизм делает шаг дальше и предлагает новую структуру взамен разрушенной. Он предлагает отказаться от диктата ценностей, идеологий и любых доминантных систем взглядов. Взамен он конструирует систему горизонтальных связей, где каждая единица важна и самодостаточна. Вне метанарративов личность становится более автономной, а политика и культура приобретают личный характер. В подобном мире нет места снобизму и элитизму, делению на высокую и низкую культуру. Все это довольно далеко от господствующего современного понимания государства.

Становление государства в том виде, в котором мы понимаем это слово, началось после окончания Тридцатилетней войны. В его основе, заложенной Вестфальским миром 1648 года, лежит идея суверенитета — то есть полное верховенство государственной власти внутри государства и независимость в международных отношениях. Таким образом, концепт государства оказался тесно связан с вертикальной иерархической системой и распределением власти в обществе.

Воплощением идеи власти стало национальное государство. Как отмечал Эрнест Геллнер, именно власть создала нации и именно

власть создала условия, в которых идея нации стала центральной для максимального количества населения [3: 141–142]. Образование национальных государств со стандартизированной системой образования, конструирующей стандартизированную «национальную» культуру, и националистическим дискурсом позволило государству контролировать производство смыслов.

В современном мире, однако, традиционная централизованная модель государственной власти оказалась нарушена. Многочисленные изменения, разнородные, но объединенные общей логикой трансформации системы, — такие как деятельность ТНК на международной арене, появление сетевой культуры, Agile-технологии в бизнесе, феномен глокализации, усиление миграционных процессов и падение значения формального образования — ведут к образованию альтернативных источников дискурса. В рамках сетевого общества человек может сочетать целый набор различных идентичностей, которые сменяют друг друга в зависимости от коммуникативной ситуации, не оказываясь при этом в конфликте друг с другом. В результате государство теряет монополию на производство смыслов.

Национальная идентичность перестает быть фундаментом, на котором строится личность человека. Теперь это просто еще один тип представлений о себе, еще один набор социальных ролей и действий, применение которого ограничено определенной коммуникативной ситуацией. Так — через многовариантность идентичностей и дискурсов — мы видим воплощение идеи зыбкости метамодернизма на практике.

Однако вопрос заключается не в том, произойдет ли изменение роли государства, или мир будет развиваться другим путем. Ключевой вопрос, на который необходимо ответить, состоит в том, как государство будет реагировать на изменение своей роли, потому что изменения уже происходят и обратить их назад невозможно.

Страх, что развитие технологий уничтожит государство, появился задолго до появления криптовалют и блокчейна. Смерть государства связывают с процессами глобализации, совершенствованием транспортных и коммуникационных технологий, экономической и политической интеграцией, ростом влияния ТНК и так далее. Все перечисленные процессы, вторгаясь в область государственного суверенитета, рано или поздно должны, по мнению многих экспертов, привести к разрушению государств. Возникновение блокчейна вызвало новый виток подобных опасений.

На самом деле, то, что подразумевается под «уничтожением» государства, ведет к его трансформации. Вестфальское государство все с большим трудом действует на мировой арене и, вероятно, в какой-то момент переродится в другой форме. Можно сказать, что новые технологии требуют нового языка, новой философии и нового государства.

Технология блокчейна появилась в 2008 году, хотя широкую известность она приобрела только в 2013 году, вместе с началом бума биткойна. Блокчейн — это способ хранения информации, который основан на трех ключевых принципах: распределенность, открытость и защищенность. Эти принципы означают, что информация в блокчейне защищена от чужого вторжения, но при этом полностью открыта для проверки, и что она хранится у всех пользователей сразу, так что отключение одного узла в сети не нарушает работу остальных.

Сфера применения блокчейна не ограничивается одними только криптовалютами. Эта технология находит свое применение практически в любой области, где происходит взаимодействие между акторами: от аренды автомобилей до оформления документов, от проведения выборов до выдачи кредитов, от управления авиаперевозками до получения гражданства. В отличие от традиционных сделок блокчейн защищает от мошенничества, создавая доверие в отношениях с неизвестным контрагентом. Побочным эффектом является то, что блокчейн устраняет необходимость в вертикальных властных структурах.

В мире блокчейна потребность в иерархической структуре, которая бы следила за добросовестностью сторон, снижается, так как любой участник сети всегда имеет полную и достоверную информацию о действиях другой стороны. Не нужны посредники при сделках. Не нужны наблюдатели на выборах. Не нужны Центробанки, не нужно бороться с фальшивомонетчиками. Целые профессии, структуры и институты в ближайшем будущем могут оказаться лишними.

Современные государства часто пытаются контролировать распространение новых технологий, особенно когда те ведут к таким глобальным изменениям. В конце 2017 — начале 2018 года, к примеру, рынок активно спекулировал слухами о возможном запрете криптовалют в Южной Корее. В конечном итоге выяснилось, что, хотя проект запрета действительно разрабатывался, от него решили отказаться.

Другая стратегия контроля включает создание собственных криптовалют. О планах по выпуску государственных «аналогов биткойна» объявляли такие страны, как Россия, Иран, Китай и Объединенные

Арабские Эмираты. Дальше всех в этом направлении пошла Венесуэла, которая провела первичный выпуск «петро» в феврале 2018 года.

Однако главными бенефициарами появления блокчейна являются не государства. Попытки Венесуэлы выпустить «свой» биткойн больше напоминают фарс. Правительство просто использует слово «криптовалюта» как более модный синоним для обозначения государственных облигаций, ясно показывая тем самым, что не понимает логику работы блокчейна.

Между тем для жителей Венесуэлы — особенно среднего класса — биткойн и другие криптовалюты играют большую роль, чем государственный боливар, обвалившийся на 98% за 2017 год [8]. Когда правительство не оправдывает ожидания, люди находят — или создают — альтернативы. Традиционно такой альтернативой для людей являлись криминальные банды или черный рынок. Блокчейн стал еще одним механизмом, действующим параллельно государству. Криптовалюта, поскольку они по своей природе не зависят от действий правительства, передают контроль в руки людям.

Почти в 900 километрах от Каракаса государство само отдает свои полномочия, столкнувшись с тяжелой ситуацией. Ураган «Мария» в Пуэрто-Рико, практически уничтожив инфраструктуру острова, подтолкнул правительство к смелому шагу поддержать блокчейн-инвесторов. Вдохновленные освобождением от налогов, энтузиасты новых технологий планируют построить киберутопию — город, в котором все деньги виртуальные, а все решения и контракты — открытые [2]. Отсутствие — или как минимум резкое сокращение — властных структур и контроль над собственной жизнью занимают важное место в их программе.

Однако отсутствие иерархичности — не единственная причина изменения роли государства. Другая особенность биткойна заключается в том, что он не зависит от границ между странами. Вспомним пример с Венесуэлой: биткойн дает людям возможность обходить ограничения и санкции, накладываемые политическими акторами. Трансграничность криптовалют позволяет капиталу свободно перемещаться по планете, находясь при этом вне рамок, установленных государствами, что вновь подрывает государственный суверенитет.

Блокчейн — это один из инструментов, на которых могут основываться децентрализованные и дерегулируемые системы, о которых говорит метамодернизм. Между этими двумя явлениями можно

найти немало схожего: здесь и исчезновение иерархий и метанарратива, и рост значения личности, и сама идея системы, где каждый элемент важен и самодостаточен. И если технологический прогресс ведет к трансформации процессов, находящихся в зоне государственного суверенитета, то изменение философской парадигмы конструирует новое восприятие государственной власти.

Вышесказанное не нужно воспринимать как алармистское мнение об «исчезновении» государств. Однако следует понимать, что в настоящий момент объем суверенной власти государства и область ее применения уменьшаются. Господствующей тенденцией в современном мире является увеличение автономии личности.

Источники

1. *Bourriaud N.* Altermodern // L.: Tate Publishing, 2009. 224 p.
2. *Bowles N.* Making a Crypto Utopia in Puerto Rico // The New York Times. 02.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/02/technology/cryptocurrency-puerto-rico.html> (дата обращения: 29.04.2018).
3. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Cornell University Press, 2008. 152 p.
4. *Hatcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. Routledge, 1988. 270 p.
5. *Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure the Culture. New York: Continuum, 2009. 288 p.
6. *Samuel R.* Auto modernity after post-modernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, MA: the MIT Press, 2008. P. 219–240.
7. *Turner L.* Metamodernist Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org> (дата обращения: 30.04.2018).
8. *Voge C.* Where Could Bitcoin Succeed as a Currency? In a Failed State. URL: <https://www.wired.com/story/where-could-bitcoin-succeed-as-a-currency-in-a-failed-state/> (дата обращения: 29.04.2018).
9. *Луотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна // Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
10. *Минка П.* Метамодерн. Онлайн-платформа «Сигма». URL: <https://syg.ma/@pavel-minka/mietamodiern> (дата обращения: 29.04.2018).

Устойчивое потребление – новая утопия? Анализ «Национальной программы для устойчивого потребления» Германии

Abstract

The essay deals with the conception of the Sustainable Consumption, which is one of the most important element of the Sustainable Development. In the essay the concept of Sustainable Consumption and the goals to achieving which this conception is directed are defined. Author analyze as an example National Program for Sustainable Consumption in Germany and conclude, is it necessary and possible to pass the same program in Russia and what kind of obstacles can be faced with there.

*Мы должны научиться хранить равновесие.
Обладая разумом, мы не должны совершать неразумных поступков,
обладая выбором, мы не должны поступать безответственно.*

Урсула ле Гуин. «Волшебник Земноморья»

Несмотря на научный контекст, эпиграфом к данной работе была выбрана цитата из детской книги с взрослым содержанием, которую написала американская писательница Урсула ле Гуин. Эта цитата лаконично отражает основные идеи устойчивого развития. Настоящее эссе – в широком смысле о нем, потому как устойчивое потребление есть только средство его достижения, один из главных и, можно сказать, даже центральных элементов в механизме построения устойчивости.

Бурное развитие научно-технического прогресса в XX веке, резко возросшее антропогенное воздействие на природу и сопряженные с ними целый ряд крупных техногенных катастроф, обострение

¹ Позднякова Полина – студентка 3-го курса направления «Юриспруденция» СПбГУ. polin.pozdnyakova@mail.ru

глобальных проблем, таких как «Север – Юг», социальное неравенство, ухудшение состояния окружающей среды в глобальном масштабе и другие социально-экономические и экологические проблемы, подтолкнули международное сообщество к тому, чтобы объединить усилия и сформировать ответ на брошенный действительностью вызов. Многие риски, являющиеся результатом производственной деятельности человека и применяемой технологии, пересекали национальные границы, именно поэтому и решение возникающих в связи с этим проблем стало предметом обсуждения на международном уровне.

Широкая дискуссия развернулась в 1972 году в Рио-де-Жанейро, где была проведена Конференция ООН, на которой объединенные государства приняли Декларацию по проблемам окружающей человека среды. Именно в ней содержатся ключевые идеи, на основе которых в дальнейшем строилась концепция устойчивого развития. 4 августа 1987 года на заседании 42-й сессии Генеральной ассамблеи ООН был подготовлен доклад «Наше общее будущее», в котором было дано международное понимание устойчивости по каждому из наиболее острых вопросов существования человечества как единого глобального сообщества. В дальнейшем данная концепция также воплотилась в Декларации по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г., где были сформулированы принципы устойчивого развития, и некоторых других актах, в том числе национальных (здесь прежде всего имеются в виду стратегии устойчивого развития и приводящие их в действие программы, однако некоторые исследователи находят данные идеи и в конституциях многих государств [7: 209]).

Положения концепции отражают рациональные пути развития человечества и их поиск, основанные на сохранении биосферы как предпосылки дальнейшего роста и поддержания достойной жизни человека нынешнего и будущих поколений. Ее комплексность с акцентом на охране окружающей среды позволяет обеспечить развитие всех сфер жизни человека в настоящем и будущем. Понятие потребностей здесь является ключевым [1: 59].

Количество глобальных проблем и их острота продолжают расти, что стимулирует общественность к обсуждению темы устойчивого развития и в Европе, и в России. Однако европейское сообщество (в частности, Германия) демонстрирует более глубокий подход и серьезное отношение к идее устойчивости, что выражается в том числе в организации научно-исследовательских проектов в данном направлении. Федеральное министерство окружающей среды, охраны

природы, строительства и безопасности ядерных реакторов Германии поручило исследовательским группам Свободного университета Берлина разработать научную основу различных аспектов политики устойчивого развития, среди которых политика в области ресурсов (PolRes), научная координация приоритетной устойчивой экономики (NaWiKo) и др. [14].

Среди «других» в 2015 году был инициирован проект создания Национальной дорожной карты «Устойчивое потребление в процессе Рио + 20», который в дальнейшем был положен в основу «Национальной программы для устойчивого потребления» Германии. Она представляет собой программу действий в основных сферах общественной жизни по совершенствованию потребления различных благ, формированию модели устойчивого потребления – то есть потребления, не наносящего вреда окружающей среде и здоровью человека, а также обеспечивающего равенство в потреблении между разными поколениями людей. В программе описываются области деятельности и называются конкретные меры, которые необходимо предпринять в каждой из них, а для некоторых вопросов только намечается область изучения. Дорожная карта есть «абсолютный внешний предел, в рамках которого должны быть реализованы политические цели» [9: 21]: охрана окружающей среды, экономические показатели и социальная ответственность должны сочетаться таким образом, чтобы решения были устойчивыми во всех трех аспектах: на местном, региональном и глобальном уровнях.

Возможно ли в России реализовать программу в том виде, в котором она действует в Германии, и если возможно, то с какими препятствиями мы можем столкнуться? Представленное эссе – попытка ответить на эти вопросы.

Для начала рассмотрим структуру и содержание программы. Она состоит из двух блоков сфер [9: 25, 39]. В рамках первого блока рассматриваются наиболее общие меры, служащие систематическому укреплению и расширению устойчивого потребления. Первый блок охватывает девять областей:

1. Социальная дискуссия: поощрение обсуждения стилей жизни и их потенциала для изменения в сторону устойчивости.
2. Образование: предоставление знаний об экологических, экономических и социальных последствиях поведения потребителей, а также формирование компетенции (и, соответственно, ответственности) в качестве центральной основы для устойчивого потребления.

3. Информация: повышение практической значимости информации для разъяснения населению содержания устойчивого потребления и объяснения его важности.

4. Разработка экологических и социальных «знаков» для маркировки продуктов: дальнейшее развитие и укрепление «лейблов доверия» — системы маркировки различных товаров и услуг как экологически чистых (в Германии это «Blue Angel»).

5. Экологически чистый дизайн продукта (экодизайн): учет в дизайне экологически чистого продукта принципов, жизненных перспектив и целей потребителей.

6. Устойчивые государственные закупки: разработка экологических и социальных стандартов, усиление роли государственного сектора на первых этапах формирования «устойчивого» рынка.

7. Исследования по устойчивому потреблению: исследование изменения поведения потребителей и применение результатов исследований для принятия решений в конкретных проектах, например таких, как «вторая цена».

8. Социальные инновации: систематическое использование потенциала социальных инноваций для устойчивого потребления.

9. Мониторинг устойчивого потребления: разработка показателей воздействия потребления на поведение потребителей.

Второй блок представляет собой совокупность шести особо важных проблемных направлений:

1. Мобильность (передвижение): цель преобразований состоит в том, чтобы сделать будущий транспорт более экологически безвредным, ресурсоэффективным и безопасным с учетом индивидуальных потребностей в изменении мобильности (места жительства, передвижении в целом). Здесь необходимо:

- содействовать благоприятным для климата формам мобильности;
- стимулировать дистанционную работу;
- включать короткие пути в повседневную жизнь.

2. Питание: цель — обеспечение здорового, экологически безопасного и подходящего для повседневного использования питания, которое является максимально простым для всех потребителей и финансово устойчивым. Эти меры предполагают:

- закрепление устойчивого питания как концепцию укрепления здоровья;
- установление устойчивого питания в качестве экоконтцепции;

- сокращение пищевых отходов;
- Укрепление региональности (как в производстве, так и в потреблении продукции).

3. Домашнее хозяйство и жилищное строительство: цель проекта состоит в укреплении потребительской компетентности для снижения воздействия на окружающую среду и расширении использования ресурсосберегающих хозяйственных товаров. Здесь предлагается:

- содействовать дальнейшему распространению энергосберегающих, ресурсоэффективных и безопасных для здоровья предметов домашнего обихода;
- популяризировать новые формы жилья в обществе;
- сокращать количество бытовых отходов.

4. Управление и работа: цель изменений заключается в распространении устойчивых продуктов ИКТ (информационно-телекоммуникационных технологий) и их более долгом использовании, а также повышении информированности потребителей об экологических и социальных последствиях использования соответствующих приборов. Также важно поощрять использование переработанной бумаги или вовсе избегать использование бумаги. Меры:

- информировать потребителей об устойчивых ИКТ и расширять поставки устойчивой ИКТ;
- проводить работу по продлению срока службы продуктов ИКТ;
- стимулировать продажу переработанной бумаги.

5. Одежда: цель состоит в том, чтобы повысить осведомленность об устойчивом потреблении одежды – например, сократить абсолютный объем потребления за счет более длительного использования предметов одежды и увеличения доли использования текстиля в «устойчивом» производстве на рынке одежды. Необходимо:

- обеспечивать осведомленность об устойчивом потреблении одежды;
- создавать инновационные инфраструктуры и бизнес-модели в области обслуживания, повторного использования текстильных изделий;
- снижать возможные риски для окружающей среды и здоровья путем использования новых функциональных тканей.

6. Туризм и отдых: цель – уменьшить экологические и социальные последствия праздничных и деловых поездок и сделать отдых и путешествия более «устойчивыми». Предлагается:

- обеспечить прозрачность устойчивого туризма;
- содействовать проведению благоприятных для климата праздников и мероприятий;
- популяризировать активный отдых как ориентированный на устойчивость.

Весь этот комплекс мер в целом выглядит подходящим и для России, он ориентирует нас на основные «болевые точки», проблемы, характерные для современного переходного состояния общества (от индустриального к постиндустриальному). Однако важно сказать о некоторых препятствиях, встающих на пути реализации данной программы действий и становления устойчивого потребления.

Первой проблемой-барьером выступает **информационный дефицит**. В последние годы значительно улучшилась информационная ситуация, связанная с экологическими свойствами продуктов и услуг. В то же время большая часть информации об экологических и особенно социальных аспектах цепочки создания стоимости продукта недоступна или считается потребителями ненадежной. Злоупотребления, связанные с маркировкой продуктов (причем как на этапе производства, так и на этапе продажи), подрывают доверие потребителей. В частности, к таким злоупотреблениям можно отнести отсутствие на этикетке продукта достоверной информации о составе продукта, дате изготовления. КоАП РФ [2] предусматривает административную ответственность за продажу продукции ненадлежащего качества (ст. 14.4), а также за введение потребителя в заблуждение путем указания заведомо ложной информации на упаковке продукта (ст. 14. 7), однако суммы штрафов для предпринимателей оказываются незначительными – максимально до 50 тыс. рублей (за продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг ненадлежащего качества), 500 тыс. рублей (за обман потребителей).

В связи с неэффективностью механизма административно-правовой ответственности и, как следствие, участвовавшими правонарушителями в данной сфере в Государственную Думу РФ был внесен законопроект Роспотребнадзора о введении уголовной ответственности за фальсификацию продовольствия. В августе 2017 года он был одобрен Советом Федерации, однако получил отрицательное заключение Минэкономразвития, так как, по мнению последнего, может повлечь необоснованные расходы для всех уровней бюджетной системы, а также заблокировать хозяйственную деятельность предпринимателей необходимостью проходить большое количество проверок и готовить документы. В настоящее время этот проект

не получил дальнейшего движения, и взамен ему был разработан новый [3], ужесточающий административную ответственность за вышеуказанные правонарушения и предлагающий новый состав правонарушения: штраф за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг организацией, гражданином, зарегистрированным в качестве ИП, при отсутствии установленной информации об изготовителе (исполнителе, продавце) либо иной информации, обязательность предоставления которой предусмотрена законодательством, увеличение штрафа за нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов, а также штрафа за нарушение порядка реализации продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия. Остается неизвестным, будет ли принят этот проект.

С одной стороны, отсутствие всеобъемлющей, доступной и прозрачной информации затрудняет принятие решения о потреблении, с другой – наличие множества характеристик с различным качеством и достоверностью способствует неопределенности и информационной перегрузке потребителей, поэтому в данной ситуации необходимо соблюдать «информационный баланс», создавая независимые системы контроля и проверки сведений, предоставляемых потребителям.

Второй проблемой являются *поведенческие паттерны потребителей и социальные нормы*. Препятствием на пути перехода к устойчивому потреблению служат паттерны и привычки, преобладающие в повседневной жизни, в которых человек сознательно не думает об устойчивости или неустойчивости своего поведения и последствиях этого поведения. Это относится, в частности, к повседневному потреблению в таких областях, как питание, мобильность, жилье. С точки зрения пользователей, изменение поведения часто рассматривается как неэкономичное, дорогое или малополезное (либо все вместе). Как показывают данные опроса потребителей в Испании и Польше, большинство считает охрану окружающей среды препятствием экономическому росту [10: 13]. Однако именно изменение поведения, изменение жизненных установок – предпосылка для формирования устойчивости [12: 28].

Необходимо формировать бережное отношение к ресурсам, которое включает в себя экономию электроэнергии, воды, леса и пр. В первую очередь, осознание ограниченности и истощаемости природных ресурсов должно стать внутренним сдерживающим фактором человека

в процессе потребления. Важна роль социальных институтов (прежде всего школы) в воспитании в человеке качеств устойчивого потребителя с раннего детства. Во-вторых, необходима популяризация «устойчивого» образа жизни с помощью СМИ и массовой культуры.

Еще одним препятствием служит **недоступность «устойчивой» альтернативы продукта**. Вместе с распространением не всегда адекватной информации о способе производства устойчивость потребления в настоящее время осложняется наличием слишком малое количества «устойчивых» продуктов и услуг, которые можно использовать как альтернативы «неустойчивым», а также их значительно более высокой ценой и неэкономичностью для потребителей.

Экономическая нестабильность и отсутствие возможности строить долгосрочные планы стимулирует потребителей экономить на своем выборе, отдавая предпочтение менее дорогим и, соответственно, менее «устойчивым» продуктам. Производители сокращают выпуск «устойчивых» продуктов, так как высокая себестоимость производства делает данные продукты недоступными для среднестатистического потребителя.

Данная проблема может быть решена с помощью экономических мер: ценовая политика является условием для изменения моделей производства и потребления. Это может выразиться в повышении налогов для производителей «неустойчивых» продуктов и снижении налогов для производителей экологически чистых продуктов [10: 12], применении механизмов субсидирования. Без ценовых рычагов многие смогут изменить свое поведение и модели потребления, а это недостаточно для того, чтобы влиять на общие модели производства с целью уменьшения потребления «неустойчивых» продуктов.

Здесь можно увидеть еще одно препятствие – **проблемы «Зеленой экономики»**. Установление устойчивой модели поведения потребителя непосредственно связано с переходом к модели «Зеленой экономики». Однако, помимо возможностей, которые предоставляет эта модель, существуют довольно серьезные риски: ожидается, во-первых, увеличение издержек производства в связи с применением экологически чистых технологий, во-вторых, снижение международной конкурентоспособности ввиду различного уровня развития науки и технологий в разных странах.

Также возможно возникновение недобросовестной конкуренции из-за отсутствия игрового поля для «устойчивых» производителей на международной арене. Последствием перехода к новой модели может служить и нехватка капитала, управление структурными

изменениями и деиндустриализация. Еще одним риском «Зеленой экономики» служит снижение темпов роста, которое может стимулировать рост безработицы.

Здесь необходимо оговориться, что устойчивость предполагает не сокращение потребления в целом (как указывается в Национальной программе Германии в отношении сферы потребления одежды), а в первую очередь изменение его структуры — и соответственно, изменение структуры спроса. Это позволит решить проблему неудовлетворенности от приобретения товаров [8: 58], а также невостребованности после покупки большинства из них. В 1974 году американский экономист Ричард Истерлин установил, что, несмотря на заметный рост дохода на душу населения с 1950-х годов, американцы не стали более довольными своей жизнью. Оказалось, что рост благосостояния делает людей лишь незначительно счастливее. Этот «парадокс Истерлина» опроверг считавшийся классическим постулат — предумпцию рациональности потребителя (человек выбирает то, что приносит ему больше выгоды) [13]. Устойчивое потребление — это осознанное взвешенное потребление.

Последнее выявленное препятствие — *отсутствие правового регулирования*. В законодательстве РФ не существует отдельного блока норм, посвященного правовому регулированию вопросов устойчивого развития. Не была принята Стратегия устойчивого развития или другой акт, в котором бы давались определения основным понятиям данной концепции, в частности — понятию устойчивого потребления. Это, в свою очередь, осложняет взаимопонимание членов общества, потому как понятия концепции неоднозначны. Глобальное понимание устойчивости, отраженное, как было сказано ранее, в докладе комиссии ООН «Наше общее будущее», должно быть интерпретировано для каждого из государств с учетом их особенностей. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.1994 № 236 «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» [4], Указ Президента от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [5] не содержат целостного базового регулирования. Такой подход нарушает принцип правовой определенности и в полной мере не позволяет управлять изменениями: определить метод правового регулирования и в соответствии с ним отрасль права, в рамках которой воздействие на поведение будет оказано наиболее эффективно (гражданско-правовое регулирование, налоговое регулирование и пр.).

Тем не менее все указанные препятствия представляются преодолимыми. На их фоне необходимо интегрировать различные политики для достижения согласованного подхода к поощрению и укреплению устойчивого потребления, потому как потребление в контексте устойчивого развития для России является не менее острой проблемой, чем для европейских стран. Подтверждение мы можем найти в постоянно возникающих экологических проблемах: загрязнение реки Волги, «мусорный кризис», обострившийся в марте 2018 года в Волоколамске и в дальнейшем распространившийся по всему Подмосковью, и многое другое.

В настоящее время концепция устойчивого развития (и, соответственно, ее составляющая — устойчивое потребление) в Российской Федерации не получила должного закрепления и развития. Хотя этот вопрос активно обсуждается, тем не менее общество не делает конкретных шагов, в том числе в области потребления. За прошедшие 20 лет в России неоднократно предпринимались попытки разработки общей Стратегии устойчивого развития, однако они оказались безуспешными [6: 12]. По этой причине важно обратиться к опыту Германии для исследования данного вопроса и в конечном итоге улучшения его регулирования.

Первоначально для формирования устойчивого потребления необходимо:

1. Сформировать общую законодательную базу — принять Стратегию устойчивого развития, содержащую понятийный аппарат данной концепции применительно к правовой системе РФ (в том числе понятие устойчивого потребления).

2. На основе Стратегии разработать программу мер для построения устойчивого потребления, аналогичную Национальной программе для устойчивого потребления.

3. В соответствии с программой мер внести изменения в законодательство (например, ввести дополнительные сборы для производителей «неустойчивых» продуктов путем внесения изменений в НК РФ или другие законы).

Национальные программы для устойчивого потребления были разработаны и введены не только в Германии, но и в других странах — Великобритании, Финляндии и Швеции. В литературе отмечается, что из-за разнообразия и порой разнонаправленности достаточно новаторских и эффективных предложений дорожные карты, принятые в этих странах, призванные обеспечить планомерное движение к устойчивому потреблению и производству, представляют

собой скорее набор инструментов, чем целостную систему [11: 10, 23]. Поэтому огромную роль играют правительства, которые при взаимодействии с гражданским обществом должны вырабатывать оптимальные решения таким образом, чтобы возлагаемые на участников процесса обязанности взаимно принимались и исполнялись – программы не должны носить декларативного характера, а должны устанавливать четкое распределение обязанностей, не приводя к аутсорсингу – перекладыванию ответственности с правительства на частных субъектов.

Для этого необходимо формирование всеобщей осознанности – понимания важности устойчивого потребления как ключевого элемента движения к устойчивому развитию. Только тогда, когда каждый осознает необходимость и неизбежность перемен, когда каждый будет соизмерять свои поступки с требованиями устойчивости, а свои желания и потребности – с желаниями и потребностями других – только тогда и могут произойти перемены, неподвластные «палочной» системе. Перемена должна случиться в каждом из нас.

Источники

1. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» от 04.08.1987. Нью-Йорк: ООН, 1987. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Проспект, 2017. 608 с.

3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» № 428033-7 // СПС «Консультант Плюс».

4. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.1994 № 236 «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // СПС «Консультант Плюс».

5. Указ Президента от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // СПС «Консультант Плюс».

6. Гранберг А.Г. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. М.: Экономика, 2002. 414 с.

7. Должигов А.В. Конституционная концепция устойчивого развития. Евразийский экономический журнал. 2015. № 7 (86). С. 209–215.

8. Хёфер М. Может быть, капитализм не хочет, чтобы мы были счастливыми? СПб., 2015. 208 с.

9. Nationales Programm für nachhaltigen Konsum. URL: https://www.bmub.bund.de/fileadmin/Daten_BMU/Pool/Broschueren/nachhaltiger_konsum_broschuere_bf.pdf.

10. Approaching Rio+20 a survey of positions and expectations of civil society organizations in six European countries on the Green Economy / Holder Bár, Klaus Jacob; Stefan Werland. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/251570930_Approaching_Rio_20_A_Survey_of_Positions_and_Expectations_of_Civil_Society_Organisations_in_Six_European_Countries_on_the_Green_Economy.

11. *Berg A.* Not Roadmaps but Toolboxes: Analysing Pioneering National Programmes for Sustainable Consumption and Production. *Journal of Consumer Policy*. March 2011, Volume 34, Issue 1. P. 9–23.

12. *Faber D.* Law, Sustainability, and the Pursuit of Happiness. California.: University of California, School of Law, 2011. 60 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/6289107q>.

13. *Richard A.* “Does Economic Growth Improve the Human Lot?” / R. Easterlin // *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. 1974. P. 17–67. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780122050503500087>.

14. Research projects at Freie University of Berlin. URL: http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/systeme/ffu/forschung/alle_projekte/index.html.

Воздействие инновационных технологий на эволюционирование расчетно-денежных отношений

Abstract

The article is proposed to introduce into scientific circulation the term “parallel equivalent”. Is substantiated the impossibility of simultaneous application of two equivalents. Has been established the place of crypto currency in the monetary system. Have been determined world trends in the development of new technologies for the transfer of currency unit.

Развитие государства и общества обусловило формирование сложно структурированной системы отношений, особое место среди которых занимают экономические, поскольку они направлены как на удовлетворение общественных и индивидуальных потребностей, так на создание материальной основы, используемой для выполнения задач и функций, стоящих перед публичными образованиями.

При этом независимо от эволюционного этапа для экономики в целом и хозяйственных процессов в частности свойственно потребление различных видов ресурсов, имеющих, как правило, несопоставимые параметры идентификации. Для упрощения процедур распределения и обмена ресурсов необходим был всеобщий эквивалент, позволяющий сводить воедино разнообразные физические характеристики факторов производства.

Стоит отметить, что изначально эквивалентов было множество. Данный факт обусловлен ценностью соответствующего эквивалента для разных народностей. С расширением обменных операций потребность в едином эквиваленте стала очевидной, и на смену разнообразию материальных ценностей, одновременно выступающих в качестве «единиц счета» и потребляемых в процессе жизнедеятельности,

¹ Ольга Алина – студентка 3-го курса юридического факультета СПБИ(ф) ВГУЮ. alex.michaelson@yandex.ru

пришли деньги, главное предназначение которых сводилось к тому, чтобы быть исключительно мерой стоимости.

Таким образом, в современном мире процессы неразрывно связаны с наличием и движением денежных знаков. Представляя собой «кровеносную систему» экономики, деньги опосредуют взаимоотношения между разнообразием субъектов, тем самым обеспечивая их потребности в материальных и нематериальных благах.

Вместе с тем в силу различного рода обстоятельств, в частности развития информационно-коммуникационных технологий, изменениям активно подвергаются как восприятие данной экономической категории, так и способы передачи денежных единиц. Стремительное развитие денег, а также опосредованных ими отношений приводит к эволюции правового восприятия упомянутых институтов, в том числе требует незамедлительного качественного урегулирования возникающих явлений.

Общеизвестно, что зарождение денег тесно связано с возникновением товарного производства и его противоречивым характером. Согласно положениям экономической концепции развития денег, совершенствование процесса товарного обмена выражено в четырех формах стоимости: от самой простой и развернутой, где товары, обмениваясь друг на друга, не были опосредованы движением денежных единиц; до всеобщей, характеризующейся зарождением примитивных денег, и денежной, в которой роль всеобщего эквивалента закрепились изначально за драгоценными металлами [11: 8], а затем и за иными формами денежных знаков. Выделение денег в специфический товар, который противостоял всему остальному кругу товаров, происходило за счет расширения обмена и углубления внутреннего противоречия товаров [7: 7] на протяжении всего развития экономических отношений и было обусловлено потребностью в измерении стоимости товаров. Также ученые, разрабатывающие иные теории происхождения денег, сходятся во мнении, что деньги являются товаром [5: 13], который начал выполнять денежные функции.

В экономической науке сущность денежных знаков сводится к обеспечению взаимосвязи между участниками хозяйственных отношений, проявляется в выполнении ряда функций, что позволяет им выступать посредником в товарном обороте.

Среди представленных в доктрине денежных функций главенствующую роль следует отводить такой, как средство обмена, объединяющей в себе функции обращения и платежа. Являясь средством обращения, деньги заменяют натуральный обмен, поскольку

весь его процесс распадается на два акта [6: 15]: «товар — деньги» и «деньги — товар». При этом отличительной особенностью здесь является одновременное движение и денег, и товаров [4: 10]. Употребление денег в качестве единого всеобщего средства обращения служит определяющим условием эффективного осуществления товарообменных операций, что приводит к экономии времени, а также снижению транзакционных издержек обмена [7: 18]. С развитием экономических отношений денежные знаки стали выполнять функцию средства платежа, где они обладают самостоятельной меновой стоимостью, а процесс непосредственно обмена при этом отсутствует [7: 12]. Характерными чертами в данном случае выступают одностороннее движение денег, а также наличие временного разрыва между передачей товара и совершением платежа [7: 12].

Уравнивание упомянутых ресурсов зависит от общественного труда, затраченного на их производство, поэтому деньги, имеющие собственную стоимость, исполняют задачу сопоставления товаров непосредственно [15: 13]. Относительно современных денег, представляющих собой знак без внутренней стоимости, выполнение данной функции за ними сохраняется, поскольку они выражают суммарную стоимость товаров, которая воплощает общественно необходимый труд [6: 23]. Проявлением функции денег как меры стоимости (единицы счета) является цена товара, услуги или работы, выражающаяся в денежных знаках.

Особое значение придается функции денег как средства накопления. В соответствии с ее содержанием денежные средства увеличивают или уменьшают денежное обращение. Они выступают как актив, пространственно и временно обособленный от актов купли и продажи товаров, и в зависимости от конъюнктурных факторов увеличивают или уменьшают денежное обращение. Кроме того, в отличие от предыдущих двух функций деньги должны обладать способностью сохранять стоимость хотя бы на определенный период и обязательно быть реальными [15: 16]. Стоит также отметить, что по мере увеличения общего количества знаков стоимости в мире значение данной функции утрачивается, поскольку рост их объема не позволяет регулировать денежное обращение [15: 17].

Ряд авторов выделяют такую ключевую функцию, как мировые деньги, которая сводится к сравнительному денежным единицам различных стран [7: 21]. Однако существует также мнение, согласно которому обособление названной функции не оправдано [6: 36]. В частности, обращается внимание на выполнение деньгами тех же —

представленных выше – функций, а различие заключено в юрисдикции сторон [5: 24].

Рассмотрение упомянутых функций в совокупности позволяет придать денежным знакам роль всеобщего эквивалента. В отличие от товара-эквивалента, имеющего непосредственную полезность для потребителя, деньги обладают лишь одним функциональным назначением – быть товарным эквивалентом.

Несмотря на универсальный характер слова «деньги», в доктрине представлено множество их разновидностей. В рамках данной работы наиболее интересной представляется типология денежных средств по их степени обеспечения: полноценные (действительные) и неполноценные (знаки стоимости).

Под действительными деньгами следует понимать такие денежные средства, у которых номинальная стоимость соответствует реальной. Данный тип денег был широко распространен вплоть до начала XX века. Наиболее известными формами полноценных денег на момент их появления были штучные деньги, а затем – весовые металлические монеты. Для действительных денег характерна устойчивость, что обеспечивалось свободным разменом знаков стоимости на монеты, их свободной чеканкой и перемещением между странами [15: 17]. Названная особенность полноценных денег позволяла беспрепятственно выполнять весь перечень функций.

В отличие от действительных денег знаки стоимости характеризуются неравенством номинальной и реальной стоимостей. Иными словами, стоимость затраченного на производство названных денежных единиц общественного труда оказывается ниже, чем номинал, который на них указан. Сейчас к данному типу денег следует относить такие их формы, как бумажные, кредитные, электронные и цифровые деньги. Первые из представленных форм знаков стоимости возникли в силу непригодности для обмена действительных денег – золотых монет. Сущность бумажных средств обращения сводится к следующим параметрам: выполняют только функцию обмена; эмиссия находится под контролем государства, в результате чего их увеличение или уменьшение обусловлено прямой зависимостью от потребностей органов власти в финансовых ресурсах [15: 22]. Другой вид заместителей действительных денег – кредитные, значение которых заключается в выполнении ими функции платежа, то есть в данном случае они выступают обязательством, погашение которого осуществляется через определенный срок. Кредитные деньги аналогично бумажным обеспечиваются только доверием к эмитенту.

Упомянутые денежные знаки прошли долгий путь эволюционного развития и представлены различными видами денежных обязательств: векселями, чеками, банкнотами, кредитными картами и другими [15: 23]. Ряд авторов включают также электронные денежные средства (ЭДС) в представленный выше перечень кредитных денег, однако в результате развития информационных технологий необходимо обособлять ЭДС в самостоятельный вид знаков стоимости в силу особенностей эмиссии, расчетов. Но необходимо учитывать, что электронные деньги схожи с кредитными: они выполняют функцию платежа.

Совершенно новым институтом для мирового сообщества в целом и каждого государства в отдельности являются цифровые деньги, которые представляют собой результат развития ЭДС. Их можно интерпретировать как цифровое выражение стоимости, которая выпускается не традиционными эмитентами современных форм денег, но используется в качестве альтернативы общепризнанным формам денег при расчетах в сети Интернет [9: 120–121]. Однако на данный момент в мире еще не существует выработанной национальной цифровой валюты, поэтому определение специфики обращения цифровых денег не представляется возможным.

Как было отмечено, деньги, несмотря на видовое многообразие, обладают универсальностью, выражающейся в признании в качестве единого всеобщего эквивалента. Ряд ученых-экономистов отмечают, что средством выстраивания экономических отношений между субъектами может выступать только один эквивалент: либо деньги, либо товар [6: 38]. Существование «параллельных эквивалентов» не свойственно отношениям в сфере товарооборота.

В качестве подтверждения названной позиции следует упомянуть существование биметаллической денежной системы и впоследствии ее замещения монометаллической. При биметаллизме роль всеобщего эквивалента закреплялась за двумя драгоценными металлами — золотом и серебром, то есть на рынке устанавливалось две цены на один товар, что противоречило природе денег как единого товара [15: 35]. Кроме того, система обращения одновременно золота и серебра была неустойчива, поскольку изменение цены на металлы незамедлительно отражалось на стоимости товаров. В связи с этим с целью обеспечения стабильности денежной системы произошел переход к монометаллизму, в результате которого роль всеобщего эквивалента была закреплена за одним металлом, в то время как другой был вытеснен из обращения.

Необходимо заметить, что мировая экономика вновь стремится к выделению «параллельных эквивалентов», то есть развивается тенденция к введению в оборот двух или более отличающихся по природе эквивалентов. Ранее упоминалось, что в связи с достижениями научно-технического прогресса в настоящее время широко распространяется такой вид актива, как криптовалюта. При этом единый подход к восприятию названного инструмента на уровне как мирового сообщества, так и отдельных стран не сформирован. Например, в Соединенных Штатах Америки сущность названного феномена рассматривается сразу с нескольких сторон: как аналог денег, как собственность и как биржевой товар [14]. Кроме того, исходя из особенностей англосаксонской правовой системы в целом и признания прецедентного права в частности, одни суды штатов включают криптовалюту в категорию денег [20], другие же не признают ее валютой [23]. Япония определяет криптовалюту как ценность, подобную активам; при этом формально она выполняет функцию обмена [18]. Подобной точки зрения придерживается и Европейский центральный банк: криптовалюта не признается деньгами или валютой, а является средством обмена [22]. Что касается правового регулирования указанного института в Российской Федерации, то конкретный подход не выработан.

Необходимо заметить, что в основном финансовые регуляторы на протяжении 2016–2018 годов публикуют сведения, носящие информативный характер, но не раскрывающие сущности данного явления. В нашей стране первым шагом в определении правовой природы криптовалюты станет рассмотрение законопроекта, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации Министерством финансов Российской Федерации, где предлагается под названным термином понимать цифровой финансовый актив, то есть имущество [13].

Стоит отметить, что представленное многообразие толкований упомянутой категории не заслуживает должного внимания, поскольку все приведенные выше формулировки, раскрывающие содержание исследуемой дефиниции, не способствуют качественному совершенствованию расчетно-денежных отношений, а возвращают экономическое общество к так называемому натуральному обмену – «товар – товар». В результате признание криптовалюты будет способствовать формированию денежной системы «параллельных эквивалентов», один из которых в силу удобства, анонимности, отсутствия системы контроля за движением «coins» (монет) сможет вытеснить

привычные знаки стоимости из обращения. Поскольку дальнейшее развитие событий может негативно сказаться как на функционировании государственных институтов (например, использование данного инструмента для легализации доходов, полученных преступным путем), так и на деятельности субъектов обмена криптовалюты ввиду огромных рисков, то необходимо видоизменять механизм такого обмена.

В мировой экономике развивается тенденция, согласно которой обеспечение криптовалюты, а также процедуры майнинга начинают контролироваться государственными регуляторами. Так, к 2020 году Национальный банк Японии планирует выпустить национальную криптовалюту — J-coin, подкрепление которой будет выражено в привязке к иене — официальной денежной единице Японии, то есть в данном случае J-coin фактически будет дублировать основную валюту в цифровом мире [19]. Аналогичную систему стремится опробовать Центральный банк Великобритании: собственная криптовалюта, которую планируют запустить в 2018 году, будет привязана к фунтам стерлингов [21]. Иными словами, мировое сообщество пытается приравнять криптовалюту к уже используемым знакам стоимости.

Применение в Российской Федерации аналогичного механизма признания криптовалюты в качестве неполноценных денег станет затруднительным по нескольким причинам. Во-первых, процесс майнинга, контроль за которым будет осуществляться государственным регулятором — Центральным банком Российской Федерации, потребует вложения значительного объема бюджетных средств. Во-вторых, для Российской Федерации свойственна неравномерность развития территорий. Из-за этого различный потенциал субъектов отразится на процедуре введения технологий, сопровождающих использование криптовалюты. В-третьих, в Российской Федерации наблюдается одновременное увеличение в обороте как наличных, так и безналичных денег (*табл. 1*), поэтому предпочтение в применении той или иной формы неочевидно. Это также подтверждается и таким фактом: за последние годы доля россиян, в повседневной жизни использующих безналичные деньги, выросла незначительно — с 16% в 2015 году до 28% в 2017 году [1]. Иными словами, стремительного роста доли безналичных расчетов не обнаруживается [16], поэтому внедрение цифровых технологий в Российской Федерации, посредством которых возможны расчеты с применением криптовалюты как знаков стоимости, будет происходить постепенно.

Таблица 1

Динамика величины денежной массы
в Российской Федерации [12]

	Наличные деньги			Безналичные средства		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Денежная масса (млрд руб.)	7239,1	7714,8	8446	27 940,6	30 703,2	33 996,1

Не менее важной тенденцией в современной мировой экономике является также эволюция способов передачи денежных средств. Прежде всего в ряде зарубежных стран регуляторы стремятся ограничить расчеты наличными денежными знаками и в последующем вовсе отказаться от данного вида оборота. Так, Швеция с 2016 года выводит из обращения купюры и монеты различного достоинства, а к 2030 году расчеты бумажными деньгами и разменными монетами прекратятся [10]. В то же время Европейский центральный банк намерен вывести из обращения банкноты номиналом 500 евро, что свидетельствует об ужесточении денежной политики. Также отмечается, что другие страны «еврозоны» поддерживают политику по ограничению расчетов наличными денежными средствами: в Италии установлена максимальная сумма оплаты в 3 тыс. евро; во Франции – 1 тыс. и 10 тыс. евро (для резидентов и нерезидентов соответственно); в Испании – 2,5 тыс. и 15 тыс. евро (для резидентов и нерезидентов соответственно) [8]. В Российской Федерации можно говорить об аналогичной политике. Несмотря на увеличение доли наличных денег в обращении, удалось провести эксперимент при поддержке Правительства Татарстана, платежной системы «MasterCard» и банка «АК Барс», в результате которого в России появился первый город, где платежи осуществляются исключительно безналичным и бесконтактным способами [2].

Следующий этап эволюции форм расчетов связан с активно реализуемой политикой по тотальному контролю за различными сферами жизнедеятельности, в том числе осуществляемому посредством сбора идентифицирующей информации. Так, в Швеции и Соединенных Штатах Америки начали применять технологию вживления микрочипов сотрудникам компаний [3], при этом работники добровольно соглашались на данную процедуру. Аналогичную методику возможно применить для организации расчетов, поскольку микро-

схема, созданная с целью вживления, содержит определенную информацию. В случае с совершением перевода безналичных денег посредством микрочипа на последнем размещена информация о личности, а также банковские данные лица, что позволяет моментально производить транзакции, а затем отследить движение средств по счетам. Если ведущие экономические страны в скором времени могут реализовать упомянутую нанотехнологию в исследуемой области, то для применения в Российской Федерации чипов необходима совокупность условий, начиная с увеличения доли безналичных расчетов и заканчивая масштабными технологическими преобразованиями субъектов, обслуживающих безналичный денежный оборот, что потребует значительного объема финансовой поддержки государства.

Таким образом, современная экономика переживает абсолютно новые изменения, опосредованные стремительным развитием информационных технологий. Соответственно, термин «деньги» также эволюционирует: расширенному толкованию подвергаются знаки стоимости. Под натиском совершенствования восприятия дефиниции «деньги» экономические отношения порождают мировые и национальные тенденции в исследуемой области. В частности, мировое экономическое сообщество предпринимает попытки использования «параллельных эквивалентов», что в дальнейшем приведет к борьбе между традиционным эквивалентом и новыми финансовыми инструментами, которая может закончиться вытеснением общепринятых знаков стоимости. Кроме того, цифровые технологии позволят отказаться от примитивных видов денег, а также устоявшихся форм осуществления расчетов. Для отдельных стран мирового сообщества процесс модернизации расчетов запущен, а для других он носит отсроченный характер, причинами которого являются и технологическая отсталость, и закостенелый подход к организации расчетных отношений.

Источники

1. Безналичные платежи растут // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/beznalichnye-platezhi-rastut> (дата обращения: 24.04.2018).
2. В России появился первый безналичный город // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/society/20161013/1479135427.html> (дата обращения: 18.04.2018).
3. Горелова Е. Работодатели вживляют чипы сотрудникам // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/08/03/727790-rabotodateli-vzhivlyayut-chipi> (дата обращения: 24.04.2018).

4. Деньги, кредит, банки: учебное пособие / Т.Г. Гурнович. М.: МИРАКЛЬ, 2014. 176 с.
5. Деньги, кредит, банки: учебник для академического бакалавриата / А. Е. Дворецкая. М.: Юрайт, 2018. 472 с.
6. Деньги, кредит, банки: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. В.Ю. Катасонова, В.П. Биткова. М.: Юрайт, 2017. 499 с.
7. Деньги. Кредит. Банки: учебник / Ю.М. Склярова, И.Ю. Скляров, Т.Г. Гурнович и др. Ставрополь, 2013. 312 с.
8. *Добров Д.* Европа ограничивает наличные // InoСМИ.ru. URL: <https://inosmi.ru/economic/20160211/235371738.html> (дата обращения: 19.04.2018).
9. *Кочергин Д.А.* Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. № 1. С. 118–140.
10. *Ларссон Л.* Отказ от наличных – уникальный шведский тренд // InoСМИ.ru. URL: <https://inosmi.ru/economic/20160626/236978986.html> (дата обращения: 19.04.2018).
11. *Мяжкова Т.Л.* Деньги, кредит, банки: учебное пособие / Т.Л. Мяжкова. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011. 240 с.
12. Наличная и безналичная составляющая М2 // Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrтId=ms&pid=dkfs> (дата обращения: 24.04.2018).
13. О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 05.04.2018).
14. Правовое регулирование криптовалютного бизнеса // Axon Partners. URL: <http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf> (дата обращения: 17.04.2018).
15. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учебник для вузов / Л.А. Дробозина, Л.П. Окунева, Л.Д. Андросова и др. М.: ЮНИТИ, 2000. 479 с.
16. ЦБ и Сбербанк рассказали, когда в РФ из обращения исчезнут наличные деньги // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/economy/20161018/1479477366.html> (дата обращения: 24.04.2018).
17. *Якубенко Е.* Япония выпускает собственную криптовалюту // Freedman.club. URL: <https://freedman.club/yaponiya-vipuskaet-nacionalnyu-cifrovuyu-valyuti/> (дата обращения: 17.04.2018).

18. Bitcoin: a new currency in Japan? // KU Leuven Centre for IT & IP Law. URL: <https://www.law.kuleuven.be/citip/blog/bitcoin-a-new-currency-in-japan/> (дата обращения: 15.04.2018).

19. J-Coin ICO – Japan Bank To Issue Own Cryptocurrency Tokens? // BitcoinExchangeGuide.com. URL: <https://bitcoinexchangeguide.com/j-coin-ico/> (дата обращения: 05.04.2018).

20. Memorandum opinion regarding the court's subject matter jurisdiction // United States District Court. URL: <http://ia800904.us.archive.org/35/items/gov.uscourts.txed.146063/gov.uscourts.txed.146063.23.0.pdf> (дата обращения: 10.04.2018).

21. *Mendrick R.* Bank of England plots its own bitcoin-style digital currency // The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/12/30/bank-england-plots-bitcoin-style-digital-currency/> (дата обращения: 12.04.2018).

22. Opinion of the European Central Bank CON/2016/49 // European Central Bank. URL: https://www.ecb.europa.eu/ecb/legal/pdf/en_con_2016_49_f_sign.pdf (дата обращения: 15.04.2018).

23. The State of Florida vs. Michell Abner Espinoza // Eleventh Judicial Circuit Court of Florida. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/2998951-Read-the-Ruling.html> (дата обращения: 10.04.2018).

Будущее России через призму доминирующей консервативной идеологии

Abstract

The article analyzes the ideological situation of modern Russia. It is suggested that the dominant ideology of Russia is conservatism, which is supported by both authority and society. It is suggested to look at the future of Russia through the prism of conservative ideology. The consequences of conservative ideology in the sphere of social relations, culture and art, domestic and international politics are analyzed.

Проблема идеологии является крайне дискуссионной в современной России. После падения Советского Союза и до сегодняшнего дня многими учеными самых разных специальностей были высказаны призывы к созданию и распространению в России единой, общей идеологии. Однако, на наш взгляд, уже на протяжении многих последних лет сформировалась идеология, которую можно назвать доминирующей, — это идеология консерватизма. Она поддерживается в России как властью, так и обществом. Идеология консерватизма, чьими основными ценностями называют [12: 66–67]: стабильность и поступательное развитие, постепенность преобразований, порядок; сильную власть и сильное государство; традиционные ценности (брак, семья, религия, нация, традиционная мораль); приоритет целого (государства, народа) над частью (индивидом); яркую антизападную и антилиберальную направленность, — уже достаточно долгое время широко распространена в обществе, ее поддерживает партия «Единая Россия» и Президент РФ.

Еще в ноябре 2009 года «Единая Россия» на XI съезде приняла программный документ, в котором заявлялось: «Идеология

¹ Ипатов Дмитрий — социолог, окончил аспирантуру Казанского (Приволжского) федерального университета по специальности «Политическая социология». dima_110190@mail.ru.

партии — российский консерватизм. Это идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций». Основными ценностями этой идеологии являются любовь к родине, крепкая семья, здоровый образ жизни, профессионализм, гражданская солидарность, последовательные реформы, национальная культура, традиционные религии [11]. Сторонниками партии заявлялось: «Мы категорические противники революций и считаем всех революционеров всех мастей нашими политическими врагами. Революция и застой — две стороны одной болезни. Им мы противопоставляем наш реформизм — программу последовательных перемен в интересах большинства» [10].

В сентябре 2013 года в одном из интервью Президент РФ В. Путин на вопрос о своей политической философии назвал себя прагматиком с консервативным уклоном. Он пояснил, что для него означает консерватизм: «...консерватизм — это совсем не значит застой. Консерватизм — это значит опора на традиционные ценности, но с обязательным элементом, нацеленным на развитие» [9].

Однако, на наш взгляд, основные идеологические ценности, провозглашаемые В. Путиным и «Единой Россией», уже изначально поддерживались населением. В России неправильно было бы говорить, что консервативная идеология навязывалась обществу сверху. Эти ценности возникли стихийно, из глубины, «снизу», но государство, конечно же, тоже сыграло свою роль. В какой-то степени правящая партия подхватила консервативные ценности и использовала их в своей программе. Разумеется, эти ценности вполне соответствовали и собственной логике партии «Единая Россия», находившейся тогда и находящейся сейчас у власти.

В доказательство этой точки зрения приведем результаты некоторых опросов, свидетельствующие о возрастании роли консервативных ценностей. Некоторые опросы были проведены еще до того, как «Единая Россия» и Президент В. Путин высказались о своей идеологии. Например, в опросе ВЦИОМа 2008 года доминирующими ценностями являются ценности стабильности, как показано в *табл. 1*.

Таблица 1

С каким из следующих суждений о возможном развитии России Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ) [4]

Суждение	2004	2005	2008	2011
Страна нуждается в существенных переменах, нужны быстрые, кардинальные реформы в экономической и политической жизни страны	39	44	30	39
Страна нуждается в стабильности, реформах эволюционного характера	49	48	56	53
Затрудняюсь ответить	12	8	14	8

А вот результаты опроса, проведенного Институтом социологии РАН в 2004 и 2007 годах [8: 37] (табл. 2).

Таблица 2

Распределение россиян по типам мировоззрения

Год	Традиционалисты	Промежуточные	Модернисты
2004	41	33	26
2007	47	33	20

Для модернистов, которых оказалось в 2007 году почти в два раза меньше, чем традиционалистов, были характерны следующие утверждения: предпочтение общества индивидуальной свободы обществу социального равенства; согласие с тем, что России подходит западный путь развития; ориентация на инициативность; отсутствие патерналистских ожиданий по отношению к государству; убеждение, что России нужны в первую очередь хорошие законы, а не хорошие руководители; несогласие с тем, что государство имеет право ограничить свободу слова, если пресса нарушает интересы государства и др. Соответственно, для традиционалистов характерны обратные взгляды. В целом, если для модернистов важны индивидуальная свобода и западная модель развития с характерными для нее ценностями, то для традиционалистов оптимальна этакратическая модель

развития, основанная на всевластии государства, которое и является выразителем интересов народа [8: 131].

По данным опроса ВЦИОМа 2007 года, главными ценностями россияне считали: порядок (57%), справедливость (49%), стабильность (38%), достаток (37%), свободу (37%) и патриотизм (36%) – в основном именно консервативные ценности. Они стали самыми популярными более чем из 40 вариантов [1].

В опросе ВЦИОМа 2010 года ответ «порядок, даже если для его достижения придется пойти на нарушения демократических принципов», выбрали 72% респондентов, тогда как «демократию, если она предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам» – лишь 16% [3].

В опросе ВЦИОМа 2010 года как минимум 85% респондентов заявляли о том, что придерживаются той или иной религии (75% – православие, 5% – ислам и т. д.) [2].

В рейтинге главных жизненных целей, которые ставили перед собой россияне в 2012 году, лидировало создание счастливой семьи и воспитание хороших детей (93%). На втором месте – обретение надежных друзей (91%), на третьем – честная жизнь (90%) [5].

И в последние годы консервативные ценности имеют существенную поддержку населения. Стабильность все еще является более важной ценностью, чем реформы (*табл. 3*).

Таблица 3

С каким из этих суждений Вы в большей степени согласны?
закрытый вопрос, один ответ) [7]

Ответ	Все опрошенные
Наша страна нуждается в стабильности; это важнее, чем реформы и связанные с ними перемены	63
Наша страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	30
Затрудняюсь ответить	7

Россияне также поддерживают сильную власть и сильное государство. Об этом свидетельствуют два следующих опроса ВЦИОМа, проведенные в 2016 году (*табл. 4*).

Таблица 4

С каким из этих суждений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ) [7]

Ответ	Все опрошенные
Необходимо укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и отраслей, жесткое подавление коррупции, ограничение вывоза капитала и потребительского аппетита элит	69
Необходима либерализация всех сфер жизни, освобождение бизнеса от власти чиновников, усиление конгруэнтности, высвобождение инициативы граждан	22
Затрудняюсь ответить	9

В том же опросе 66% россиян согласились с тем, что России скорее необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок, чем политические свободы и демократия (22%) [7].

Можно скептически относиться к данным социологических опросов и высказываниям политиков, однако консервативная идеология проявляется не только и даже не столько в социологических опросах и высказываниях власти, сколько в своих последствиях, которые мы можем наблюдать если обратимся к социальным и политическим проблемам, которые волновали российское общество в последние годы. Социальные проблемы и пути их разрешения, обсуждаемые в последние годы, ясно дают понять, что консерватизм — это призма, предустановка, сквозь которую власть и общество смотрят на социальные проблемы.

Ярким проявлением роста влияния консервативной идеологии можно назвать отношение власти и обычных граждан к гомосексуализму. Например, только 4% россиян, в опросе ВЦИОМа 2013 года так или иначе высказывались за то, чтобы гомосексуальные пары могли заключать браки; 67% населения были совершенно с этим не согласны. В том же опросе ВЦИОМа 88% населения в России «скорее поддерживали» закон о запрете пропаганды гомосексуализма (6% — «скорее не поддерживали»). 42% респондентов высказались за то, чтобы гомосексуализм был уголовно наказуем; начиная с 2007 года, вместе с ростом влияния консервативной идеологии в нашей стране и ростом антигомосексуалистской риторики в СМИ, процент таких ответов вырос почти в два раза (табл. 5).

Таблица 5

Как государство и общество должны реагировать на нетрадиционную сексуальную ориентацию? (закрытый вопрос, один ответ) [6]

Ответ	2005	2007	2013
Это должно быть уголовно наказуемым, вплоть до лишения свободы	23	19	42
Это должно наказываться штрафом	10	12	15
Это должно быть предметом общественного порицания	19	18	25
Государство и общество не должны в это вмешиваться, это частное дело каждого человека	34	34	15
Затрудняюсь ответить	14	18	4

Исходя из консервативных тенденций не стоит удивляться таким событиям последних лет, как запрет на проведение гей-парадов, запрет на усыновление российских детей гомосексуальными парами из других стран, законодательные запреты на пропаганду гомосексуализма (если традиционная семья — это одна из главных ценностей консерватизма); преследования радикально настроенной оппозиции (если для консерватизма важно стабильное развитие, а революция, бунты и просто радикальные перемены недопустимы); законы в защиту церкви и традиционной морали, осуждение вандализма и кошунства, в том числе процесс над «Pussy Riot» (если консерватизм как одну из главных своих ценностей считает духовность человека и нравственные принципы); запрет на употребление нецензурных выражений в СМИ и на концертах; противостояние с либеральным «деградирующим» Западом, — все это последствия консервативной направленности власти и общества. Современное противостояние (в частности, украинский кризис) между странами Запада и Россией можно рассматривать и как идеологическое, в том числе как противостояние двух противоположных ценностных систем — либеральной и консервативной. Неприятие российскими политическими деятелями любых революционных преобразований (которое имеет, конечно, и геополитический смысл) в Венесуэле, Сирии, Украине также можно объяснить консервативной направленностью власти, для которой «революционеры являются политическими врагами».

Такая идеологическая ситуация сформировалась в российском обществе благодаря множеству факторов, в частности:

— Дискредитации других влиятельных идеологий: коммунизма во время СССР (с которым связаны тоталитарный стиль правления, преследование инакомыслящих и репрессии) и либерализма в конце XX века (либеральные реформы М. Горбачева так или иначе способствовали распаду страны, а либеральный курс власти в 1990-е годы привел к обнищанию населению, колоссальному имущественному разрыву между богатыми и бедными, росту социальной несправедливости и аномии).

— Желание стабильности и порядка после многих лет аномии, разгула преступности и экономического кризиса. Развал СССР, экономический кризис и дефолт, безработица и невыплата зарплат — то, с чем пришлось столкнуться очень многим людям в 1990-е годы. Вполне понятно, почему люди, которые в 1990-е жили в ситуации неопределенности и нестабильности, стали придерживаться ценностей стабильности и порядка, что предполагает консерватизм; кроме того, у россиян сегодня появился некоторый достаток, то есть то, что они хотели бы сохранить, — отсюда также стремление к стабильности. Естественно, что люди, которые долгое время жили в ситуации аномии и вседозволенности, захотели жить в понятном мире, руководимом высшими, традиционными ценностями.

— Отсутствие ощутимой поддержки личной инициативы людей, которое приводит к тому, что люди все отдают на откуп государства.

— Определенная преемственность консервативной идеологии по отношению к патерналистской коммунистической и консервативной православной идеологии досоветского периода. Безусловно, история российской мысли, включающая русскую религиозную философию, славянофильство, консерватизм XIX века, Н. Карамзина, вплоть до Филофея и Иосифа Волоцкого или даже еще раньше, дает богатый материал для концептуализации и оправдания современного российского консерватизма.

В последние годы также происходит еще больший рост антизападных и антилиберальных настроений. Западные, либеральные страны объявляются ответственными за украинский конфликт, за гражданскую войну в этой стране, им приписывают связь с националистами и фашистами. А санкции и антироссийские высказывания западных стран еще сильнее привязывают россиян к государству. Произошло еще большее сплачивание населения и власти. Победа В. Путина на выборах 2018 года с огромным преимуществом — явное этому подтверждение.

Не стоит забывать, что одно из определений идеологии, которое распространено среди социологов, философов и политологов (К. Мангейм, Л. Альтюссер, Э. Гидденс и др.), заключается в определении идеологии как ценностной системы, которая оправдывает господство существующей власти, легитимирует существующее властное, политическое и экономическое распределение. И консерватизм, с его акцентом на стабильность и порядке, идеально справляется с этой задачей.

Консервативная идеология сегодня, по сути, существует при полном отсутствии альтернатив. Ее доминирующему положению ничто не угрожает (даже многие оппозиционные политики так или иначе придерживаются консервативных взглядов, также можно вспомнить немалое число крупных ученых и деятелей искусств). Поэтому консерватизм можно представить не только как призму, с помощью которой можно посмотреть на социально-политические и культурные события последних лет, *но и как призму, с помощью которой можно смотреть на будущее*. Так как именно консерватизм — это будущее России.

Попробуем представить будущее нашей страны, опираясь на предположение о продолжении доминирования консервативной идеологии в России:

- Доминирование консерватизма в России, естественно, будет сказываться на тех, кто не вписывается в рамки господствующих идеологических схем. Люди, придерживающиеся либеральных взглядов, неверующие, представители альтернативных культур и контркультур, сексуальные меньшинства, а также те, чья семейная и половая жизнь отличается от жизни большинства, — это те социальные группы, давление (часто неприемлемое) на которые станет все более и более ощутимым.

- Без сомнения, можно говорить, что разлад с западными либеральными странами будет все более и более усиливаться. И дело не только в том, что российская власть не намерена идти на уступки западным политикам, но и в том, что основная масса населения, в принципе, обладает особой, незападной ценностной ориентацией. Само понимание друг друга затруднено разницей идеологических предпочтений и обусловленных этим разными когнитивно-эмоциональными реакциями на социально-политические события последних лет. Нетерпимость будет только возрастать. С другой стороны, будут укрепляться отношения со странами, близкими к консерватизму. Конфликт между ценностями абсолютной свободы

(о чем говорит либерализм и, условно говоря, Запад) и поведением, ограниченным со стороны определенных норм морали, традиций и духовности (консерватизм в России), будет составлять нерв социальных отношений, в том числе между государствами.

Нельзя оценивать консервативное будущее ни как однозначно позитивное или негативное. С одной стороны, консерватизм — это не просто навязанная сверху идеология, это идеология, которая имеет корни в самом российском народе, — и привел к этому социально-политический и культурный процесс последних десятилетий. Акцент на стабильности, традиционных ценностях и религиозной морали и осознание своей особой российской идентичности — это то, к чему призывают ученые и общественные деятели, студенты и интеллектуалы (не всегда прикрепляя к своим призывам консервативный ярлык), и все это положительно оценивается общественным мнением. Проблема может возникнуть лишь для тех, кто не вписывается в идеологическую реальность (реальность консерватизма — не их реальность), но в современной России их голос и пожелания не будут услышаны и поняты. Внутренняя неприязнь, а часто боязнь критики может дистанцировать и способствовать отторжению некоторых интеллектуалов, ученых и деятелей культуры, несогласных с современными социально-политическими и идеологическими реалиями, — впрочем, это уже происходит.

- Исходя из ранее написанного, не стоит ожидать и того, что какая-либо другая идеология, кроме консервативной, начнет играть политическое значение в будущем. Потребность в стабильности у населения означает и то, что доминирование власти В. Путина и «Единой России» с учетом, кроме того, уже выстроенной довольно жесткой вертикали власти будет продолжаться и даже усиливаться, если последнее вообще еще возможно. Можно сделать прогноз, что если сам В. Путин не будет баллотироваться на будущих президентских выборах в 2024 году, то его преемник (и сторонник) будет также главной фигурой в политической жизни страны и следующим президентом.

- В последнее время можно наблюдать явное падение интереса и количества дискуссий по вопросу таких понятий, как постмодерн и постмодернизм. Действительно, на наш взгляд, постмодернизм как модель, основанная на признании относительности и разрушении ценностных систем, вряд ли может описывать сегодняшнюю ситуацию во внутренней и международной политике. Мир снова, как и во время холодной войны, становится черно-белым, где существуют

однозначно хорошие/плохие субъекты мировой политики и общественных отношений. «Мы» (Россия, традиционные ценности) – хорошие, «Они» (Запад, аморальные ценности) – плохие, и наоборот; «Мы» (Россия, Запад и др.) – хорошие, «Они» (террористы) – плохие. Сложными являются проблемы мигрантов, в отношении которых также часто звучат крайние оценки.

- Современная культура (в смысле духовных, эстетических и иных подобных ценностей) на сегодняшний день, на наш взгляд, находится в ситуации тотального кризиса. Достаточно сравнить последнее двадцатилетие, в котором мы живем, с любым двадцатилетием прошлого. Например, с первым двадцатилетием XX века. Перечисление всех значимых культурных явлений, которые *появились* в тот период, может занять не одну страницу. Для примера – в живописи: фовизм, экспрессионизм, кубизм, абстракционизм, сецессион, супрематизм, дадаизм; в музыке: Г. Малер, С. Рахманинов, И. Стравинский, А. Скрябин, К. Дебюсси, М. Равель, атональная музыка А. Шенберга, мемблированная музыка Э. Сати и т. д.; в литературе: Серебряный век в России (от А. Блока до В. Маяковского), М. Пруст, Д. Джойс, Ф. Кафка, Т. Манн и т. д.; в науке: теория относительности А. Эйнштейна, психоанализ З. Фрейда, социология М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина и т. д. А что нового появилось в последние двадцать лет – и даже если взять не последние двадцать лет, а сорок? Какие гении – композиторы, поэты, кинорежиссеры, – новые течения в живописи, в музыке, даже в социологии появились за это время? При том, что никогда за всю историю человечества не было такого большого количества художников, писателей, музыкантов и ученых, по-настоящему значительных имен не прибавилось. Кризис современной культуры (начало которого зафиксировали еще Х. Ортега-и-Гассет и Франкфуртская школа) является кризисом, которого, возможно, не было последние лет семьсот. Причины (скажем, доминирование массового искусства, размывание критериев в искусстве, локализация творчества – когда изучается один узкий аспект реальности) и последствия этого – тема необъятная.

Однако в контексте данного исследования можно акцентировать внимание на другом. Вместе с тем человек, путешествующий по России, неизменно может обратить внимание на одну тенденцию. По всей стране, что особенно заметно в малых городах, происходит огромная «перезагрузка» традиционного (часто высокохудожественного ремесленного) православного искусства. Восстанавливаются церкви, монастыри; заново создается/воссоздается внутреннее

убранство церквей и т. д. Во многих городах с населением менее миллиона человек монастырь и храм оказываются главными достопримечательностями, а часто также и культурными центрами города. Это искусство, возможно, не сможет составить конкуренцию Серебряному веку и также не подарит значимого художественного течения или гения, но именно в этом русле развивается и будет развиваться искусство в России.

Произведения же массовой культуры (в особенности кинематограф) в России также будут отчетливо выражать консервативные ценности. Не вызывает сомнения и то, что художественные произведения, противоречащие консервативным ценностям, будут вызывать осуждение, безразличие или подвергаться действию цензуры, которую можно наблюдать уже сейчас. Остается только поражаться, как Россия не может обходиться без того, чтобы не бросаться в крайности: из огня коммунистического отрицания религии и традиционных ценностей в полымя консервативного неприятия «безнравственных» ценностей и «аморальных свобод» Запада и либерализма. Те, кто подвергался цензуре во время СССР, сами становятся цензорами для неконсервативных зарубежных и отечественных художественных высказываний, руководствуясь ценностями морали и духовности, как цензоры XX века руководствовались ценностями марксизма-ленинизма.

Тотальный кризис в мире — и в частности, в России — ведет за собой не столько массовое оглушение и варварство. В конце концов, именно сегодня, когда открыт доступ к любым произведениям прошлых веков, огромное число людей (ученых, интеллектуалов или любителей) вместо интереса к современным культурным тенденциям изучают артефакты прошлых тысячелетий (античную философию, искусство Возрождения и т. п.). Отсутствие по-настоящему выдающихся произведений искусства, значимых работ социогуманитарной направленности ведет к возникновению одномерного, не способного на критику, на поиск альтернативных способов жизни сознания, о чем писал Г. Маркузе в книге «Одномерный человек».

• Указывающийся выше кризис культуры относится и к социально-гуманитарным наукам. Социология сегодня испытывает кризис в теоретическом понимании и интерпретации сложного, динамично меняющегося общества. Российская социология, политология и философия, в своей массе поддерживая существующую власть, становится не способной или попросту не желает критически взглянуть на современные российские реалии. Общественная критика как

неотъемлемая часть жизни интеллектуала дискредитируется. Например, исследователи, занимающиеся проблемой идеологии, не столько занимаются ее критическим анализом с точки зрения манипуляции, отражения властных интересов и т. п. (на что делали упор классики исследования этого феномена), сколько сами становятся идеологами, предлагая или оправдывая те или иные идеологические концепции. Таким образом, социогуманитарные науки будут иметь в будущем некое значение как выразители властных (в том числе идеологических) или маркетинговых интересов, но не будут иметь значение как интеллектуальная сила изменения общества.

- Как можно в самом общем смысле охарактеризовать будущее России? На протяжении предыдущих страниц часто звучали такие слова, как «стабильность», «сохранение», «порядок» и т. п. Кроме того, отмечалась полная дискредитация в современной России консервативных идеологических устремлений. Таким образом, основной тенденцией будущего развития России можно назвать следующую: не будет никаких существенных изменений по сравнению с настоящим. Можно ожидать определенного развития техники и технологий, большего обособления страны от остального мира (что в нашей стране будет, скорее, приветствоваться), однако принципиальных изменений, кроме разве что углубления консервативных тенденций, ждать не приходится.

- Следует отметить важную деталь. На протяжении последних двух с половиной десятилетий в России высказывались пожелания о необходимости создания и внедрения некоей общей идеологии. (По нашему наблюдению, не важно, как называли те или иные специалисты необходимую России идеологию, — ценности в большинстве своем они предлагали консервативные). Для исследователей и общественных деятелей идеология представляется как система ценностей, которая способна разрешить буквально все российские проблемы: от моральной деградации до экономического кризиса. Однако опыт практически любой страны мира свидетельствует о том, что само по себе внедрение или принятие той или иной идеологии не искореняет проблем в обществе и не разрешает всех конфликтов. По сути, на место старых проблем приходят какие-то другие, иногда связанные с самой идеологией; иногда трансформируются сами проблемы, иногда они возникают снова, но под другим углом. Во-первых, хотя бы потому, что люди придерживаются идеологии по-разному. Наиболее интеллектуально и духовно активным людям идеология позволяет совершенствоваться, скажем, духовно. Другим, напротив, служит

источником радикализма. Для основного населения она может вообще не играть основополагающей роли в повседневной жизни. То же самое касается и консерватизма в России. Ожидаемые от этой идеологии культурное, политическое и социальное обновление никогда не осуществится в том смысле, о котором мечтают самые горячие сторонники этой идеологии.

Часто отмечаемая классиками российской литературы Л. Толстым и Ф. Достоевским «порочность», болезненность или, выражаясь современным языком, невротичность людей никогда не позволит абсолютно любой идеологии, даже с самыми возвышенными ценностями, фундаментально улучшить и усовершенствовать жизнь на планете. Высокие ценности всякой идеологии, наложенные на людей со своими внутренними проблемами, никогда не дадут того ожидаемого урожая, на который рассчитывают идеологи.

- В остальном мире можно наблюдать некоторую тенденцию к росту консервативных настроений. Случаи с разоблачением сексуальных домогательств в США позволили некоторым публицистам, возможно поспешно, но говорить о наступлении неоконсерватизма и сексуальной контрреволюции в глобальном масштабе. Парадоксальный, но вполне реалистичный сценарий может состоять в том, что налаживание отношений между Россией и Западом будет происходить не из-за того, что Россия станет более либеральной, а вследствие того, что сам Запад будет более консервативным.

Культурная, в самом широком смысле, жизнь России в XXI веке, как и всего остального мира, на который также может распространяться консервативная тенденция, может оказаться в несколько противоречивом состоянии. С одной стороны, развитие современных технологий и средств коммуникации, а с другой — традиционные ценности религии, семьи, патернализма, неприятие альтернативного, радикально-индивидуального. Все это создает совершенно особый тип социальных отношений и общества в целом, которые требуют своего изучения.

Таким образом, консерватизм представляется нам не просто тенденцией или модой, а целостной, оформленной, пусть часто бессознательно принятой, ценностной системой, которая во многом станет определять наше будущее. Можно предположить, что XXI век для России будет консервативным, так же как XX век был коммунистическим.

Источники

1. *ВЦИОМ: пресс выпуск № 659*. Порядок и справедливость — главные ценности россиян. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2526> (дата обращения: 12.04.2018).
2. *ВЦИОМ: пресс-выпуск № 1461*. Верим ли мы в Бога. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2016> (дата обращения: 12.04.2018).
3. *ВЦИОМ: пресс-выпуск № 1469*. Что важнее — порядок или демократия. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2006> (дата обращения: 12.04.2018).
4. *ВЦИОМ: пресс-выпуск № 1929*. Революция или эволюция: выбор России-2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1484> (дата обращения: 12.04.2018).
5. *ВЦИОМ: пресс-выпуск № 1973*. Друзья, семья, честная жизнь: жизненные приоритеты россиян. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1410> (дата обращения: 12.04.2018).
6. *ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2320*. Закон о пропаганде гомосексуализма: за и против. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1038> (дата обращения: 12.04.2018).
7. *ВЦИОМ: пресс-выпуск № 3175*. Пароль дня: Безопасность. Стабильность. Суверенитет. 2016. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815> (дата обращения: 12.04.2018).
8. *Институт социологии РАН*. Российская идентичность в социологическом измерении. М.: Институт социологии РАН, 2007. 140 с.
9. Интервью Владимира Путина Первому каналу и «Ассошиэйтед пресс». URL: <http://kremlin.ru/news/19143> (дата обращения: 12.04.2018).
10. *Исаев А.К.* Социальный консерватизм — идеология «Единой России». URL: <http://www.isaev.info/vzglyad/6/> (дата обращения: 12.04.2018).
11. Программный документ партии «Единая Россия». Россия: сохраним и приумножим. URL: <http://bashkortostan.er.ru/ProgrammnyjdokumentPartii/> (дата обращения: 12.04.2018).
12. *Сирота Н.М.* Идеология и политика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011. 216 с.

Будущее технологий, влияние технологий на общество и институты

Abstract

The essay is devoted to the topic of future technologies and their impact on society and institutions. Modern technologies are developing at great speed. Already, we can assume what the future holds for humanity and how new technologies will affect the entire population as a whole. In many respects, the technologies of the future are positive, they allow improving the life of a person, helping him to live longer, but also new technologies can have negative consequences. Among the most common reasons – this is overpopulation, the possible risk of artificial intelligence over a person or even a nuclear war.

Для начала стоит рассмотреть разные трактовки самого термина «технологии». В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой авторы определяют технологии как «совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства» [8: 797]. Другой исследователь, Д.Н. Ушаков, в своем большом толковом словаре русского языка дает несколько иную трактовку данного термина. Он считает, что технологии – это совокупность наук, а не методов: «...технологии – это совокупность наук, сведений о способах переработки того или иного сырья в фабрикат, в готовое изделие» [10: 677]. Я считаю, что данные определения не совсем точно раскрывают сущность технологий, так как они не только могут быть использованы в процессе производства, но и способны являться инструментами для реализации каких-либо задач. Также не соглашусь с тем, что технологии – это именно наука, потому что технологии – это конечный результат деятельности производства, а наука же используется для ее создания. На мой взгляд, наиболее подходящую трактовку дали

¹ Поздняков Илья – студент 1-го курса гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени М.А. Бонч-Бруевича. takeominamoto@gmail.com

в своем тематическом словаре Н.А. Некрасова и С.И. Некрасов, которая выглядит следующим образом: «...технологии – это совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата; в широком смысле – применение научного знания для решения практических задач» [7: 301]. Здесь авторы наиболее точно отобразили сущность данного определения, поскольку технологии создаются для того, чтобы решать определенные практические задачи любого человека в различных отраслях, будь то производство, фермерство, бытовые задачи и так далее.

На сегодняшний день развитие технологий достигло высокого уровня. С каждым днем мы наблюдаем, как происходит технологический прогресс, и являемся его непосредственными участниками. Еще сто пятьдесят лет назад люди не могли разговаривать друг с другом на расстоянии, а сейчас у каждого есть возможность достать мобильное устройство из кармана, набрать нужный номер и услышать голос своего близкого человека или знакомого.

Развитие технологий происходит с огромной скоростью, ведь совсем недавно человечество восхищалось их новыми возможностями, а сегодня общество воспринимает это как обыденность.

Двадцать первый век называют веком «Информационных технологий», поскольку на первый план выходят технологии, способствующие быстрому поиску и передаче информации на большие расстояния. Сейчас любой школьник или студент, если у него возникает какой-либо вопрос, заходит в сеть Интернет и буквально за несколько секунд находит исчерпывающий ответ, он экономит свое время и получает доступ к первоисточнику, что ранее было возможно только с использованием бумажного носителя – эту функцию выполняли библиотеки и букинистические лавки. Цифровые технологии кардинально изменили сферу услуг, что для любого потребителя является, безусловно, важно. Появились сайты (например, сайт «Госуслуги»), которые позволяют заполнять заявления в электронном варианте и совершать документооборот, не выходя из дома. Возникли и другие возможности.

В настоящее время любой пользователь может в онлайн-режиме подобрать подходящий тур, забронировать билеты и оплатить отель. Время, потраченное на поиск и оплату, несоизмеримо с тем, сколько бы человек потратил на эту процедуру до появления таких возможностей. Мобильные технологии позволяют совершать оплату картами, с помощью электронных кошельков, а наличие фотогалерей и отзывов на сайтах четко дают интересующую информацию без

необходимости поездки в саму туристическую фирму. Все это говорит о том, что сейчас благодаря технологиям человек может совершать намного меньше действий и тратить наименьшее количество времени на удовлетворение своих нужд или других потребностей.

Поразительно то, чего добилось человечество спустя миллионы лет своего существования. Стоит отметить, что развитие информационных технологий носит не только позитивный характер и используется во благо человечества. В любой системе есть свои изъяны. С появлением интернета, появились и социальные сети. Так как данная платформа вызвала большой интерес у аудитории разных возрастов, многие люди начали в них регистрироваться, разрешать обработку своих персональных данных, среди которых пароли, фотографии, видеоролики, музыка и тому подобное. Появились мошеннические схемы и недобросовестное использование данных, что привело к утечке финансовых средств как пользователей, так и коммерческих предприятий, а также спецслужб и засекреченных объектов. Как это происходит? Имея под рукой ноутбук или персональный компьютер и обладая определенными знаниями в данной области, человек способен взломать аккаунт в социальной сети другого пользователя, используя необходимое программное обеспечение. Так может происходить абсолютно в любой сфере. В современном мире группа хакеров способна обойти базу данных министерства обороны любой страны и использовать полученную информацию как угодно. Также с помощью этой информации взломщики могут повлиять на политические отношения, лишь отправив базу данных в другую страну. Мы живем в то время, когда о тебе можно узнать все, что угодно, с помощью одного клика компьютерной мыши. Что же сделать, чтобы защититься от такого? С помощью чего можно предотвратить взломы и кражу информации? Как сказал российский программист, один из ведущих мировых специалистов в сфере информационной безопасности и создатель антивируса «Kaspersky» Евгений Касперский, «единственный способ защитить информацию – это выключить свой компьютер» [11]. На данный момент это действительно так. До сих пор ни один программист или ученый в этой сфере не придумал решения данной проблемы. Я считаю, что современные технологии достигли высокого уровня своего развития и что в скором времени человечество сможет разработать систему, которая позволит полностью защитить данные любого пользователя. На мой взгляд, это, скорее всего, искусственный интеллект, который будет способен создавать все новые барьеры для взломщика в процессе совершения

преступления и сможет вызвать полицию, вычислив его место жительства по айпи-адресу.

После анализа возможностей информационной эпохи может показаться, что наступил предел в развитии цифровой сферы. Но мы еще не достигли того уровня, когда большая часть человеческого труда заменена роботами, до сих пор нами не исследован космос: другие системы и планеты. Многие могут воскликнуть: «Зачем нам это будущее? Нам и так хорошо живется». Как сказал Конфуций: «Того, кто не смотрит в далекое будущее, ждут близкие беды» [5]. Я согласен с этим высказыванием и считаю, что любой человек должен смотреть на будущее с оптимизмом и делать все ради того, чтобы это будущее настало. Каждый специалист исполняет роль «винтика» в огромном механизме развития технологий, которые с каждым днем совершенствуются и создают то самое будущее.

Перед тем как начать рассматривать современные прогнозы известных личностей относительно будущих технологий, я бы хотел высказать свою точку зрения — о моем понимании будущего. Абсолютно точно сказать, как выглядит будущее, невозможно. В настоящее время человечество может лишь предполагать, что будут представлять собой технологии через сто, тысячу лет, основываясь на текущих достижениях в этой отрасли, но узнать о том, что будет через многие десятки тысяч лет, практически нереально. Я предполагаю, что новая эра настанет тогда, когда у человечества не останется вопросов. Когда весь окружающий мир будет исследован человеком и вопросы типа: «Что находится за пределами солнечной системы?» или «Как мы появились на нашей планете?», будут исчерпаны. Эра будущего настанет в тот момент, когда мы сможем преодолевать бесконечное космическое пространство за считанные минуты или часы. Любому человеку не придется совершать большое количество действий в своей жизни, а уделять больше времени своей самореализации, своим талантам или образованию. Люди смогут искусственно создать живую природу, и она ничем не будет отличаться от естественной природы. Благодаря новым технологиям в медицине человек сможет прожить дольше или вовсе не умереть. Проблема перенаселения будет решена с помощью колонизации новых планет вне зависимости от того, есть там кислород или нет. Там будут построены целые вакуумные города, мегаполисы, внутри которых будет производиться кислород, пригодный для поддержания жизни человека. В моем представлении любого человека, который проснулся утром, будет приветствовать искусственный интеллект, который приготовит

ему завтрак или совершит любую другую операцию. После этого он оденется в специальном автоматическом гардеробе, сядет в свою летающую машину и сможет отправиться, предположим, на работу. Такое будущее будет возможно только благодаря новым технологиям, которые имеют большое значение в жизни людей. Но как же появятся новые технологии? Случайное стечение обстоятельств? Нет. Двигателем технологического прогресса всегда был и будет человек. Только благодаря человеческому разуму создаются технологии, способные облегчить жизнь человека и сделать ее наиболее интересной и продуктивной.

Большинство теоретиков считают, что развитие будущих технологий может привести к деградации человечества. Человек будет меньше времени уделять живому общению и перейдет к общению в социальных сетях, перестанет использовать бумажные книги, журналы и станет читать электронные версии или же вовсе прекратит читать и будет получать краткую информацию без использования книг. То есть многие могут посчитать, что будущее — это интерпретация книги Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», где люди полностью деградировали: сжигают книги и любые средства для духовного образования. Единственное, что позволяет им развлекаться и получать краткую информацию, — это настенные панели с искусственным голосом [1: 35]. Я отрицаю такое видение будущего. Обратимся к мнению специалиста в данной сфере. Например, кандидат психологических наук Московского государственного университета Александр Войскуский утверждает, что из-за современных технологий человек не деградирует, а наоборот: «...технологии способствуют развитию психики, если не прямо развитию мозга, а развитию психических функций» [9]. Я поддерживаю его точку зрения и считаю, что устройства будущего никак не делают человека деградирующим, а напротив, люди становятся более развитыми за счет использования новейших технологий. Само создание приборов будущего — это уже процесс развития, а не деградации. То, что книги заменятся электронными версиями, не говорит о том, что люди перестанут их читать. Это означает то, что человечество больше не будет потреблять экологические ресурсы для создания бумажных книг, газет, журналов и за счет этого улучшится экология Земли. Разве это означает деградацию человечества? Нет. Что же касается общения в социальных сетях, то оно ничем не отличается от общения вживую. В настоящее время отсутствует статистика, формирующая вывод о том, как влияют социальные сети на институт брака и семьи, но с уверенностью можно

сказать, что появились семейные пары, которые познакомились друг с другом именно благодаря социальным сетям. У некоторых людей нет возможности общаться лично, например, в силу территориальных различий или полной занятости. Появились голосовые сообщения, видеочаты, где можно увидеть своего собеседника и поговорить с ним. Вся суть социальных сетей в том, что человеку не приходится при каждом возникшем вопросе к своему собеседнику встречаться с ним лично. Он может сделать это, написав ему в социальных сетях или мессенджерах. Единственным возможным недостатком социальных сетей, на мой взгляд, является отсутствие приватности. Как многим известно, все переписки пользователей могут отслеживаться разработчиками этих социальных сетей, а они, в свою очередь, могут передавать информацию государственным служащим, и это говорит о том, что любое ваше высказывание может повлиять на вашу судьбу, если оно окажется противозаконным.

Теперь перейдем к рассмотрению современных прогнозов и взглядов на будущие технологии. Одной из первых личностей, чье мнение стоит рассмотреть, является знаменитый канадско-американский инженер, изобретатель, основатель компаний «SpaceX», «Tesla Motors» и «PayPal» — Илон Маск. На момент 2018 года Илон Маск имеет огромную популярность во всем мире благодаря своим идеям и изобретениям. Он является основателем нескольких фирм, которые занимаются производством электромобилей, солнечных панелей для крыши и пр. Многие полагают, что именно за этим человеком, за его идеями стоит будущее. Под его началом работают несколько компаний, занимающихся разработкой инновационных технологий, среди которых разработка и производство имплантируемых нейрокомпьютерных интерфейсов, создание искусственного интеллекта и строительная компания, занимающаяся инфраструктурой и прокладкой тоннелей. Сам Маск утверждает, что все его проекты и разработки направлены на улучшение жизни каждого человека на планете. Его миссия состоит в том, чтобы сделать мир лучше. У него существует множество точек зрения относительно будущего, одной из которых является его мнение о человеческом мозге. Он утверждает, что «вскоре может произойти слияние биологического мозга с цифровым» [16]. На мой взгляд, такая технология будет существовать и она во многом сможет улучшить жизнь каждого человека на планете. Если представить, что любой человек, который добровольно согласился на внедрение в свой мозг устройства, связывающего его с цифровым пространством, сможет знать все. Любая книга, которая

находится в информационном пространстве, сможет находиться у него в голове. Он сможет изучить всю школьную и университетскую программу за несколько секунд и использовать это в повседневной жизни. Также человеку с инновационным цифровым мозгом не нужно будет пользоваться смартфоном или часами. Все это будет находиться у него в голове. Как бы качественно ни была создана эта технология, у нее будут свои отрицательные черты. Такое устройство будет вживляться в мозг человека не бесплатно. Любое изобретение должно окупаться, чтобы иметь средства для создания новых технологий. Данное устройство, скорее всего, будет рассчитано на богатый слой населения, а значит, те люди, у которых отсутствует большое количество средств, не смогут себе подобного позволить. Из-за этого люди из низшего слоя будут ненавидеть тех, кто использует данную технологию, так как те станут считать себя «высшим разумом», имея при себе знания, накопленные человечеством за огромный период времени. Помимо этого, я считаю, что человеческий мозг не сможет постоянно поддерживать связь с этим информационным устройством. Скорее всего, наш мозг будет отторгать инородное тело и бороться с ним. Для этого ученые создадут лекарство, которое сможет поддерживать эту технологию, но тогда люди, обладающие ею, будут зависимы от этих лекарств и им придется употреблять их регулярно для поддержания эффективной работы устройства. В случае дефицита данного препарата начнутся народные волнения, заболевания мозга, а может быть, люди будут умирать даже из-за отключения этого устройства. Как я уже писал ранее, в любой системе есть свои изъяны и идеального ничего создать с первого раза ни у кого практически не получается.

Следующее мнение, которое я бы хотел рассмотреть, тоже принадлежит Илону Маску. Он считает, что «ближайший эффект от технологий — это автономные машины. Они заменят водителей» [16]. По моему мнению, какие бы ни были идеальные технологии будущего, человек всегда будет ими управлять, будь то автомобиль или что-либо другое. Бывают такие ситуации, когда искусственный интеллект машины не может определить, что находится сбоку от него или спереди, и не способен быстро и оперативно отреагировать, как это может сделать человек. Можно привести в качестве примера происшествие, которое произошло недавно в штате Аризона США. Самоуправляемый автомобиль компании «Uber» сбил женщину насмерть [15]. Сорокадевятилетняя жительница города Темпа, двигая свой велосипед, шла по обочине, и после того, как она вышла на дорогу,

ее сбита самоуправляющаяся машина. В этой ситуации полиция Аризоны утверждает, что, скорее всего, автопилот не виноват, потому что на улице было темно и ни автомобиль, ни водитель не был в состоянии среагировать на неожиданно появившегося человека на дороге. По их мнению, женщина хотела перейти дорогу, но сделала это вдали от пешеходного перехода. Эта ситуация показывает то, что автономный автомобиль не способен досконально проанализировать все происходящее вокруг него и вовремя отреагировать на ситуацию. Многие могут сказать: «Но ведь это же еще была тестируемая технология, которая не доделана до конца». Тем не менее, какой бы она ни была идеальной, все равно она не сможет водить так, как это умеет человек. Аналогичная ситуация случилась в 2016 году с автомобилем «Tesla Model S», который, кстати, произведен компанией самого Илона Маска. Водитель этой машины во время движения смотрел кино, в то время как датчики бортового компьютера не смогли распознатьдвигающуюся впереди фуру, и самоуправляемый автомобиль врезалась в грузовик, вследствие чего погиб водитель «Tesla» [2]. По некоторым данным, причиной сбоя оборудования послужил солнечный свет, который ослепил датчики автомобиля. Этот случай стал первым, когда погиб человек из-за автономного средства. Приведенный факт опять доказывает то, что в управлении высокой автономной технологии, какой бы она ни была, присутствие человека обязательно.

Перейдем к другому мнению относительно будущих технологий, которое принадлежит одному из самых известных физиков-теоретиков – Стивену Хокингу. Рассказывая о будущем, странно было бы не упомянуть столь великого исследователя космоса. Несмотря на свое заболевание, а именно боковой амиотрофический склероз, Хокинг продолжал заниматься наукой и исследовать вселенную, хотя врачи предрекали ему смерть спустя два с половиной года после обнаружения болезни. К сожалению, совсем недавно, 14 марта 2018 года, великий исследователь и теоретик скончался. Он сделал огромный вклад в современную науку, который никогда не будет забыт. Относительно прогнозов будущего одно из его рассуждений было на тему технологии будущего, а именно искусственного интеллекта и его влияния на человечество. Он считал, что «искусственный интеллект может полностью заменить людей. Если сейчас люди разрабатывают компьютерные вирусы, то в будущем кто-то сможет создать искусственный интеллект, который сможет улучшать и воспроизводить самого себя. Это станет новой формой

жизни, которая превзойдет человека» [6]. С этим высказыванием Стивена Хокинга я согласен. Искусственный интеллект на то и является интеллектом, потому что умеет думать самостоятельно, без помощи человека. Развитие подобной технологии может привести к таким последствиям, которые будут похожи на сюжет одного из старых фантастических фильмов под названием «Терминатор», где искусственный интеллект захватил власть и начал уничтожать людей. Такая технология всегда должна контролироваться человеком и не выпускаться на волю, поскольку имеет огромную опасность в случае взлома или сбоя системы. Искусственный интеллект можно использовать как простого ассистента для выполнения повседневных задач. Это даже может помочь тем людям, которые не могут общаться с другими людьми в силу своих личных предрассудков. Они могут приобрести себе голосового ассистента и каждый день, приходя с работы, общаться с ним. Он включит кофеварку, расскажет, как он якобы провел день, и так далее. Такую технологию также можно будет использовать в сфере образования. Искусственный интеллект будет выступать в качестве преподавателя и давать студентам лекционный материал, хотя, на мой взгляд, воспринимать информацию от живого наставника гораздо приятнее и интереснее, поскольку устройство никогда не сможет передать человеческих эмоций и объяснить, полагаясь на свой жизненный опыт.

Еще при жизни Стивен Хокинг спрогнозировал три версии будущего для планеты Земля. Первый — на Землю упадет огромный метеорит, который уничтожит все живое. Второй — начнется третья мировая война с использованием ядерного вооружения. Главы государств будут запускать друг в друга ядерные ракеты, и Земля превратится в руины. Третья версия развития событий, как утверждает Хокинг, — это то, что «человечеству угрожает перенаселение. Люди должны смело двигаться в неведомые доселе миры и осваивать новые планеты» [6]. Я считаю, что это один из самых верных прогнозов будущего всего человечества. С каждым годом во всем мире людей становится все больше и больше. В мире нигде не существует законов, каким-то образом ограничивающих рождаемость, кроме таких стран, как Китай, Индия, Иран и Сингапур, поскольку у них слишком много населения. Если люди не смогут найти нового места для построения цивилизации, то число людей на Земле продолжит расти и будут уменьшаться природные ресурсы: вода, еда и так далее. Вся планета будет застроена каменными домами и не будет места даже для живой природы. Именно для решения этой проблемы необходимо исследовать

новые виды высоких технологий, чтобы найти способ заселения новых планет в Солнечной системе и за ее пределами.

Далее я бы хотел рассмотреть мнение одного из самых выдающихся программистов мира, предпринимателя в области интернет-технологий и основателя социальной сети Facebook Марка Цукерберга. Благодаря ему значимость социальных сетей вышла на новый уровень. Миллиарды людей на сегодняшний день пользуются социальными сетями и проводят в них целые часы, а порой и дни. Невозможно сейчас представить себе человека, который бы не знал, что такое Facebook, Instagram или «ВКонтакте». С помощью социальных сетей миллионы людей способны общаться, находясь на огромном расстоянии друг от друга. Казалось бы, вот оно, будущее высоких технологий, где мы можем общаться, не выходя из дома. Но это только начало. Цукерберг вкладывает огромные денежные средства в развитие технологий виртуальной и дополненной реальности. Виртуальная реальность — это специальное устройство, которое позволит изменить всю, окружающую картинку и воссоздать мир, которого не существует, и человек сможет с ним взаимодействовать. Дополненная реальность — это устройства, с помощью которых каждый желающий может взять прибор и добавить, например, машину на то место, где ее в реальности нет. Она будет видима только человеку, использующему данное устройство, и физически эта машина существовать не будет. Марк Цукерберг считает, что «благодаря дополненной реальности мы сможем разными новыми способами смешивать цифровой и физический миры, и это сделает наш физический мир только лучше» [12]. На мой взгляд, данная технология имеет развлекательный характер и она не принесет пользы людям в далеком будущем. Но с другой стороны, если усовершенствовать данную технологию и использовать ее, допустим, в образовании или научной деятельности, то тогда определенная познавательная польза точно будет. Вот, например, в обычной школе ученики изучают историю, и для глубокого понимания предмета учитель использует устройство виртуальной реальности. Он надевает прибор на голову ученика, и тот оказывается в разгаре событий, которые изучаются на уроке. Ученик видит, как идет война или проходит подписание какого-нибудь договора, видит лица всех участников этих событий, как они общаются друг с другом и что делают. Таким образом, ученики смогут лучше закреплять полученный материал и с интересом подходить к изучению истории и любой другой науки. Или, например, посетители музеев также смогут воспользоваться этим устройством для того, чтобы

подробнее узнать, как жил тот или иной человек или какая история была у какого-либо экспоната. Также будущие технологии виртуальной реальности, на мой взгляд, смогут быть средством для получения заработка. Как это будет реализовано? Один из прекрасных примеров представлен в книге Эрнеста Клайна «Первому игроку приготовиться» [4]. В ней отображен 2045 год, где люди проводят все свое время в «ОАЗИСЕ», то есть в виртуальном мире, поскольку реальный мир представлял собой довольно утопический вид. Внутри «ОАЗИСА» люди могли выполнять различного рода задания, и в случае успеха они получали денежные средства, которые могли использовать в реальном мире для удовлетворения своих нужд. Можно сказать, что данная технология будет полезна для человечества не только в плане развлечения, но и в образовании, науке, искусстве и во многих других сферах. Но пока такая технология используется только для развлечения — в частности, для компьютерных игр.

Теперь я перейду к обсуждению взглядов на технологию будущего одного известного американского изобретателя и футуролога, который создал многочисленные системы для распознавания речи и дал обоснование технологической сингулярности. Его имя Рэймонд Курцвейл. На данный момент он работает в компании «Google» и является одним из самых известных футурологов во всем мире. Курцвейл спрогнозировал появление искусственного интеллекта и изобретение специальной технологии продления человеческой жизни на десятки лет. Он считает, что к 2031 году «3D-принтеры для печати человеческих органов будут использоваться в больницах любого уровня» [14]. Уже сейчас существуют концепты 3D-принтеров, которые могут создавать реальные органы человека. Я считаю, что данная технология окажет большое влияние на все население планеты. Жизнь любого человека будет продлена на несколько десятков, а может, и сотен лет в зависимости от обстоятельств. Если оптимистично рассматривать данный вид технологии в медицине, то многие люди, причем и не самые богатые, смогут остаться в живых, даже находясь при смерти.

Если же смотреть на эту технологию с пессимистичной точки зрения, то органы, созданные в таком устройстве, будут стоить огромных денег и не все смогут позволить себе их купить. Но тогда перед человечеством встанет другая проблема, о которой я уже писал ранее, — перенаселение. Новые органы позволят людям, находящимся при смерти, продолжать жить, и за счет этого будет увеличиваться количество людей на планете, что приведет к полному

переполнению Земли. На мой взгляд, пессимистичный исход событий является наиболее реалистичным, поскольку даже сейчас все технологии производятся в соответствии с маркетинговыми соображениями. Чтобы создать новую технологию, ученым требуются большие затраты, которые могут окупиться за счет предыдущего инновационного устройства.

Помимо этого, Рэймонд Курцвейл спрогнозировал к 2024 году то, что «элементы компьютерного интеллекта станут обязательными в автомобилях. Людям запретят садиться за руль автомобиля, не оборудованного компьютерными помощниками» [14]. С этим мнением я вынужден не согласиться, поскольку человек всегда был и будет самым универсальным «средством» для управления автомобилем. Если поставить человека перед фактом, что за ним должен следить искусственный интеллект во время управления автомобилем, то многим, скорее всего, такая идея не понравится. В случае сбой искусственный интеллект может повлиять на управление автомобилем, и произойдет авария, что повлечет за собой жертву в лице водителя. Человек сам способен водить транспортные средства и, как никто другой, может реагировать на чрезвычайные ситуации, которые поджидают на дороге.

Последнее мнение, рассматриваемое мной, принадлежит не столь известной персоне, но тема, с которой связано ее мнение, очень интересна и это стоит обсудить. Один из ведущих деятелей науки в Школе физики и астрономии при Университете Глазго в Лондоне, доктор наук Мэри Жаклин Ромеро считает, что «телепортация, которую мы видели в научно-фантастических фильмах, появится к 2080 году» [13]. Здесь идет речь о перемещении человека на большие расстояния с помощью технологии телепортации. Данное устройство было использовано во многих фантастических фильмах, книгах. Можно привести в качестве примера книгу Майка Джонсона «Star Trek» [3]. Действия в ней разворачиваются в 2387 году, где главные герои могли телепортироваться на определенное расстояние со своего корабля. Я предполагаю, что этой технологии не будет, потому что перемещение целого человека, разбив его на мелкие атомные частицы, невозможно. Единственное, что вполне реально, — это перемещение с помощью каких-то механизмов, но перемещение частиц мне кажется нереальным. Но если бы эта технология осуществилась, то жизнь человечества серьезно изменилась бы. Люди меньше бы времени уделяли передвижению, могли бы переместиться за несколько секунд на свою работу или даже на другую планету.

Таким образом, можно подвести итог, что технологии будущего во многом влияют на общество и на отдельные институты. Никто не может сказать, как точно они будут выглядеть через сто или тысячу лет — это можно лишь предполагать. На данный момент существует огромное количество прогнозов относительно будущих технологий, способных на многое: продлить жизнь человеку, уменьшить количество времени на выполнение определенного действия, к этому можно добавить и искусственный интеллект, который будет служить помощником любого пользователя в решении разных задач. Как я уже упоминал ранее, главный двигатель прогресса — это человек. Только благодаря человеку происходит развитие технологий, которые способствуют улучшению его жизни и получению новой информации об окружающей среде.

Источники

1. *Брэдбери Р.* 451 градус по Фаренгейту. М.: Эксмо, 2017. 240 с.
2. Газета.ru. Первая жертва автопилота. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/01_a_8351963.shtml?updated (дата обращения: 22.04.2018).
3. *Джонсон М.* Star Trek. Т. 1. М.: Эксмо, 2017. 104 с.
4. *Клайн Э.* Первому игроку приготовиться. М.: Neoclassic, 2018. 480 с.
5. *Лихтенштейн Е.С.* Слово о науке. Книга вторая. М.: Знание, 1981. 272 с.
6. Мир24. Мрачное будущее человечества от Стивена Хокинга. URL: <https://mir24.tv/news/16286445/mrachnoe-budushchee-chelovechestva-ot-stivena-hokinga> (дата обращения: 23.04.2018).
7. *Некрасова Н.А., Некрасов С.И.* Философия науки и техники: Тематический словарь справочник. Учебное пособие. М.: МИИТ, 2009. 424 с.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИНФОРТЕХ, 2009. 944 с.
9. РИА «Новости». Как современные технологии изменили человека? URL: <https://ria.ru/online/20110822/421618177.html> (дата обращения: 22.04.2018).
10. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2009. 1248 с.
11. Alexfine. IT цитаты. URL: <http://alexfine.ru/it-tsitaty> (дата обращения: 17.04.2018).

12. Buro247. Цукерберг о будущем, которое нас ждет: главные итоги IT-конференции F8. URL: <https://www.buro247.ru/technology/trends/19-apr-2017-facebook-f8-conference-2017.html> (дата обращения: 23.04.2018).

13. Hi-news.ru. Ученые: путешествия во времени, телепортация и плащ-невидимка ждут нас к 2100 году. URL: <https://hi-news.ru/technology/uchenye-puteshestviya-vo-vremeni-teleportaciya-i-plashh-nevidimka-zhdut-nas-k-2100-godu.html> (дата обращения: 25.04.2018).

14. INFORESIST. Технический директор Google расписал будущее мира: прогноз до 2099 года. URL: <https://inforesist.org/technicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/> (дата обращения: 24.04.2018).

15. Meduza. Самоуправляемый автомобиль впервые сбил человека насмерть. URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/20/samoupravlyayemyu-avtomobil-vpervye-sbil-cheloveka-nasmert-skoree-vsego-mashina-ne-vinovata> (дата обращения: 22.04.2018).

16. ТСН. Илон Маск рассказал, что будет с землями через 20 лет. URL: https://ru.tsn.ua/nauka_it/vopros-smysla-zhizni-i-cifrovoy-mozg-ilon-mask-rasskazal-cto-budet-s-zemlyanami-cherez-20-let-805278.html (дата обращения: 22.04.2018).

Quo vadis?²

Abstract

The essay is written in journalistic genre. The author of the essay reflects on the topic of the problem of generations and its values. Besides, the article is based on works and arguments of P. Nora, M. Halbwachs and E. Hobsbawm.

Homo novus (и вообще все homo sapiens sapiens) привык ассоциировать себя с главным героем-протагонистом. Или антагонистом. Базаровым ли, Печориным или Драко Малфоем – не важно, главное, что он в центре (внимания, телекамер, Вселенной – последнее по его собственным соображениям), что для него является наивысшей точкой бытия, а дальше – только космос и холодные звезды. Люди, окаймляющие это бытие (друзья, родственники, публика), по-разному относятся к этой персоне, что является совершенно нормальным явлением, а затем на основе их воспоминаний о персоне, которые построены на субъективном отношении, создается то, что мы называем памятью истории. То есть совершенно не важно, каким был человек, важно то, каким он был запечатлен в глазах публики. Попробуйте ответить на вопрос: «Кем был Виктор Цой, который сильнее всех ждал перемен?» – и вы увидите, как широк спектр ответов: от пропагандиста до голоса поколения.

Пьер Нора, исследователь культурных материальных объектов как мест памяти, пишет: «Мы отдаем себе отчет в том, что все противопоставляет друг другу эти понятия [память, история], далекие от того, чтобы быть синонимами. Память – это жизнь, <...> она находится в процессе постоянной эволюции, <...> подвластна всем использованиям и манипуляциям. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей

¹ Павлова Анастасия – магистрант 1-го курса СПГХПА имени А.Л. Штиглица, Центр инновационных образовательных проектов, профиль «Арт-бизнес», бакалавр истории, Санкт-Петербург. mrmadisbad@gmail.com

² С лат. от «Quo vadis, Domine?» – церк.-слав. «Камо грядеши, Господи?» – фраза, сказанная, по преданию, апостолом Петром Иисусу Христу.

чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны. История как интеллектуальная и светская операция вызывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, делает универсальность ее призванием. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное. В сердце-истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти» [3]. Таким образом, можно увидеть, что термин «память истории», который был употреблен ранее, — такой же оксюморон как «живой труп» или «Старый Новый год».

Морис Хальбвакс, о котором упомянул Нора, французский философ и социолог, также является одной из ключевых фигур изучения исторической коллективной памяти. Говоря о групповой памяти, он обращает внимание на индивидуальную: «Она не вполне изолирована и закрыта. Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов — слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды» [4]. То есть «главный герой», описанный в начале эссе, подчас будет вынужден обращаться к групповой памяти, чтобы восстановить события своей жизни, что является интересным взаимодействием и рецепцией рецепции в каком-то смысле. В данном ключе любопытна корреляция героя, описанного в трудах Томаса Карлейля (герой как божество — Один; герой как поэт — Данте, Шекспир; герой как вождь — Кромвель, Наполеон и др.) с индивидуальной памятью: получается, что люди, которые стали архетипами, а чьи имена превратились в нарицательные, зависят от групповой памяти ничуть не меньше, чем ход истории зависит от них [1].

Британский историк Эрик Хобсбаум ввел интересное понятие для одного из способов формирования социальной памяти и культурной

идентичности — речь идет о концепции «изобретения традиций». Основная идея концепции заключается в следующем: некоторые традиции, которые кажутся нам старыми или претендующие на это, часто оказываются совсем недавно изобретенными. В результате общество занимается самообманом добровольно. В близких Хобсбауму реалиях ученый выделит, например, шотландский килт и Рождественское обращение короля. Британская монархия и ее самоподача в обществе — одна из самых подверженных феномену изобретения традиций институций [5].

Важной частью обсуждаемой темы является самоопределение. Каков же тот «герой» русских реалий?

Андрей Рывкин, сценарист таких фильмов, как «Духless» и «Лондонград», выросший и в России, и в США, утверждает, что «в России никогда не поймут, что Америку определяет идеализм и надежда на лучшее, а не цинизм и ожидание худшего, которые так превалируют в России» [2]. Этим словам можно противопоставить фразу известного российского актера Владимира Зельдина, прожившего почти в полтора раза больше, чем Советский Союз: «Нам говорили, что хорошо будут жить наши дети. А сейчас говорят детям, что хорошо жили мы»³. Парадокс в том, что оба этих изречения верны — можно согласиться с любым из авторов, не употребляя ни одного «но». И большинство жителей России это сделает. И после этого уже становится не так непонятно, почему же в последнее время настолько распространено желание приписать себе биполярное расстройство личности. К тому же поголовное «свой среди чужих, чужой среди своих» практически поглотило тех, кто родился между поколением X и поколением Z. Логично, что поколение рожденных в начале восьмидесятых — девяностые носит название Y. Однако при мне, представителе этой плеяды, никто никогда не произносил данного названия. Возникает ощущение, что «дети девяностых» — нечто эфемерное, *lost generation*, Озимандия из стихотворения П.Б. Шелли [6]. Потерянное среди других и, что хуже всего, в самих себе. Поколение должны определять одинаковые мечты, будь то полет в космос и новый айфон, как было с X и Z. Я читаю по-английски (-французски, -немецки, -итальянски) гораздо лучше, чем по-старославянски, но не знаю, что мне за себя испытывать — гордость или стыд? Отсутствие самоидентификации на базовом повседневном уровне делает невозможным стремление к Великой Цели. И, безусловно, последняя

³ Фраза из юбилейной речи В. Зельдина, произнесенная в 2015 году на своем столетии.

у всех моих сверстников, которым посчастливиться ее найти и не спиться или умереть в процессе, будет разная. Мне часто приходилось слышать обвинения в свой адрес просто потому, что я человек, созданный в промежуток, когда по телевизору советские мультфильмы уже не показывали, а российских еще не было. Ярлык «пятая колонна» для человека, русского человека, юного русского человека, который знает комикс «Кельвин и Хоббс», но понятия не имеет о том, что такое (или кто такой?) «Капитошка», готов — это граничит с безумием, пахнет дискриминацией (дженерейшинализм?), но это так. Однако самое ли это страшное?

Желание казаться лучше в глазах других и жить ради произведенного впечатления — одна из базовых и самых ужасных черт русского народа. Мы постоянно смотрим на себя со стороны, оценивая глазами других и свой костюм, и свою Олимпиаду. В том, чтобы ставить себя на место другого человека, нет ничего плохого — на этом в том числе базируется православная этика, которая каким-либо образом является одной из составляющих мировоззрения русского народа. К сожалению, края, в которые попеременно бросается этот самый народ, совершенно немыслимы: мы либо будем кричать на человека в метро, которому сами же отдавили ногу, утверждая, что он сам виноват, либо будем до хрипоты выяснять, точно ли было вкусно и не поискать ли на кухне что-нибудь еще. А может быть, завернуть в дорогу? Точно? Не проголодаетесь? До дома дотерпите?

Дотерпим, будьте уверены, ведь нас уже мутит. Тошнотным образом появляется из-за вашего неконтролируемого желания казаться лучше и произвести впечатление. И это всё не из-за любви большой — уж мы-то знаем, как сильно вы хотите поскорее от нас избавиться. Впечатление. Impression. Вы — «импрессионисты» нашего времени. Рецепция самих себя, безусловно, одна из самых интересных тем в рамках изучения современного русского общества, однако «картину» хотелось бы дополнить следующим.

Не так давно в научный оборот было введено понятие «имагология» — корни этого термина берут свое начало в середине 1950-х годов во французском литературоведении. Имагология представляет собой дисциплину, специализирующуюся на контексте «свой — чужой», а также образах «другого». Под «своим — чужим» можно понимать европейских христиан и сарацин, рыцарей и купцов Средневековья, США и СССР в эпоху холодной войны — то бишь две противоположные, полярные системы, каждая из которых воспринимает вторую как того самого «другого». Такое восприятие чаще всего

произрастает из культурной среды, где воспитывается человек (или целое сословие людей), и отношение к «другому» зафиксировано практически на подсознательном уровне. Во французском (в большинстве своем мои примеры иностранные не потому, что в России нет качественного контента, а потому, что я представитель вышеописанного поколения Y с вышеописанными же проблемами самоидентификации и восприятия обществом) фильме «Астерикс и Обеликс» есть сцена, где герои-египтяне не понимают шуток героев-галлов, оправдывая себя тем, что это «Другая культура». Два самых популярных и заставляющих дергаться глаз (по крайней мере, у меня) термины за последнее десятилетие — толерантность и глобализация — здесь как никогда подходят. Нет территориальных границ, нет даже привязки к месту жительства — и ты, растворяясь в пространстве, уже не ассоциируешь себя с конкретной страной, улицей, домом, принадлежностью к культуре, расе, нации, гендеру. Изначально выросший между двух баррикад и ни в одной из них одновременно, ты теряешь свое «я» еще сильнее и не можешь понять — хорошо это или плохо? Вот она, картина нашего героя, написанная три-дэ красками с разных сторон. Спереди и снизу. Под впечатлением от рассказов других людей и по его собственным наблюдениям. Завидная ли картина? Каких перемен ему, сливающемуся с пространством, ждать и что посоветовать?

Возможно, единственной претензией людей, которые родились в эпоху, когда рок уже прошел, а православие еще не наступило, к тем, кто их создал, будет такая: «Дайте нам хоть во что-то поверить!» Нужно сделать ее и сразу осечься. Подожди. Посмотри на себя, подумай. Ты не умер от голода в девяностые, потому что те, которым ты предъявил претензию, были всецело настроены на поиск не то что твоих или собственных идеалов, а элементарного источника выживания. Так что ты уже счастливчик и радуйся этому. С огромной дырой в сердце, которая когда-нибудь обязательно будет заполнена Целью.

Жуткая жажда жизни, которая не свойственна людям, выросшим в пресыщенные времена, может обостриться в ряде случаев. Несколько дней назад я, по обыкновению записав в пленэр телефона все встречи, события, списки дел и прочую каждодневную мишуру, оказываюсь (неожиданно для себя) перед воротами Александроневской лавры, хотя в мои планы совершенно не входило ее посещение. Как и Никольского кладбища, расположенного в монастыре. Иногда бывает, что человек, находясь на пике своих сил, испытывает непреодолимое вдохновение, ниспосланное высшими силами.

Возможно, Лев Гумилев, покоящийся на этом кладбище, сравнил бы такое состояние с пиком пассионарности народа, но это лишь предположение. Так же неожиданно вижу указатель на могилу Галины Старовойтовой и встречаю женщину, спросившую меня, как пройти к месту ее покая, так как у нее самой не получилось найти, несмотря на указатель. В тот момент во мне как будто что-то перемкнуло, и внезапно стало ясно, о чем я хочу сказать в этом эссе, а ведь до того момента в голове не было строчек даже в тумане — их вообще не было.

Жажда жизни берется в таких местах не потому, что ты боишься оказаться среди надгробий, столетних деревьев и одинокого ветра на протяжении всех последующих времен и, подгоняемый этим страхом, начинаешь жить во всю силу. Как раз наоборот. Ты знаешь, что будет в конце, и это знание дарует тебе покой. Тихое созерцание давно ушедших и много оставивших людей приносит радость — радость за мир, за то, что он когда-то знал их. Американские надгробия, в большинстве своем выполненные в единой стилистике, кажутся сдержанными, спокойными, по-тихому строгими и печальными, как протестанты — и которые лежат под этими плитами, и которые эти самые плиты поставили. На абсолютном большинстве кладбищ Российской империи, СССР и России всё совсем не так — памятники разнообразны настолько, насколько это возможно, — чтобы показать и уникальность человека, безвозвратно почившего, и скорбящих по нем — чтобы было видно, сколько души и труда было вложено в воспоминание о дорогом друге, родственнике или великом деятеле. Здесь нет правых и виноватых — разные взгляды на мир рожают разные действия, и в этом часто состоит прелесть и целостность мира. Места памяти, о которых говорит упоминаемый мной П. Нора, в том числе проявляются и в виде погостов — перед ними также стоит задача сохранения культурной и социальной памяти. Монахи всех веков часто держали в кельях гробы и крышки от них — ложась в первые и укрываясь вторыми как одеялами: «memento mori». Во время пребывания в Валаамском монастыре, жемчужине Ладоги, Карелии и России, у меня была возможность лечь в обложенную камнем могилу с крестом напротив изголовья, которую вырыл, по преданию, сам святой Александр Свирский. Несколько минут, проведенных в том месте, вызвали у людей совершенно разные ощущения. «Я так хорошо полежала, — наверное, еще на несколько часов бы там осталась!», «Так. Я ничего не поняла», «Интересные ощущения...» — эти и многие другие возгласы то и дело слышались на острове после

пробывания в последней остановке жизненного пути. Когда я видела перед собой всего три вещи — каменный крест, небо и небольшую часть кроны дерева, — в моей юной голове крутилась лишь одна мысль: «Очень хочется вскочить и доделать все дела».

Это воспоминание было в моих мыслях и на Никольском кладбище. Рядом с надгробиями ходил белый голубь — символ мира?

Мы привыкли думать наперед, совершенно забывая о том, что проживаем жизнь здесь и сейчас, в этом временном континууме, в пределах этого хронотопа и ни граммом дальше. Однако, говоря о будущем, мы часто имеем в виду своих детей и другие последующие поколения, которые будут называться, скорее всего, китайскими иероглифами, поскольку английский алфавит закончился, а иероглифы в силу своего количества перестанут быть уже после человечества.

Мира. Я хочу мира. Моему поколению хватило отголосков Чеченской, Иракской, Осетинской, а также всех тех немислимых терактов, которые произошли за последние тридцать лет.

Развития технологий. Я хочу возможности не только увидеть дорогих мне людей сквозь расстояния, но и погладить их по щеке.

Самоуважения. Я хочу, чтобы мой народ вздохнул с облегчением и перестал пытаться кому-либо нравиться, приняв себя таким, какой он есть.

Все высокопарные слова и рассуждения в результате будут разбиты о реальность пары десятков слов, в которых есть квинтэссенция желаний человека, представляющего поколение Y, которое не согласено с тем, что нужно жить по принципу «после нас хоть потоп».

После нас — хоть что-то хорошее.

Источники

1. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории / Пер. с англ. В.И. Яковенко. М., 2008

2. *Рывкин А.* Telegram-канал «Andrew Ryvkin». URL: <https://tgst.at.com/ru/channel/@andrewryvkin> (дата обращения: 24.03.2018).

3. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–50.

4. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> // (дата обращения: 10.04.2018).

5. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций / Пер. с англ. осуществлен с согласия автора, издательства и Past and Present Society по изданию: *The Invention of Tradition*. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger.

Cambridge University Press, 1983. P. 1–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 10.04.2018).

6. *Шелли П.Б.* Озимандия. Сонет / Пер. с англ. К. Бальмонта. URL: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/shelli/stihi/stih-35.htm> (дата обращения: 10.04.2018).

Концепция традиции как форма аккумуляции, трансляции и развития культурного опыта

Abstract

Currently the problem of tradition is most often associated with preservation of certain values due to modern conservative ideologies. However in cultural and philosophical studies the fundamental concept of tradition has actually always been related to change and development. The current article strives to present an overview of the development of the problem of tradition in philosophical studies with intent to determine its cultural significance and contribution to the development of aesthetical, social and cultural practices.

Искусство прогресса заключается в том, чтобы соблюдать порядок среди перемен и соблюдать перемены среди порядка.

А.Н. Уайтхед

Введение

В настоящее время понятие «культурной традиции» часто становится предметом вольной социальной и политической риторики, как правило носящей консервативно-оградительный характер. В этом — ныне доминирующем контексте — вопрос о традиции обычно сводится к аморфному и плохо конкретизируемому набору национально-культурных норм и ценностей, полагаемых в качестве обязательных, принципиальных и незыблемых, требующих консервации и охранения. Подобная тенденция способствует искажению и обесцениванию исторического становления, актуальной научной и культурологической значимости понятия традиции, тем самым препятствуя его дальнейшему изучению и развитию.

¹ Фомин Кирилл — окончил аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького, кандидат философских наук, Клайпеда, Литва. fomincyrill@yandex.ru

Несмотря на подобную тенденцию, проблема традиции остается одной из главных, фундаментальных и наиболее комплексных проблем в культурологии и эстетике, играющей ключевую роль в исследовании принципов, форм и методов аккумуляции и становления общекультурного опыта, его трансляции и адаптации в меняющихся социальных условиях, а также его участия в развитии и трансформации культурных и художественных практик. Как таковая концепция культурной традиции оказывается имманентно сопряженной с такими фундаментальными проблемами, как вопрос онтологической, темпоральной и гносеологической природы искусства, его социологической функции, а также участия исторически аккумулярованного культурно-эстетического опыта в современной культурной и художественной деятельности. Таким образом, ревитализация и возобновленное исследование проблемы традиции в качестве обособленного и самостоятельного предмета научно-философского анализа позволяет с новой точки зрения осветить целый комплекс наиболее актуальных проблем эстетики и культурологии. Актуальность проблемы традиции в качестве самостоятельного предмета анализа обуславливается также тем, что она предполагает возможность формирования качественно нового подхода к исследованию и описанию истории философии, эстетики и культурологии, позволяя объединить обособленные теоретические течения в единую парадигму на основании тождества принятой ими проблематики.

При всей своей фундаментальной значимости, полемичности и актуальности проблема традиции, механизмы ее формирования и принципы взаимодействия с актуальным культурным и эстетическим контекстом по-прежнему остаются малоизученными не только в отечественной, но и мировой гуманитарной науке. Таким образом, постановка и разработка проблемы культурной традиции обладает широким научным потенциалом, предполагая возможность новейших исследовательских изысканий, лучшего и нового понимания становления и развития культурных и эстетических практик, а также дальнейших перспектив их развития.

Ввиду своей малоизученности концептуализация проблемы культурной традиции в первую очередь требует экстенсивного историко-научного исследования, позволяющего проследить становление и трансформацию данного понятия в различных теоретических системах. Подобный анализ позволит выявить основные формы постановки и интерпретации проблемы традиции, попытаться найти единое оперативное определение понятия традиции, а также выявить ее значение для современной науки, актуального культурного опыта и практики.

Концепция культурной традиции и ее историческая трансформация

Несмотря на то что проблема традиции всегда представляла собой фундаментальную проблему философии, эстетики, антропологии, социологии и любой актуальной культуры, непосредственная концептуализация и фундирование понятия в качестве самостоятельной и конструктивной категории началось достаточно поздно. В первую очередь это связано с исторически флуктуирующим по очевидным причинам семантическим содержанием и сопряженными значениями понятия, претерпевшими значительные и многократные изменения в зависимости от исторического контекста и специфики системы его осмысления. В силу отсутствия возможности в полной мере осветить здесь историю данного вопроса мы предлагаем сосредоточиться на конкретном и актуальном для данной работы предмете анализа².

Первоначальные попытки обособить и концептуализировать проблему традиции и смежные с ней вопросы в качестве самостоятельного понятия были предприняты еще в рамках немецкой классической философии и романтизма. Так, например, Ф.В.Й. Шеллинг занимался осмыслением роли устойчивых символических конструкций и комплексов идей в составе европейской культуры [10]. В трудах И. Канта можно найти ряд важных культурологических и антропологических соображений относительно природы и значения преемственности, а также роли традиции в достижении социальных договоренностей и согласия в эстетических суждениях вкуса [30]. Г.В.Ф. Гегель также делает ряд важных наблюдений относительно склонности культурной традиции к исторической трансформации. Несмотря на то что данные положения относительно природы и значения проблемы традиции имеют большое значение для теории

² Подробнее об историческом становлении и трансформации значения понятия «традиции» в антропологии и социологии см., например: Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. New York: Wiley, 1973. 367 p.; Redfield R. *Human Nature and the Study of Society: The Papers of Robert Redfield* / Ed. by M.P. Redfield. Vol. I. Chicago, London: University of Chicago Press, 1962. XVI, 507 p.; Orans M. *The Santal: A Tribe in Search of a Great Tradition*. Detroit: Wayne University Press, 1965. XIV, 154 p.; Dufrenne M. *Note sur la Tradition* // *Cahiers internationaux de sociologie*. 1947. Vol. III. P. 158–169; Gusfield J.R. *Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change* // *The American Journal of Sociology*. 1967. Vol. LXXII. № 4. P. 351–362; Shils E.A. *Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence* // *Ethics*. 1958. Vol. XLVIII. № 3. P. 153–165; Зильберман Д.Б. *К пониманию культурной традиции*. М.: ИИФ «Института развития имени Г.П. Щедровицкого»; *Политическая энциклопедия*, 2015. 623 с.; Полонская И.Н. *Социокультурная традиция: онтология и динамика*. Диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2006. 322 с. и др.

культуры, специфика стоявших перед мыслителями задач, основные направления их научного интереса, а также характерные особенности их теоретических систем не позволили дать дальнейшее развитие данной проблематике.

Проблема традиции впервые стала непосредственным предметом научного интереса в первой половине XX века. Важной предпосылкой данной тенденции в гуманитарном знании следует считать в первую очередь кризис субъективизма и классического идеализма в философии, а также угасание движения романтизма в искусстве. Это повлекло за собой переоценку природы и сущности знака, процесса означивания, онтологической и гносеологической роли языка в трудах таких мыслителей рубежа веков, как Б. Рассел, Ф.Л.Г. Фреге, А. фон Майнонг, Э. Гуссерль, и некоторых других³. В свою очередь, это инициировало процесс «семантизации» [29: 59] мира (то есть отождествления опыта мира и опыта языка) и привело к осуществлению лингвистического поворота в гуманитарном знании, произошедшего в 20-х годах, но полноценно осознанного и реактуализированного в 60-х [39].

В обособлении проблемы традиции также прослеживается связь с переосмыслением специфики и методологических основ историографии в начале XX века, стремившейся представить частное историческое событие в качестве имманентной составляющей общеисторического целого: «Предметное содержание равнодушно к своему внешнему и абсолютному положению во времени, но его местоположение относительно других таких содержаний определяется только через установление его отношения к целостности всех известных содержаний. <...> Итак, содержание не делается историческим ни из-за нахождения во времени, ни из-за того, что оно понимается. Только с их соединением, когда содержание делается временным по причине вневременного понимания, оно является историческим. Но это происходит только там, где понимание объемлет целостность содержаний, поскольку единичное действительно достижимо лишь в контексте абсолютного целого» [28: 335–336].

При всех этих предпосылках вопрос традиции был впервые конкретизирован именно в качестве эстетической проблемы. Уже Бендетто Кроче отводил традиции центральную роль в вопросе трансляции

³ Это имеет особое значение в свете того, что эстетическая мысль и искусство XX века носило усложненный, нарочито интеллигибельный характер, часто предполагая связь со многими областями научного знания и тем самым обособляя себя от искусства массового и чувственного [см. об этом 36].

эстетического и культурного опыта: «Условием такой исторической работы является традиция, благодаря которой оказывается возможным собрать рассеянные лучи и сконцентрировать их в одном и том же фокусе.

Помощью памяти мы окружаем физический стимул всеми теми фактами, среди которых он родился, и таким образом делаем возможным то, что он влияет на нас точно так же, как он воздействовал на того, кто его создал. Там, где традиция прерывается, интерпретация останавливается; создания прошлого оказываются тогда для нас немые» [33: 143]. Тем самым автор понимает под традицией имманентное условие эстетической коммуникации, аккумуляции и интерпретации историко-культурного опыта, в то же время рассматривая ее в качестве формы эстетического отношения к культурному содержанию [27].

Стремление фундаментализировать и конституировать проблему традиции в качестве самостоятельного и конструктивного концепта с особой определенностью актуализировалось в рамках модернистского движения и обнаруживается в главных его манифестах, а также в критических работах его представителей: «Всякое энергичное прошлое, всякое прошлое — живое и достойное жизни. <...> Всякое прошлое, имеющее значение; всякое прошлое, способное жить в будущем, — беременно в вихре, СЕЙЧАС» [37: 160]; «Самое главное в этом анализе — это оценить то, что написано раньше, и в своей работе избавиться от того, о чем уже было где-то сказано лучше.

И если на первом этапе автору не было необходимости серьезно подходить к процессу творения своего письменного произведения, то сейчас становится необходимым как можно большее знание работ других авторов, других времен с самых разных сторон. Это момент ученичества» [40: 243]; «Человеческое “Я”, многочисленные слои которого хранят память о миллионах лет мировой истории, связано со всем опытом человеческой культуры...» [26: 320]; особую важность традиции в развитии эстетического опыта и творческой деятельности также неоднократно отмечал Дж. Джойс⁴.

Кроме того, настойчивый отказ от традиции пропагандировался многочисленными авангардистскими течениями (условно противопоставленными искусству Высокого модернизма): «МЫ ПРОТИВ:

⁴ Свидетельство этому можно обнаружить в его ранних художественных произведениях — например, Джойс Д. Герой Стивен. М.: Минувшее, 2003. С. 33–34, — а также в его критической статье «Ирландский поэт», опубликованной в «Daily Express» 11 декабря 1902 года.

культы традиции...» [34: 111], *contradictio in contrarium* указывая на ее влияние⁵.

Однако наибольший вклад в конституирование и теоретическую разработку проблемы традиции внес англо-американский поэт и критик Т.С. Элиот, сделав данное понятие ключевым концептом своей эстетико-критической теории, равно как и своего поэтического метода. Противопоставляя свою модернистскую эстетику радикальной субъективизации творчества романтизмом, Элиот определяет традицию в качестве «живого единства всего поэтического, что когда-либо было написано» [4: 53; пер. наш. — *К.Ф.*]. Автор предполагает, что традиция представляет собой «соразмерный ряд» [43: 158], объединяющий весь литературный и — шире — культурный [41] материал, элементы которого состоят между собой в имманентной связи и постоянном автономном взаимодействии: «Существующие памятники образуют идеальную соразмерность, которая изменяется с появлением нового (действительно нового) произведения искусства, добавляющегося к ним.

Существующая соразмерность завершена до того, как в нее входит новое произведение, а чтобы соразмерность сохранилась с вторжением нового, весь существующий ряд должен быть, пусть даже еле заметно, изменен; оттого по-новому выстраиваются соотношения, пропорции, значимость любого произведения в его связях с целым; это и есть гармония старого и нового» [43: 159]. Таким образом, Элиот приписывает традиции полную онтологическую автономность, внетемпоральность, а также самоконституирующийся и самоорганизующийся характер. В свою очередь, ключевые характеристики традиции метонимически переходят и на художественные произведения и элементы культуры, составляющие ее содержание. Следовательно, традиция обеспечивает онтологически автономную и внетемпоральную природу эстетико-культурного материала, а также его постоянную трансформацию в результате взаимодействия с прочим содержанием традиции.

⁵ Согласно нашей теории, парадоксальная диалектика проблемы традиции предполагает, что всякое противопоставление или отказ от культурно-художественной традиции имплицитно фундирует саму традицию. Эта же специфика, присущая авангардистскому искусству XX века, была также отмечена в рецептивной эстетике Х.Р. Яусса: «...негативность и позитивность не обладают точно установленной величиной в социальной диалектике искусства и общества и могут даже превращаться в свою прямую противоположность, так как они подчиняются любопытной смене горизонтов в историческом процессе рецепции <...> Смена горизонта становится причиной и одновременно скрывает то, что путь прогрессирующей негативности искусства постепенно переходит в прогрессирующую позитивность традиции» [11: 16–17; пер. наш. — *К.Ф.*].

Помимо аккумуляции культурно-эстетического материала и обеспечения его постоянного становления, Т.С. Элиот также отводит традиции регулиющую роль в развитии художественной деятельности. В качестве примера воздействия традиции и аккумулярованного ею материала на художественный процесс Элиот выделяет ограничение возможностей эстетического самовыражения [3: 33], исчерпание потенциала определенных художественных стилей, форм или даже поэтического языка своего времени [42]. Однако основная форма участия традиции в развитии культурной деятельности заключается в ее вовлечении в общий художественный дискурс, подразумевающий диалогическое со-общение элементов культуры между собой.

В случае Т.С. Элиота также важно отметить, что его концепция традиции носила не просто умозрительный характер, но предполагала возможность непосредственного практического применения, что неоднократно подчеркивалось автором. Примером тому является собственное творчество поэта. Хорошо известно, что стихи Элиота испещрены разнообразными аллюзиями, реминисценциями, прямыми и измененными цитациями и прочими культурными заимствованиями. Таким образом, из имеющегося эстетико-культурного материала Элиоту удавалось создавать качественно новое и самобытное поэтическое пространство и, с другой стороны, подвергать реинтерпретации используемые источники.

Аналогичной онтологической позиции в определении понятия традиции придерживался немецкий философ-герменевт Х.-Г. Гадамер, рассматривая ее в качестве опосредованного языком имманентного условия всякого бытия, понимания и культурной деятельности: «...как существа конечные, мы принадлежим определенным традициям независимо от того, разделяем ли мы эти традиции или нет...» [20: 318]. Как таковую философ полагает традицию в качестве некоторой целостности «опыта мира», имеющей абсолютный, континуальный характер, являющейся внеположной, онтологически автономной и априорной по отношению к любому исторически детерминированному субъекту или социуму. Традиция, согласно Гадамеру, аккумулирует культурно-эстетический материал и ретранслирует его в некотором историко-культурном контексте посредством особой формы «событийного» [24] взаимодействия субъекта с ее содержанием, что, в свою очередь, обуславливает его культурно-эстетический опыт, методы понимания и интерпретации содержания традиции, равно как и его собственную культурную деятельность. При этом, однако,

Гадамер не рассматривает традицию и ее содержание в качестве некоторого статического и постоянного пространства: «Конечно, традиция не просто сохранение, а передача, перерождение. Она предполагает, что ничто не остается неизменным, законсервированным, а господствует стремление понять и выразить старое по-новому» [20: 318]. Таким образом, взаимодействие с традицией не только детерминирует культурный багаж субъекта, но также трансформирует собственное содержание традиции под действием его творческой и созидательной деятельности, обеспечивая континуальное становление аккумулярованного ею материала: «Происходит постоянное движение между непрерывной реорганизацией человеческих предрассудков и традицией. Традиция оказывает влияние на актуальные предрассудки индивида и сама меняется в процессе. Для Гадамера традиция представляет собой динамическое изменение, созидательную силу, постоянно определяющую и определяемую. Субъекты и объекты представляют собой часть более широкого образования, которым и является традиция» [12: 142; пер. наш. — К.Ф.).

Разработанная Гадамером онтологическая концепция традиции предполагает возможность судить об онтологической, темпоральной и гносеологической природе заключенного в ней произведения искусства⁶. Будучи основным содержанием общекультурной традиции, произведение искусства, согласно концепции Гадамера, также отличается онтологической автономностью и транстемпоральной природой, пребывая внутри целой традиции в качестве неделимого смыслового и художественного единства. При этом, вступая с реципиентом в непосредственную событийную (представляющуюся и незамкнутую) связь, произведение предстает «как нечто нынешнее и современное» [23: 261–262], подвергаясь многократным реинтерпретациям. Таким образом, с одной стороны, произведение всегда остается идентичным самому себе, предполагая единство и целостность смысла, с другой же стороны, оно также включает в себе эксплицитные и имплицитные следы своего генезиса, процессуального исторического преобразования и всегда остается открытым для интерпретаций в событийных актах рецепции. В рамках этого процесса вечно тождественный самому себе эстетический феномен континуально приобретает новое осмысление и значение в меняющихся историко-культурных условиях.

⁶ Именно эстетическому содержанию Х.-Г. Гадамер отводил центральную роль внутри пространства традиции в связи с его притязанием на содержание и изложение истины [см. об этом 21 и 22].

Своеобразная и чрезвычайно малоизученная модель онтогносеологического понимания традиции разрабатывалась также Мерло-Понти в рамках его феноменологического проекта: «...необходимо, чтобы мое первичное восприятие и первичное закрепление в мире явилось мне как реализация некоего более древнего договора, заключенного между “Х” и миром вообще, чтобы моя история была продолжением некоторой предыстории, чьи достижения она использует, а мое личное существование — возобновлением какой-то доличностной традиции. Стало быть, есть какой-то другой субъект подо мной, для которого мир существует еще до того, как я в нем оказываюсь, и который уже наметил там мое место» [35: 326]. Тем самым философ предполагает, что традиция является не только априорным условием понимания объектов действительности, но также имманентным условием адекватного восприятия действительности вообще.

Новым этапом развития концепции традиции и смежной проблематики стала эстетика структурализма и постструктурализма в 60–70-х годах XX века. В первую очередь это связано с разработкой и концептуализацией Ю. Кристевой понятия «интертекстуальности».

Согласно концепции французской исследовательницы, интертекст представляет собой особое пространство, аккумулирующее в себе разнообразные элементы текстуальной культуры, элементы которого находятся между собой в процессе постоянного и хаотического сигнификативного обмена. Как следствие, каждый литературный памятник оказывается связанным с широким массивом других текстов, а они, в свою очередь, находят в нем свое отображение: «Поэтическое означаемое отсылает к другим дискурсивным означаемым так, что они прочитываются в поэтическом высказывании. Таким образом, вокруг поэтического означаемого создается множественное текстовое пространство, элементы которого отображаются в конкретном поэтическом тексте. Мы будем называть такое пространство *интертекстуальным*» [32: 169]. Иными словами, интертекст представляет собой аморфное пространство сосуществования различных элементов текстуальной культуры, которые находятся между собой в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, служа непосредственным субстратом для формирования любого нового текстуального памятника. Таким образом, на имплицитном уровне любого текста — уровне генотекста (*géno-texte*) — происходит постоянный процесс сигнификативного обмена с общей текстуальной

средой, который считается на эксплицитном уровне фенотекста (*phéno-texte*) в форме разнообразных цитаций, свободно меняющихся и воспринимаемых в зависимости от актуального культурного контекста и рецептивной деятельности индивида: «...*книга*, расположенная в бесконечности поэтического языка, *конечна*: она не является открытой [системой], она закрыта, создана раз и навсегда для всех, становится началом, *единицей*, законом, но может читаться как таковая только при возможной открытости в бесконечность» [9: 103].

Если перефразировать чрезвычайно сложную и комплексную систему семанализа Кристевой, то можно сказать, что элементы текстуальной традиции служат непосредственным конструктом любого текстуального памятника. При этом принципиальная динамика интертекстуального пространства и постоянство сигнификативного обмена между различными произведениями литературы обеспечивают бесконечную трансформацию и становление присущих им смыслов, перспектив их восприятия и интерпретации.

В дальнейшем понятие интертекстуальности было расширено Р. Бартом до общекультурного масштаба. Согласно его концепции, любому произведению также присущ базовый уровень означивания, в котором находит воплощение вся эклектичная, недифференцированная масса культурного материала, первичная по отношению к субъекту: «Создавая произведение, любой автор с необходимостью черпает из необъятного текстового “хранилища”, строит свою смысловую конструкцию с помощью материала, содержащегося в Тексте, будь то отдельные слова, фразы или пассажи, сознательно заимствуемые из чужих произведений, прочитанные в газете, услышанные на улице, с телеэкрана и т. п., или же всевозможные топосы, жанры, стили, социальные коды, языки, дискурсы и т. п., из которых, собственно, и складываются как отдельные культурные контексты, так и Текст культуры в целом. Говорящий/пишущий может лишь в малой степени осознавать свой собственный “текст” (свою культурную память), однако независимо от его воли эта память начинает завладевать им с самого детства» [31: 621]. Таким образом, пространство бартовского «Текста» представляет собой имплицитную воплощенную «множественность смыслов» [17: 417], служащих непосредственным субстратом для формирования новых памятников искусства и обеспечивающих вариативность его содержания. На эксплицитном уровне произведения эти культурные элементы находят воплощение в виде «культурных кодов»: «Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверттекстовую организацию значений, которые

навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды — это определенные типы *уже виденного, уже читанного, уже деланного*; код есть конкретная форма этого “уже”, конституирующего всякое письмо» [19: 455–456]. Культурные коды же, в свою очередь, считаются в зависимости от актуального историко-культурного контекста и интерпретативной деятельности реципиента [18].

Школа рецептивной эстетики, получившая распространение в 70-х годах, представила еще один подход к проблеме традиции, ориентируясь на опыт восприятия и интерпретации культуры с позиции конкретного исторического контекста или индивидуальной рецептивной деятельности.

Один из наиболее значимых представителей данного направления в эстетике Х.Р. Яусс рассматривал культурно-эстетическую традицию как результат континуальной рецептивной деятельности в меняющихся исторических условиях под действием наращиваемого культурно-эстетического опыта. С точки зрения философа, «...литературная традиция не может творить себя сама, <...> литературное прошлое возвращается только там, где новая рецепция воскрешает его в настоящем, будь то изменившаяся эстетическая установка, присваивающая себе прошлое в свободном обращении к нему, будь то новый момент литературной эволюции, бросивший на забытую поэзию неожиданный свет и позволивший разглядеть в ней нечто такое, чего прежде не замечали» [44: 73–74]. Таким образом, именно регулярная рецепция художественных памятников и ревизия культурного содержания обеспечивает конституирование культурной традиции, а также ее динамику и непрекращающееся становление в меняющихся исторических и социальных условиях.

Наиболее радикальный взгляд на природу традиции представила американская ветвь рецептивной или аффективной эстетики, во многом сформировавшаяся под действием постструктурализма и деконструктивизма. Согласно взглядам таких ее представителей, как Дж. Хиллис Миллер [13] и чрезвычайно малоизвестный отечественной науке С.Ю. Фиш [8], представление о традиции формируется субъективно в индивидуальном акте рецепции и в зависимости от личного культурного опыта субъекта: «...интерпретация является источником текстов, фактов, авторов и интенций» [6: 16; пер. наш. — К.Ф.). В дальнейшем Фиш также несколько пересмотрел

свою эстетическую концепцию, приписав формирование представлений о традиции «интерпретативным сообществам»: «...идея интерпретативного сообщества представляет собой <...> точку зрения или принцип организации опыта, общий для определенного коллектива. <...> Как следствие, такие общественно-обусловленные интерпретаторы, в свою очередь, будут более или менее солидарно конститuirовать одинаковый текст, хотя эта одинаковость должна приписываться не самоидентичности текста, но коллективной природе интерпретативного акта» [5: 141–142; пер. наш. — *К.Ф.*]. Тем самым автор производит институционализацию и плюрализацию представлений о культурно-эстетических традициях в рамках профессиональных сообществ, школ и теоретических течений.

Заключение

Этот беглый экскурс в историю становления и развития проблемы традиции позволяет выделить три модели репрезентации концепции:

- онтологическую (традиция представляет собой автономную сущность, аккумулирующую культурно-эстетический материал и вступающую в равноценное взаимодействие с субъектом);
- конструктивную (традиция представляет собой пространство аккумуляции культурного материала, служащего семантическим конструктом, средством трансформации и реактуализации культурных памятников);
- рецептивную (конституирование традиции является результатом индивидуальной или социальной рецептивной деятельности в меняющихся историко-культурных условиях).

На этом основании мы можем попытаться дать концепту следующее предварительное определение: традиция представляет собой совокупность культурно-эстетических феноменов, образующих определенную (систематизированную или бессистемную) целостность, элементы которой состоят между собой в связи и автономном либо опосредованном продуктивном взаимодействии.

Как видно, исторически проблема традиции не связана с культурной стагнацией, но, напротив, подразумевает постоянную динамику и активное участие в развитии культурного опыта, эстетической практики и интерпретации художественного наследия. Продолжение масштабной работы над исследованием истории проблемы, а также поиск конструктивного и оперативного понятия традиции открывают широкие возможности для понимания, оценки и предсказания

значения аккумулированного культурно-эстетического опыта в актуальном социальном контексте. Отдельно также бы хотелось отметить, что исследование проблемы традиции и ее взаимодействия с социальной действительностью открывает новые возможности для интерпретации и описания возрождения и циркуляции интереса к определенным культурным практикам, художественным направлениям и конкретным произведениям искусства, а также формам творчества и их преломления в современном контексте, предоставляя возможность лучше понять существующую связь между культурой и эстетикой с социальным и политическим контекстом.

Источники

1. *Dufrenne M.* Note sur la Tradition // Cahiers internationaux de sociologie. 1947. Vol. III. P. 158–169.
2. *Eisenstadt S.N.* Tradition, Change and Modernity. New York: Wiley, 1973. 367 p.
3. *Eliot T.S.* After Strange Gods: A Primer of Modern Heresy. London: Faber and Faber, 1934. 68 p.
4. *Eliot T.S.* Tradition and Individual Talent // Eliot T.S. The Sacred Wood: Essays on Poetry and Criticism. London: Methuen & CO. LTD., 1934. P. 47–59.
5. *Fish S.E.* Change // Fish S.E. Doing What Comes Naturally: Change, Rhetoric, and the Practice of Theory in Literary and Legal Studies. Durham, London: Duke University Press, 1989. P. 141–160.
6. *Fish S.E.* Introduction, or How I Stopped Worrying and Learned To Love Interpretation // Fish S.E. Is There a Text in This Class?: The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1980. VIII. 394 p.
7. *Fish S.E.* Is There a Text in This Class?: The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1980. VIII. 394 p.
8. *Fish S.E.* Surprised by Sin: The Reader in Paradise Lost. London, Melbourne, Toronto: Macmillan, New York: St. Martin's Press, 1967. XI. 344 p.
9. *Gusfield J.R.* Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // The American Journal of Sociology. 1967. Vol. LXXII. № 4. P. 351–362
10. *Hayner P.C.* Reasons and Existence: Schelling's Philosophy of History. Leiden: Brill, 1967. X, 176 p.
11. *Jauss H.R.* Aesthetic Experience and Literary Hermeneutics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 357 p.

12. *Lawn C. Keane N.* The Gadamer Dictionary. London; New York: Continuum, 2011. 168 p.
13. *Miller J.H.* Tradition and difference, rev. of M. H. Abrams' Natural supernatural // *Diacritics*. Baltimore, 1972. Vol. 2. № 2. P. 9–12.
14. *Orans M.* The Santal: A Tribe in Search of a Great Tradition. Detroit: Wayne University Press, 1965. XIV. 154 p.
15. *Redfield R.* Human Nature and the Study of Society: The Papers of Robert Redfield / Ed. by M.P. Redfield. Vol. I. Chicago, London: University of Chicago Press, 1962. XVI. 507 p.
16. *Shils E.A.* Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence // *Ethics*. 1958. Vol. XLVIII. № 3. P. 153–165.
17. *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
18. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
19. *Барт Р.* Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
20. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 266–323.
21. *Гадамер Г.-Г.* Философия и литература // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 126–146.
22. *Гадамер Г.-Г.* Философия и поэзия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 116–125.
23. *Гадамер Г.-Г.* Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 261–262.
24. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
25. *Джойс Д.* Герой Стивен. Портрет художника. М.: Минувшее, 2003. 316 с.
26. *Джолас Ю.* Вертикальная поэзия // Трансатлантический авангард: Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 319–320.
27. *Зильберман Д.Б.* К пониманию культурной традиции. М.: ННФ «Института развития имени Г.П. Щедровицкого»; Политическая энциклопедия, 2015. 623 с.
28. *Зиммель Г.* Избранное: Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 630 с.
29. *Инишев И.* Феноменологическая герменевтика между теорией языка и теорией действия // Борисов Е., Инишев И., Фурс В.

Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 168 с.

30. *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 365 с.

31. *Косиков Г.К.* Текст / интертекст / интертекстология // Косиков Г.К. Собрание сочинений. Т. 1–5. Т. 2: Теория литературы: Методология гуманитарных наук. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 603–636.

32. *Кристева Ю.* Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013. 285 с.

33. *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Часть I. Теория. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1920. 170 с.

34. *Маринетти Ф.Т., Невинсон К.* Против английского искусства: Футуристический манифест [Витальное английское искусство] // Трансатлантический авангард: Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 111–114.

35. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 608 с.

36. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: АСТ, 2008. С. 5–70.

37. *Паунд Э.* Вортекс // Трансатлантический авангард: Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 159–161.

38. *Полонская И.Н.* Социокультурная традиция: онтология и динамика. Диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2006. 322 с.

39. *Потапова Н.Д.* Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.

40. *Уильямс У.К.* Как писать // Трансатлантический авангард: Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 240–244.

41. *Элиот Т.С.* Единство европейской культуры // Элиот Т.С. Избранное. Т. I–II. Религия, культура, литература. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 162–184.

42. *Элиот Т.С.* Музыка поэзии // Элиот Т.С. Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. С. 193–207.
43. *Элиот Т.С.* Традиция и индивидуальный талант // Элиот Т.С. Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. С. 157–166.
44. *Яусс Х.Р.* История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 39–84.

Открытое общество как источник перемен в современном предпринимательстве

Abstract

The article is devoted to the study of the role and importance of entrepreneurship in the concept of “open society” of K. Popper and its modern interpretation of J. Soros. The achievement of the stated goal of the article predetermined the logic of research and the formulation of tasks from the analysis of the concept of an “open society” to the definition of the interconnection and interdependence of the fundamental categories of “open society” in the conditions of modern entrepreneurship as “need”, “interest”, “responsibility.” In the course of research using logical methods (analysis, generalization and abstraction), it is justified that the achievement of order in the coordination of the interests of business entities and society is possible only in the case of the formation of their responsibility, in this case, the social responsibility of business.

Введение

Стремительное развитие науки и техники, тенденции развития социальных и экономических отношений в обществе привели к тому, что в современных реалиях решение социальных, культурных, исторических, политических, а также экономических проблем не может происходить в рамках отдельной группы социума.

Очевидно, что тенденция привлечения общества к решению проблем, которые имеют не только региональное, национальное, но и международное значение, является прямым следствием процесса построения социально ориентированной экономики, глобализации.

В свою очередь, развитие предпринимательства в условиях построения социально ориентированной экономики не может проис-

¹ Бессарабов Владислав – аспирант кафедры бухгалтерского учета, «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» (Донецк). bessarabov93@gmail.com

ходить без учета как общественных интересов в целом, так и интересов заинтересованных сторон отдельно взятых хозяйствующих субъектов в частности.

Тенденции и закономерности исторического развития общества рассматривали такие ученые, как Д. Белл [1], В. Иноземцев [2], Э. Тоффлер [3], Ф. Уэбстер [4], Э. Ходжсон [5], Ф. Фукуяма [6] и др.

Изучению концепции «открытого общества» с позиций экономической теории, политики, юриспруденции, истории посвящены работы многих ученых, среди которых можно выделить научные разработки А. Абрамова [7], А. Дземы [8], В. Лысенко [9], А. Макаренкова [10], О. Мартышина [11], В. Шкоды [12], Н. Юлиной [13].

Анализируя работы отмеченных ученых, можно прийти к выводу, что рассмотрение концепции «открытого общества» происходит исключительно с позиций философии, социологии и истории, при этом вопросы экономической основы «открытого общества» и роли предпринимательства в нем частично рассмотрены в работах Ф. Хайека [14], Дж. Сороса [15–17].

Цель настоящей работы заключается в исследовании роли и значения концепции «открытого общества» для развития предпринимательства. Достижение поставленной цели возможно посредством решения цепочки задач теоретического и практического характера: 1) проанализировать сущность концепции «открытого общества», на основе чего обосновать место предпринимательства в данной концепции; 2) сформировать последовательную цепочку экономических категорий, современная интерпретация которых лежит в основе развития предпринимательства в «открытом обществе»; 3) обосновать взаимообусловленность и исследовать возможность взаимосвязи в современных условиях предпринимательства основополагающих категорий «открытого общества» как «потребность», «интерес», «ответственность».

Концепция «открытого общества» К. Поппера

Впервые термин «открытое общество» был применен А. Бергсоном в морально-религиозном контексте. Под этим понятием А. Бергсон понимал общество, характеризующееся отсутствием антагонизмов и предпочитающее свободу личности и свободу творчества. В отличие от статического (закрытого общества) открытое общество максимально динамично. Его основа — творческая личность, его свойство — дух новаторства, который способен сломать любые фиксированные схемы закрытого общества [7: 309].

Необходимо отметить, что идея «открытого общества», впервые высказанная А. Бергсоном в труде «Два источника морали и религии», а затем продолженная К. Поппером в работе «Открытое общество и его враги», была выдвинута как антитеза понятию тоталитарного общества, а именно была «направлена против нацизма и коммунизма» [18: 1].

Как следствие, к главным составляющим «открытого общества» можно отнести закон, идеалы свободы, справедливости, ответственности, честности [18: 9]. «Открытое общество» нуждается в максимальном проявлении творческого потенциала всех своих членов в решении любой проблемы, возникающей в процессе развития общества.

При этом принимая решения, основываясь на собственном интеллекте, каждый индивид должен нести ответственность за свои действия. Следовательно, каждый индивид выступает единственным «собственником своей жизни», а также ее «распорядителем», отсюда следует идея о договорном характере общественных отношений [8: 85]. Другими словами, всем отношениям в «открытом обществе» характерен формат сделки (договора), со своими особенностями и, как следствие, ответственностью сторон.

Вышесказанное позволяет утверждать, что любой обмен, происходящий в «открытом обществе», является полностью свободным, в связи с этим первая обязанность человека — обладать соответствующими знаниями для того, чтобы совершить данный обмен.

В свою очередь, это означает, что люди должны брать на себя ответственность за соблюдение прав человека, добровольно подчиняться закону, заботиться об общественном благосостоянии, а также должны «четко осознавать, что именно выступает в роли морального фундамента демократии...» [9: 60].

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности понимания сущности «открытого общества», одним из обязательных признаков такого общества является его способность обеспечивать информативность взаимоотношений в обществе.

Другими словами, все решения, принимаемые членами «открытого общества», должны основываться на информации, содержание которой контролируется общественностью, что не позволяет ей стать инструментом пропаганды.

Глубокое и всестороннее рассмотрение процесса построения «открытого общества» с позиций теории и практики в работах ученых [7–13] позволило прийти к следующему выводу: в «открытом обществе» каждый индивид получает возможность реализации личных

и общественных интересов в соответствии с собственными потребностями и запросами. При этом реализация личных и общественных интересов происходит на основе накопленной им информации, а также полной личной ответственности за свои поступки.

Сформулированный тезис должен быть положен в основу развития предпринимательства. Однако стоит отметить, что основу концепции «открытого общества» составляют вопросы и проблемы исключительно философского характера, поэтому для решения задач представленного исследования необходимо рассмотрение данной концепции с позиций экономической теории.

Современная интерпретация концепции «открытого общества»

В данном направлении представляет интерес современная интерпретация исследуемой концепции, предложенная Дж. Соросом, основой которой выступают рациональные (экономические) и иррациональные (не экономические) интересы, потребности индивидов и общества, социальная ответственность бизнеса.

Дж. Сорос считает чрезмерно упрощенным понимание «открытого общества» К. Поппером, указывая при этом, что модель такого общества, как правило, не уделяет должного внимания рыночному характеру взаимоотношений индивидов в обществе. Автор утверждает, что концепция «открытого общества» слишком общая, чтобы давать рецепты для принятия конкретных решений.

Стоит отметить, что в целом «открытое общество», по Дж. Соросу, не отличается от его трактовки К. Поппером, а именно оно предполагает свободу, демократию, верховенство закона и прав каждого человека, социальную справедливость и социальную ответственность. Однако приобретает экономический окрас, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами анализа работ Дж. Сороса, посвященных данной тематике [15–17].

Рассматривая возможность построения «открытого общества» в современном мире, Дж. Сорос отмечает, что «пропаганда рыночных принципов зашла слишком далеко и стала слишком односторонней. Рыночные фундаменталисты верят в то, что лучшим средством достижения общего блага является ничем не ограниченное стремление к благу личному. Это ложная вера <...> Именно она является помехой на пути к нашей цели – глобальному открытому обществу. Мы очень близки к этой цели, однако не сможем достичь ее, если не устраним несоответствия между экономической организацией мира <...> и его социальной организацией» [17: 171].

Отметим, что под рыночным фундаментализмом автор понимает рыночную саморегуляцию, а также возможность достижения общественного блага в рамках свободной неограниченной конкуренции. Отсюда следует вывод о том, что рыночные отношения не нуждаются ни в государственном вмешательстве, ни во вмешательстве со стороны международного сообщества,

Придерживаясь мнения о том, что рыночные отношения в «открытом обществе» находятся под влиянием как личных, так и общественных интересов, Дж. Сорос критикует мнение большинства экономистов о том, что людям следует стремиться только к удовлетворению личных интересов, оставляя при этом необходимость достижения общего благосостояния вне поля своей деятельности.

Глобализация экономики и развитие предпринимательства приводят к необходимости построения «открытого общества», признавая при этом существование некоторых общих интересов, имеющих приоритет над личными.

Исходя из этого Дж. Сорос предлагает рассматривать всех людей как участников рынка и как участников политического (социального) процесса. Отсюда следует логичный вывод: если в первом случае человек должен преследовать личные интересы, то во втором — интересы общества. Личные интересы, как правило, не оказывают влияния на общественные интересы независимо от того, заботится ли субъект принятия решений об общественном благе или нет. Участники рынка преследуют собственную выгоду в процессе свободного обмена с другими его участниками [17: 213].

Стоит отметить, что решения, принимаемые человеком или субъектом хозяйствования, имеют социальные последствия и непосредственно влияют на условия существования общества, однако крайне важно понимать, что они не всегда совпадают с интересами целого общества или отдельных его групп. Здесь Дж. Сорос приводит пример избирателей, которые, голосуя, выражают свои воззрения на то, в чем состоят общественные интересы [17: 214].

Как следствие, различные виды деятельности должны оцениваться по разным критериям: рыночные решения участников рынка следует оценивать по их индивидуальным последствиям (преимущественно экономическим), а решения участников политического (социального) процесса — по общественным последствиям (преимущественно социальным).

Результаты анализа концепции «открытого общества», предложенной Дж. Соросом, приводят к необходимости переосмысления

фундаментальных экономических категорий, таких как «потребность», «ценность», «интерес», «ответственность».

Здесь уместно обратить внимание на то, что для современного этапа развития общества характерна активизация процессов трансформации понятий и принципов экономической науки в целом. Причем отметим, что в предпринимательской деятельности эта трансформация происходит посредством переосмысления ее социальной значимости, а также модификации методологии, на основе которой будет формироваться информация о процессах хозяйствования, способная направлять действия (решения) человека в зависимости от его интересов и убеждений.

Очевидно, что человечество пытается упорядочить информацию о процессах хозяйствования, начиная с появления письменности и математики (арифметики). До сих пор эта задача не потеряла свою актуальность. В условиях построения социально ориентированной экономики, «открытого общества» особую актуальность приобретает вопрос социализации всего научного знания, а в первую очередь — гуманитарных и общественных наук, в состав которых входит и экономика, развитие которой следует рассматривать в контексте необходимости достижения гармонии социальных и экономических интересов всех членов общества.

В качестве попытки преодолеть конфликт личных и общественных интересов (основанных на внеморальных и моральных ценностях, о чем, кстати, утверждает и Ф. Хайек [14:14]), Дж. Сорос высказывает мнение, которое представляет интерес в рамках представленного исследования. Автор указывает на необходимость применения принципа «субсидиарности», поясняя, что «выработка решения относительно того, в чем состоит общее благо, — дело сложное, такие решения должны приниматься на самом низком уровне» [17: 186].

Анализируя вышеприведенную мысль, приходим к выводу, что личные и общественные интересы необходимо рассматривать на уровне отдельного субъекта хозяйствования, домохозяйства (или человека), поскольку вероятность того, что индивид подчинит собственные интересы интересам сообщества выше, чем на государственном уровне, где границу между такими интересами будет установить достаточно трудно.

Итак, можно утверждать, что при изучении закономерностей и тенденций развития современного предпринимательства особое внимание должно отводиться изучению потребностей, ценностей, интересов и ответственности отдельного субъекта хозяйствования.

В связи с этим современная интерпретация концепции «открытого общества», предложенная Дж. Соросом, может быть представлена в виде последовательной цепочки экономических категорий, что схематично изображено на *рис. 1*.

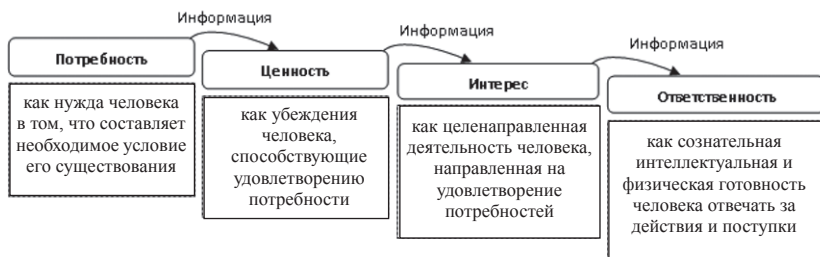

Рис. 1. Современная интерпретация концепции «открытого общества» как последовательной цепочки экономических категорий

Очевидно, что все представленные на *рис. 1* экономические категории взаимообусловлены и взаимосвязаны. Например, изучая связь между потребностями и интересами, следует заметить, что в основе любого интереса лежат ценности, которыми руководствуется человек при удовлетворении своих потребностей. В свою очередь, интерес способствует формированию ответственности общества и каждого человека.

Факт существования у людей различных интересов объясняется прежде всего внутренней иерархией потребностей для каждого человека. Отметим, что единственно верную иерархию потребностей разработать невозможно, поэтому рассмотрим наиболее известную теорию потребностей (в части их иерархии), предложенную А. Маслоу [19: 46–58], опираясь на которую охарактеризуем потребности, интересы и ответственность в «открытом» обществе (*табл. 1*).

На основании представленного в *табл. 1* материала понятно, что идентификация определенной потребности происходит в сознании человека, в свою очередь, для формирования интереса и как следствие ответственности, необходима информация о происходящих событиях и процессах. Следовательно, особое внимание для развития предпринимательства необходимо уделить изучению таких категорий, как «интерес» и «ответственность».

Таблица 1

Характеристика потребности,
интереса и ответственности в «открытом» обществе

Уровень потребности по А. Маслоу (характеристика потребности)	Интерес	Направления ответственности
<u>1. Физиологические</u> Потребность в дыхании, пище, одежде, отдыхе и т. д.	Приобретение, хранение, производство необходимого количества пищи, одежды и т. д.	Экономное использование воды, электроэнергии и других ресурсов; обеспеченность общества достаточным количеством пищи, одежды и т. д.
<u>2. Экзистенциальные</u> Потребности в безопасности существования, уверенности в будущем, стабильности условий жизнедеятельности и т. д.	Обеспечение комфортных и безопасных условий жизни путем приобретения средств защиты, а также наличие постоянного заработка и постоянной занятости и т. д.	Профилактика правонарушений в обществе; обеспечение социальной защиты и безопасность населения и т. д.
<u>3. Социальные</u> Потребности в общении, заботе о близких, во внимании к себе и т. д.	Принадлежность к той или иной группе общества, участие в общественной жизни социума и т. д.	Уважение к людям пожилого возраста, инвалидам; обеспечение возможности для развития волонтерства, образования, спорта и т. д.
<u>4. Престижные</u> Потребности в карьерном росте, признании, уважении и т. д.	Повышение квалификации, развитие профессиональных компетенций, приобретение эксклюзивных материальных ценностей и т. д.	Формирование престижности выбора определенной профессии, а также необходимости профессионального роста и т. д.
<u>5. Духовные</u> Потребности в творчестве и самовыражении, развитии собственной личности и т. д.	Посещение культурных мероприятий, создание необходимых условий для духовного, культурного роста и т. д.	Формирование убеждений, ценностных ориентаций, эстетических идеалов, патриотических настроений и т. д.

Анализ научных работ по корпоративному управлению, позволил выделить основные теории управления (агентскую (*agency theory*), стейкхолдеров (*stakeholders theory*), контрактную (*contract theory*), в которых, так или иначе, рассматриваются вопросы соотношения интересов участников предпринимательской деятельности.

По мнению автора, наибольший интерес в исследуемой проблематике представляет теория стейкхолдеров (и контрактная теория, так как она является симбиозом положений двух предыдущих), с помощью положений которой можно определить влияние заинтересованных сторон на деятельности субъекта хозяйствования. Р. Фримэн, автор указанной теории, разработал определение понятия «стейкхолдеры» как совокупности агентов, осуществляющих несомненное влияние на компанию, в то же время испытывающих влияние компании на себе [20: 5].

При этом «центром» теории заинтересованных сторон являются предприятия, ответственность которых формируется в процессе хозяйственной деятельности в результате взаимоотношений с обществом и другими субъектами (стейкхолдерами). В свою очередь, стейкхолдеры бывают внешними (органы власти, потенциальные работники, инвесторы, поставщики, клиенты и т. д.) и внутренними (акционеры и работники).

В результате рассуждений на тему сущности и природы взаимоотношений стейкхолдеров в ходе исследования были определены их интересы, взносы, а также стимулы (согласно модели *Accountability Scorecard*) и рассмотрено их значение для развития предпринимательства.

Учитывая значительное количество заинтересованных сторон, в *табл. 2* представлен фрагмент результатов исследования.

Современному субъекту хозяйствования необходимо использовать различные методы информирования о разных сторонах своей деятельности (социальной, экологической, трудовой и т. п.), ключевую роль в этом должен занимать не только анализ интересов всех групп стейкхолдеров, но и изучение возможности отражения информации о таких интересах в учете. Матрица отражения информации, представляющей интерес для заинтересованных сторон в учете, а также особенности такого социально ориентированного учета были уже рассмотрены нами.

Анализируя такой детальный подход к сопоставлению интересов, взносов, стимулов стейкхолдеров как субъектов хозяйствования (*табл. 2*), можно утверждать, что интересы всех стейкхолдеров

правомерно разделять на личные (индивидуальные) и общественные (коллективные), что можно отнести к одной из особенностей «открытого общества» в интерпретации Дж. Сороса. Так, очевидно, что все внутренние стейкхолдеры (в идеальных условиях) заинтересованы только в одном – развитии субъекта хозяйствования. Однако интересы отдельных внутренних стейкхолдеров могут существенно различаться.

Здесь уместно привести следующий пример. Очевидно, что требования профсоюзов по повышению оплаты труда работников противоречат достижению максимальной прибыльности, а, например, расширение производства может значительно ухудшить экологическую ситуацию.

Итак, имеет место конфликт интересов, в основе которого лежит процесс сопоставления стейкхолдеров своего возможного взноса в деятельность субъекта хозяйствования и возможного вознаграждения (стимула).

Следовательно, наблюдается логичный переход от «интереса» к «ответственности» в «открытом обществе». Стоит отметить, что вопросы ответственности многоаспектны и многогранны и могут рассматриваться через призму социологии и философии, истории и политологии, однако в контексте развития предпринимательства основное внимание должно быть сконцентрировано на социальной ответственности бизнеса, придерживаясь принципа «субсидиарности», высказанного Дж. Соросом, который был описан ранее и предопределяет перспективные направления дальнейших исследований.

Таблица 2

Интересы, взносы, стимулы заинтересованных сторон
субъектов хозяйствования (фрагмент)

Заинтересованные стороны	Сущностная характеристика	Интерес	Взнос/Стимул	Значение для развития предпринимательства
<i>Внешние заинтересованные стороны</i>				
Государственные органы на местном и национальном уровне	Правительство и регулирующие органы являются ключевыми (и обязательными) заинтересованными сторонами для любого субъекта предпринимательской деятельности, так как определяют регуляторную среду его деятельности	Своевременность уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей; оценка деятельности компании как субъекта реализации государственной, экономической, инновационной, социальной политики	Субсидии, дотации, целевое финансирование, налоговые каникулы, налоговые льготы / Увеличение суммы налогов, сборов и других обязательных платежей	Значение данной группы заинтересованных сторон существенно, так именно в результате деятельности государственных органов на всех уровнях определяется общая политика по развитию предпринимательства, формируются законодательные инициативы и тенденции поддержки субъектов хозяйствования

Внутренние заинтересованные стороны

<p>Акционеры</p>	<p>Акционеры (как и инвесторы) стремятся вкладывать средства, учитывая не только уровень ожидаемой прибыли, но и соответствие компаний социальным и экологическим требованиям современной рыночной среды, что, в свою очередь, влияет на личный имидж каждого акционера</p>	<p>Так как акционеры вкладывают, как правило, собственные средства, то их интерес включает все стороны деятельности компании (экономическую, социальную и т. д.), а именно:</p> <ul style="list-style-type: none"> – конкурентоспособность и стоимость бизнеса; – финансовые показатели деятельности и т. д.; – эффективность мероприятий и т. д. 	<p>Капитал / Дивиденды</p>	<p>Роль и значение акционеров (вкладчиков) в развитие предпринимательства является основой его развития. Именно вопросы формирования и распределения прибыли, выполнения ключевых контрактов, взаимодействия субъекта хозяйствования во внешней среде будут ключевыми при его оценке эффективности его деятельности и формировании дальнейших перспектив развития</p>
------------------	---	--	------------------------------------	---

Заключение

Концепция «открытого общества» К. Поппера и ее современная интерпретация Дж. Соросом, направленная на становление демократического, социального, правового государства посредством согласования общественных и индивидуальных интересов в социуме, приводит к необходимости трансформации предпринимательской деятельности, переосмыслению ее роли и значения в современных условиях. При этом в основу развития предпринимательства в современных условиях должна быть положена гармонизация взаимоотношений стейкхолдеров и субъекта хозяйствования с присущими им конфликтами интересов, подчеркивающими возрастающее значение социальной ответственности бизнеса.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы, отражающие последовательное решение задач и достижение поставленной цели:

1) проанализирована концепция «открытого общества» К. Поппера, согласно которой каждый индивид получает возможность реализации личных и общественных интересов в соответствии с собственными потребностями и запросами. При этом реализация личных и общественных интересов происходит не только на основе имеющейся информации, но и на основании полной личной ответственности за свои поступки, в том числе субъектов хозяйствования. Результаты анализа вышеприведенной мысли позволили обосновать место предпринимательства в «открытом обществе» как связующего звена между реализацией интереса и ответственностью;

2) проанализирована интерпретация концепции «открытого общества» Дж. Сороса, направленная на становление демократического, социального, правового государства посредством согласования общественных и индивидуальных интересов в социуме, что позволило сформировать последовательную цепочку экономических категорий, таких как «потребность», «ценность», «интерес» и «ответственность»;

3) обоснована взаимообусловленность таких фундаментальных категорий «открытого общества», как «интерес» и «ответственность», для гармоничной взаимосвязи экономической и социальной составляющей деятельности субъектов хозяйствования;

4) исследована взаимосвязь категорий «потребность», «интерес» и «ответственность», в результате установлено, что идентификация определенной потребности происходит в сознании человека (домохозяйства, субъекта хозяйствования); в свою очередь, для

формирования интереса и, как следствие, ответственности необходима информация о происходящих событиях и процессах.

Источники

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия политэкономической революции. М.: AcademiaНаука, 1999. 463 с.
3. *Toffler A.* The Third Wave. New York: Morrow, 1980. 544 p.
4. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
5. *Hodgson G.M.* Darwinism in Economics: From Analogy to Ontology // Journal of Evolutionary Economics. 2002. N 12. P. 259–281.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
7. *Абрамов М.А.* «Открытое общество и его враги» в России. Субъективные заметки // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6. С. 308–310.
8. *Дзема А.И.* Философско-исторические основания теории «открытого общества» Карла Поппера: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. Краснодар, 2005. 162 с.
9. *Лысенко В.И.* Открытое государство: политико-правовое видение // Государство и право. 2003. № 5. С. 59–61.
10. *Макаренков А.* Признаки права открытого общества: концептуальный подход // Юридическая Украина. 2012. № 11. С. 12–18.
11. *Мартышин О.В.* Политические взгляды Карла Поппера // Право и политика. 2000. № 2. С. 15–31.
12. *Шкода В.В.* Чему открыто открытое общество? М.: Наука, МАИК «Наука/Интерпериодика», 1997. 48 с.
13. *Юлина Н.С.* Философия Карла Поппера: мир предрасположенностей и активность самости // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 45–56.
14. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 304 с.
15. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 192 с.
16. *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. М.: Магистр, 1997. 32 с.

17. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. 458 с.
18. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
19. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
20. *Freeman R.E.* Strategic Management: A stakeholder approach. Boston: Pitman, 1984. 275 p.

Антиутопия

Abstract

The reasons of appearance literary genre “utopia” in Modern Times are considered in the essay. Then it gives way to “anti-utopia”. There is an analysis of the most important novels of this genre written in the XXth century.

I

В начале XVI века английский мыслитель Томас Мор написал свою знаменитую книгу «Утопия». В ней описывается воображаемое государство с совершенным общественным строем — жизнь в этом государстве целиком подчиняется разуму, люди не делятся на сословия, на богатых и бедных, нет нищеты, то есть нет и повода для совершения преступлений, все жители равны в правах и счастливы. Значение этой книги для европейской культуры трудно переоценить. Само слово «утопия» появилось только благодаря ей.

Если сузить это понятие до литературного жанра, то можно обозначить его так: описание идеального, с точки зрения автора, общества. Все утопии статичны (куда идти, если совершенство достигнуто?), и главный интерес в них представляет не развитие сюжета, а именно само описание идеала. В каком-то смысле можно назвать утопиями древние мифы о золотом веке и даже христианское Царство Небесное. Но между ними и «Утопией» Томаса Мора есть существенная разница. Мифы говорят о том, что было когда-то в доисторическую эпоху, Царство Небесное предполагает неземные сферы. «Утопия» же претендует на осуществление в этой реальности собственными силами человека.

Новое время — эпоха рационализма и веры в человека. Просвещенные умы того времени верили в то, что человек по своей природе добр и чист, но его портит несовершенная окружающая среда, то есть погрязшее в пороках современное общество. В этом утверждении следует искать корни и романтизма, и сентиментализма с его любовью к природе и простому народу, занимающемуся самым «естественным» трудом, — к крестьянам, жизнь которых представлялась

¹ Сухорукова Екатерина — студентка 2-го курса философского факультета РГГУ, Москва. warriors5@mail.ru

идиллией в розовом свете (вспомнить хотя бы «Бедную Лизу» Карамзина — классический образец сентиментализма).

Люди Нового времени считали: уберите нищету — и человек не будет воровать. Зло происходит исключительно от социального неравенства и невежества. В сторону отмечается учение о страшной катастрофе, изуродовавшей естество человека, теперь он — не прах земной, а венец творения. Новое время — эпоха веры в светлое будущее. Мрачное Средневековье с его изуверствами и предрассудками наконец-то закончилось, а впереди нас ждет торжество разума — вот о чем думал человек той эпохи.

Именно поэтому Новое время — время революций. Если все зло идет от несправедливого устройства общества, от деления на сословия и классы, то это деление необходимо уничтожить, и на земле снова наступит рай. Настоящие идейные революционеры сражались не за свои личные интересы, а за свои возвышенные идеалы. Они свято верили в то, что погибают во имя счастья всех людей и что их жертва будет не напрасной. Другой вопрос, что, помимо личного самопожертвования, во имя будущего они в настоящем могли совершить и оправдать любое преступление против ближнего.

Лучше всего этот настрой показан в романе Гюго «Отверженные», когда Анжольрас (один из главных героев и пламенный революционер) произносит речь перед своими товарищами-революционерами, поясняя, зачем они восстают. Самый яркий ее отрывок: «Девятнадцатый век велик, но двадцатый будет счастливым веком. Не придется опасаться завоеваний, захватов, вторжений, соперничества вооруженных наций. Не будет голода, угнетения, проституции от нужды, нищеты от безработицы, ни эшафота, ни кинжала, ни войн. Человечество будет освобождено, возвеличено и утешено!» И далее: «Братья! Кто умрет здесь (на баррикадах. — *Е.С.*), умрет в сиянии будущего, и мы сойдем в могилу, всю пронизанную лучами зари» [3, 556]. Роман был написан в 80-х годах XIX века, и автор искренне верил в то, что говорил его персонаж.

Теперь можно представить, каким ударом явились для всех события XX века — не утопические, а реальные, которые оказались гораздо кошмарнее всего того, что происходило с человечеством раньше. Прежде войны были бесчеловечны, но средневековый рыцарь хотя бы мог понять, за что он отдает жизнь — за свою Родину, своего короля, честь, религию, идею. В Первой мировой миллионы гибли ни за что — солдат превратили в пушечное мясо. Философы и ученые-просветители говорили о равенстве всех народов и рас, а XX век

возвел нацизм до уровня государственной идеологии и утопил Европу в крови. Тот самый XX век, от которого ожидали так много, справедливо был назван современным писателем Сорокиным «эпохой коллективного зла».

Вера в человека и его разум была втоптана в грязь. Сам человек стал никем. Культура перевернулась. Вместо утопий появились антиутопии. Собственно, этот жанр существовал и раньше (в частности, книга Жюль Верна «Пятьсот миллионов бегумы»), но расцвет этого жанра приходится именно на XX век, когда слова «всё будет хорошо» звучали уже не надеждой и утешением, а издевкой или бредом сумасшедшего. Антиутопию иногда путают с критическим реализмом. Но если критический реализм описывает недостатки того, что уже реально существует, то антиутопия — проекция в будущее. Утопия — наставление, ориентир, предложение выбрать другой путь развития. Антиутопия — картина того, что будет с обществом, если оно продолжит идти той же дорогой, что и сейчас. Поэтому в советской литературе антиутопию часто называли «роман-предупреждение» (слово «антиутопия» в советском пространстве не особо приветствовалось, так как было антонимом утопии, предполагавшей веру в светлое будущее, подрыв которой означал крушение коммунистической идеологии).

И хотя нечто подобное встречалось еще у Герберта Уэллса, родоначальником антиутопии принято считать Евгения Замятина, который в романе «Мы» [5] задал настрой этого жанра со всеми его основными приметами. Большая заслуга автора еще и в том, что он, в отличие от своих последователей, описал главную трагедию века до окончательного ее наступления.

Говоря об антиутопиях, нельзя не упомянуть Джорджа Оруэлла. Его сказку-притчу «Скотный двор» [7] можно назвать настоящим учебником революции — почему она возникает, как проходит, кто в ней участвует и что потом из этого получается. Утописты описывали свой идеал, революционеры пытались его достигнуть, и считалось, что дальше наступит конец истории — гармония будет достигнута. Никто даже не догадывался о том, что произойдет потом на самом деле. С высоты новейшего времени, используя исторический опыт, Оруэлл заглядывает за эту черту. И делает печальный вывод: утопия неосуществима. Дело не в том, что тирана свергнуть почти невозможно, а в том, насколько сильна в людях жажда власти. Животный инстинкт управлять либо быть управляемым — стоит свергнуть одного узурпатора, как тут же появится другой, и большинство с этим

покорно согласится, а некоторые даже будут уважать хозяина тем сильнее, чем он будет свирепее.

И конечно же, еще одна антиутопия Оруэлла — «1984» [6], которая наравне с произведением «О дивный новый мир» [8] Олдоса Хаксли является самой значимой антиутопией XX века. Эти две книги двух разных авторов — два антипода, описывающие две противоположные модели дальнейшего развития мира. Первая модель — та, по которой шли тогда Советский Союз и нацистская Германия, то есть тоталитарное государство, система-монстр, который превращает человека в раба, а непокорных уничтожает. Вторая модель — модель западного мира, где, наоборот, все делается якобы для человека и его комфорта, но в итоге человек тоже превращается в раба — раба собственного удовольствия и индустрии развлечений.

Оруэлл написал свою книгу в 1948 году, когда мир был в ужасе от того, что с ним сделал Гитлер, и с не меньшим ужасом ожидал, что может совершить Сталин, поэтому тогда этот роман был актуален как никогда, он был настоящим криком боли своего времени. Но если анализировать современный мир, то он, скорее, походит на то, о чем говорил Хаксли.

Художник-карикатурист Стюарт Макмиллен даже нарисовал на эту тему комикс «Amusing ourselves to death» на основании одноименной книги Нейла Постмана. В комиксе проводится сравнение того, «чего боялся Оруэлл»: цензура, вдалбливание в голову «правильных» мыслей, подчинение с помощью боли и ненависти; и того, «чего боялся Хаксли»: отсутствие необходимости цензуры вследствие деградации населения (не будет никого, кто бы захотел читать книги), потеря правды в потоке информационного мусора, подчинение с помощью причинения удовольствия. У Оруэлла зло носит открытый характер, хоть и называет черное белым, а у Хаксли маскируется в соблазнительное обличье.

И в «1984», и в «Дивном новом мире» государство контролирует все сферы жизни, держит гражданина в тисках от его рождения и до смерти, у Хаксли даже в большей степени, чем у Оруэлла. В этом две книги согласны друг с другом. Но, помимо предупреждения о том, каким может стать государство, есть еще одна тема, которая поднимается в «Дивном новом мире» — проблема деградации. Человека не просто превратил в раба кто-то сверху, а он сам расставил себе сети. Прячась от реальной жизни, стараясь уберечь себя от любых огорчений, сбегая от вечных вопросов, таких как смерть и любовь, человек создал себе искусственную сферу обитания. Иными словами,

вырыл себе могилу, в которой добровольно похоронил свое человеческое лицо, получив взамен комфорт в неограниченных дозах.

В мире Хаксли люди не борются за свободу, не восстают против лжи и безболезненного, но все же насилия — они счастливо погрязли в своем болоте. По сути, Хаксли впервые открыто заявил о том, о чем и не подозревали утописты, — не всё так ладно с природой человека, который, оказывается, руководствуется не столько разумом, сколько непреодолимым желанием удовольствий.

Похожая ситуация представлена в повести «451 градус по Фаренгейту» [2] Рэя Брэдбери. Особый акцент в ней сделан именно на том факте, что общество будущего, которое использует все свои научные достижения и передовые технологии исключительно на индустрию развлечений (как правило, довольно примитивных), забыло про книги. Следовательно, прервана связь с прошлым, а без прошлого нет будущего. Антиутопию Брэдбери можно назвать самой жизнеутверждающей из всех великих антиутопий, поскольку она, пожалуй, единственная, в которой добро торжествует над злом, или, что ближе к контексту, вечное над временным.

Все рассмотренные выше антиутопии строго соответствовали определению своего жанра. Главной их задачей было показать цивилизацию такой, какой ее может сделать в ближайшем будущем одна из опасных тенденций, которая в настоящем только начинает в ней наблюдаться. Либо же как-то запечатлеть уже имеющийся негативный опыт, как это было в «Скотном дворе».

Немного выпадает из этого ряда роман английского писателя (почему-то почти все самые известные антиутопии написали англичане) Уильяма Голдинга «Повелитель мух» [4]. Основное действие в нем происходит вообще не в нашей цивилизации и даже не в той, которая на нее аллегорически походит. И все же эта книга по праву может называться антиутопией. Почему?

Все рассмотренные выше антиутопии, несмотря на весь свой, увы, реалистичный пессимизм в каком-то смысле наследуют главную традицию эпохи романтизма — груз ответственности в них сваливается на обстоятельства, даже если эти обстоятельства — другие люди. Обязательно присутствует «плохой» мир, общество, государство, система и противостоящий ей «хороший» парень, который героически борется с внешним злом. Граница добра и зла все еще проходит не внутри самого человека, бытие все еще определяет сознание. Иногда антиутопию от утопии отличало лишь то, что обществу будущего ставился знак «минус», смысловая «начинка» не претерпевала

почти никаких изменений (справедливости ради стоит вспомнить то, что было сказано Оруэллом о жажде власти и Хаксли о жажде удовольствий).

Просветители проповедовали: ребенок появляется на свет чистым, словно лист бумаги, первозданную белизну которого можно либо сберечь, либо испачкать и помять. Всё просто. И если мы возьмем невинных детей и перенесем их, скажем, на необитаемый остров или в любое другое место, где их не сможет испортить порочное общество взрослых с их предрассудками и невежеством, то эти ангельские создания останутся таковыми на всю жизнь. Эта вера оставалась крепкой и в конце XIX века, когда шотландец Роберт Баллантайн облек мысли просветителей в художественную форму посредством написания «Кораллового острова» — полной оптимизма робинзонады для юношества.

Прошло еще сто лет, и Уильям Голдинг задумал написать пародию на «Коралловый остров», пародию, которая вскоре стала известнее оригинала. Как и Баллантайн, Голдинг удовлетворяет все условия теории — невинные дети отбираются от испорченных родителей и переносятся в совершенно идеальную, почти райскую обстановку. И проходит совсем немного времени, как чистенькие цивилизованные мальчики превращаются в озверевших дикарей, готовых перегрызть друг другу глотки за просто так.

II

Пожалуй, автор этой статьи был слишком строг по отношению к утопистам. Мир, в котором им довелось жить, был воистину ужасен. Войны, нищета, насилие, ложь, невежество — все те беды, которые разъедали человечество на протяжении многовековой истории, не могли не ранить благородных людей с тонкой совестью и возвышенной душой. Утописты потребовали дать наконец человеку его первое и законное право — право если не на счастье, то хотя бы на спокойную жизнь. Все утопии начинались — именно начинались — исключительно с таких людей, все революции берут начало не снизу, а сверху. Это может показаться странным, но если мы поймем таких людей изнутри, то поймем и это. Они чувствовали, что их гражданский долг — открыто говорить о зле, смело с ним бороться, и за это нужно воздать им должное.

Но они были наивны. Можно сказать, самонадеянно наивны. Они знали, от чего бежать, но не знали, как и куда. Тысячелетиями человек боялся всего — зверей, стихии, ночи, самого себя. Но тут

грянула эпоха Великих географических открытий, была объята целая земля, оказавшаяся всего лишь шаром, был дан толчок для развития всех наук, и главный источник страха — неизвестность — исчез, казалось, навсегда. «Атлант расправил плечи», и из одной крайности передовая мысль ударилась в другую — теперь человек уже не тварь дрожащая, а Прометей, раздобывший у богов тайну огня и сам ставший полубогом.

Новое время, ставшее действительно сенсационно новым, вскружило людям голову. Еще далеко было до эйнштейновского «наука — незаконченная книга». Сделав большой скачок в направлении естествознания, человек не только решил, что знает все, он с презрением оттолкнул весь опыт предыдущих столетий. Древний философ мог считать небо стеклянным куполом, но самого себя он понимал лучше, чем просветитель, изучающий психологию теми же понятиями, какими он мерит в математике и биологии. Вместо того чтобы составить с гуманитарным мировоззрением единую картину мира, естественно-научное просто перечеркнуло его без всяких объяснений.

Вопрос нравственности — важнейший вопрос всей культуры. Обычно о нем рассуждали на примере столкновения нескольких личностей или даже борьбы одной личности с самой собой. Но в Новое время человек внезапно перестал смотреть вглубь и развернулся вширь. Утопии и антиутопии — это те же трагедии Шекспира, исследующие проблему добра и зла, только действующими лицами в них стало общество, государство, вся история.

Эпоха Просвещения родила удивительный парадокс: с одной стороны, человек назвался царем природы, а с другой — считалось, что изучить и понять его поведение так же легко, как поведение муравья. Эта наивная простота рождала заблуждения, от которых до сих пор не удалось избавиться до конца. Человек устал от страданий, он хотел счастья, но что это такое и как к нему прийти — он еще не мог разобраться. И строил догадки. Суть антиутопий в том, что они не столько корят человечество от отступления по пути в светлое будущее, сколько показывают, каким на самом деле станет мир, если это будущее все-таки наступит.

Эпиграфом к своему роману Хаксли выбрал высказывание Бердяева об угрозе воплощения утопий в реальность. Под этим высказыванием могли бы подписаться все великие антиутописты, в особенности Замятин. Вот уж чей мир действительно соответствовал тенденциям своей эпохи: полный контроль разума над сердцем, цифры

над чувством, общества над личностью. Все объединились во имя одной идеи — идеи счастья, счастья не для себя лично и даже не своего ближнего, а для абстрактного общества, и они добились своего, все получилось именно так, как мечталось. Но у нормального живого человека, то есть читателя, описание такого «рая» вызывает ужас, подобный тому, который он испытывает при виде смерти. Просветители хотели человеку всего самого лучшего, но у них было превратное представление о нем, и потому выведенная формула основанного на разуме счастья получилась несовместимой с его жизнью. Хотели радость, а получили комфорт; хотели спокойствия, а получили смерть. Недаром в «Мы» и романах, продолжающих эту традицию («1984», «451 градус по Фаренгейту»), главного героя побуждает к восстанию именно девушка, ведь женщина всегда считалась олицетворением всего иррационального: интуиции, жизни, любви. Приоритеты перевернулись, и началась борьба в обратную сторону — против будущего общества за настоящее простого человека со всеми его противоречивыми чувствами и желаниями.

«Повелителя мух» сложно назвать оптимистичным, и все же это не та книга, которая оставляет после себя беспросветное уныние. Потому что в ней всплыло наконец то, о чем было хорошо известно в мрачное Средневековье и о чем при всей любви к человеку забыли просветители, то, что возвеличивает и в падении, и во взлете. Свобода воли. Голдинг нисколько не идеализирует своих мальчишек и показывает их такими, какие они есть, — черно-белыми. Они не свалились на свой остров с неба, они родились от своих родителей, они пришли из мира взрослых. И мира, который, с одной стороны, дал им понятие о культуре и морали, а с другой — готов к развязыванию атомной войны. У них был залог и добра, и зла. Оставалось только выбрать. Выбрать каждому мальчику, выбрать самому, основываясь не на внешних обстоятельствах (как мы помним, среда дана идеальная), а именно на самом таинственном, чему до сих пор невозможно дать логического объяснения, — на основе свободного выбора.

Выше был упомянут один из известнейших представителей русской философии Серебряного века Н. Бердяев. В своем труде «Новое Средневековье» [1] (да и не только здесь, эта мысль проходит через все его творчество) он выражает надежду на то, что скоро человечество вернется к Средневековью. Имеется в виду, конечно, не феодальный строй и уж точно не грязь с суевериями и узаконенной жестокостью. В первой половине XX века Бердяев писал о том, о чем сейчас, в начале XXI столетия, говорит большинство ученых и педагогов:

о необходимости объединения гуманитариев и технарей. Мир слишком сложен, чтобы его можно было анализировать в одном узком направлении. Для эффективного функционирования морали, религии, искусству, науке нужно прекратить междоусобицу и выйти наконец на открытый диалог.

Быть может, только там нам удастся избежать появления новых заблуждений и утопий.

Источники

1. *Бердяев Н.* Новое Средневековье. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn010.htm> (дата обращения: 25.07.2018).

2. *Брэдбери Р.* 451 градус по Фаренгейту // Издание произведений Рэя Брэдбери. М.: Эксмо, 2013. С. 221–369.

3. *Гюго В.* Отверженные // СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 556.

4. *Голдинг У.* Повелитель мух // Издание произведений Уильяма Голдинга. М.: АСТ, 2014. С. 5–183.

5. *Замятин Е.* Мы // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/index.html> (дата обращения: 25.07.2018).

6. *Оруэлл Дж.* 1984 // Издание произведений Джорджа Оруэлла. М.: АСТ, 2015. С. 5–279.

7. *Оруэлл Дж.* Скотный двор // Издание произведений Джорджа Оруэлла. М.: АСТ, 2015. С. 279–364.

8. *Хаксли О.* О дивный новый мир. М.: АСТ, 2014.

Образы желаемого будущего в массовом сознании населения рабочего поселка в приграничном регионе

Abstract

The article presents the results of a sociological survey of residents of PGT (urban-type settlement) Progress, Amur region, devoted to the study of ideas about the desired future, prospects for its development, modeling the images of the future of the Amur society in its ideal, perspective plan.

В качестве предмета исследования выступают мечты. В чем актуальность данной темы? Во-первых, мечты редко становятся объектом исследования психологов, философов и социологов. Как можно исследовать то, что невозможно увидеть, что существует только в проекте и чего нет в реальности? И многие, возможно, зададутся вопросом: зачем исследовать мечты, какое в этом прикладное значение? В мечтах человек формулирует образы целей, которых хочет достичь. В них содержится прообраз, проект наиболее желанного будущего, которое с определенной долей вероятности может наступить. Здесь мы выходим на причину, по которой в качестве объекта исследования выступают жители поселка Прогресс. От того, насколько грамотно они расставят приоритеты и соотнесут мечты с возможностями, зависит их дальнейшая судьба, будущее области, а возможно, и всей страны. Вот при таком понимании, при такой трактовке «мечты» ее целенаправленное изучение прежде всего социологическими методами становится не только оправданным и интересным, но и просто необходимым.

Цель данной работы – выявить представления прогрессовцев о желаемом будущем.

Методология исследования включает следующие теоретические положения:

¹ Долгополова Олеся – студентка факультета социологии ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», Благовещенск. lesecha 346273@mail.ru

1. Мечты – плоды активного воображения, которые обладают стабильностью и формируются сознательно и целенаправленно, это мысленное создание образа желаемого, причем направленного в будущее [4].

2. Мечты связаны с проектированием [1].

3. Выводы общероссийского социологического исследования «О чем мечтают россияне: Идеал и реальность», проведенного рабочей группой Института социологии РАН под руководством академика М.К. Горшкова в 2012 году [3].

4. В статье С.В. Мареевой «Справедливое общество в представлениях россиян» на данных общероссийских репрезентативных исследований проведен анализ представлений россиян о социальной справедливости и устройстве справедливого общества. Концепция справедливости очень важна в модели национальной культуры в России, и мечта о справедливом обществе выполняет роль консолидирующей идеи для населения страны [2].

Методика исследования

Объект: население пгт Прогресс в возрастных группах от 16 лет и старше. Метод сбора данных: опрос в форме индивидуального анкетирования. Метод отбора респондентов: квотная выборка. Полевой этап проводился с 3 по 15 июля 2017 года. Всего опрошено (после выбраковки анкет) 200 респондентов. Исследование выполнено в рамках производственной практики «Желаемое будущее амурчан: региональный аспект» (руководитель А.К. Леонов, доцент кафедры философии и социологии, кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»).

Основные результаты

Пожалуй, первый вопрос, на который надо получить четкий ответ: насколько жителям поселка свойственна мечтательность и есть ли у них в жизни своя мечта? Результаты проведенного исследования позволяют с уверенностью утверждать: да, она есть (84%). Лишь 16% заявили о том, что они относятся к людям, для которых мечтания не характерны (*рис. 1*).

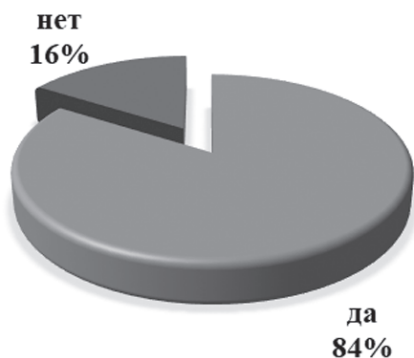

Рис. 1. Результаты ответа на вопрос «Есть ли у Вас мечта?»

Таблица 1

Взаимосвязь ответа с полом и возрастом

Ответ	Пол		Возраст			
	мужской	женский	16–29	30–44	45–59	60 и старше
Да	74%	91%	94%	84%	85%	77%
Нет	26%	9%	6%	16%	15%	23%

Если рассматривать ответы по полу (*табл. 1*), то видно, что женщинам более свойственно мечтать. Возможно, это объясняется тем, что мужчины привыкли не мечтать, а делать, для них важна стабильность, а не просто «летать в облаках». Женщины более романтичные и нежные натуры, которые любят уйти от реальности и воплотить свои заветные цели в своих фантазиях и мечтах. Примечательно, что в разном возрасте стремление помечтать проявляется по-разному и в основном свойственно молодому поколению. С возрастом потребность в мечте ослабевает.

Далее респондентам был предложен ограниченный набор альтернатив, из которых они могли выбрать определенное число позиций, характеризующих их мечтания, и получились следующие результаты (*рис. 2*).

Рис. 2. Результаты ответа на вопрос «О чем лично Вы мечтаете больше всего?»

Как видно, самая популярная мечта — иметь хорошее здоровье (67%). Мечта жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки» (48%), также входит в число наиболее популярных чаяний амурчан. Более характерно выражена данная мечта у мужчин 56%, так как испокон веков мужчина считается добытчиком и кормильцем в семье. Эти две мечты просты и понятны каждому, их притягательность закономерна, особенно в условиях широкого распространения малообеспеченности в современной России.

Далее по популярности следуют мечты, которые условно можно объединить в рамках распространенного в нашем обществе выражения — «посадить дерево, вырастить сына». Речь идет о желании воспитать хороших детей (33%) и иметь хорошую семью (30%). Эти мечты более свойственны женщинам, ведь они являются хранительницами домашнего очага и выполняют репродуктивную функцию. Жить интересно, реализовать себя (28%) актуальна как у мужчин, так и у женщин. Мечта о справедливом и разумно устроенном обществе (23%) уже не так значительна среди населения, как пару лет назад; дело в том, что сейчас личные проблемы вышли на первый план:

здоровье, материальное благополучие и семья. Что интересно, эти результаты коррелируют с исследованиями ВЦИОМа на тему счастья. По итогам телефонного опроса россиян, проведенного ВЦИОМом (пресс-выпуск № 3431) в конце июля этого года, респонденты связывают счастье с семьей, детьми, достатком и хорошим здоровьем.

Как было показано выше, подавляющее большинство амурчан — люди мечтательные. Правомерно, однако, поставить такие вопросы: насколько же осуществимыми кажутся амурчанам их простые и понятные мечты? И для кого именно они представляются осуществимыми? Начнем с ответа на первый вопрос. В целом мечты кажутся скорее достижимыми, чем недостижимыми. При этом полностью уверены в осуществимости мечты 36% опрошенных, а абсолютно уверены в неосуществимости своих мечтаний только 9%. И все же более половины населения Прогресса (55%) говорят, что какие-то мечты достижимы, какие-то нет (рис. 3).

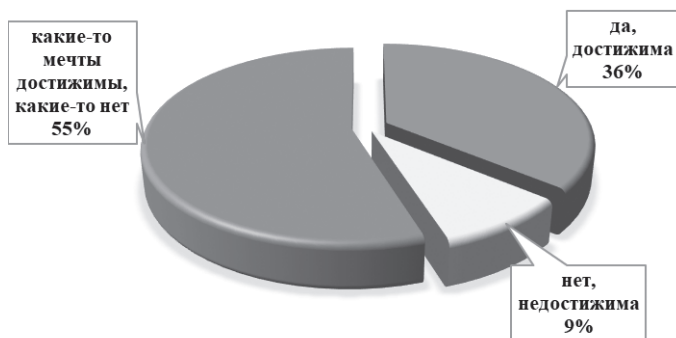

Рис. 3. Результаты ответа на вопрос «Достижима ли Ваша мечта?»

Если мечта осуществима и большинство людей стремятся к ее достижению, существуют определенные факторы, которые помогают получить желаемое. Мы предложили респондентам, которые уже достигли определенных пониманий своих мечтаний, указать не более четырех наиболее значимых факторов. Полученные данные наглядно представлены на рис. 4.

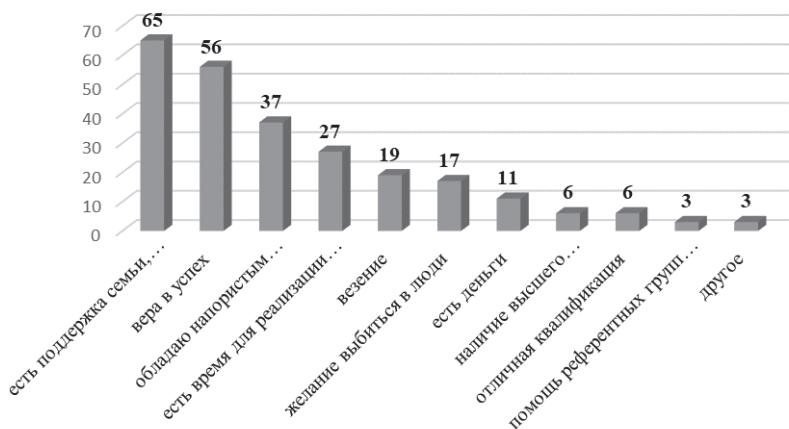

Рис. 4. Результаты ответа на вопрос «Почему Вы достигли своей мечты?»

Наибольшей популярностью пользуется фактор «есть поддержка семьи, друзей, коллег»: если ты не один и твои начинания кто-то поддерживает это всегда сказывается позитивно. Не отстает и следующий показатель «вера в успех»: как говорится, мысли материальны, и, если долго и упорно добиваться поставленной цели, мечта исполнится. И наконец, на третьем месте у нас личный фактор «обладаю напористым характером», что не менее важно: если человек силен духом и не сдастся без боя, какие-то неудачи и неурядицы не встанут на пути к достижению мечты. Лишь на седьмом месте находится фактор «есть деньги», его выбрали 11% респондентов. Это опровергает гипотезу о том, что оценка достижимости собственных мечтаний зависит от материального положения (высокодоходные группы более оптимистичны).

Но не все всегда складывается позитивно и так, как хотим именно мы, и иногда наши мечты могут быть недостижимы и неосуществимы. Какие мотивы мешают респондентам — об этом данные на *рис. 5*.

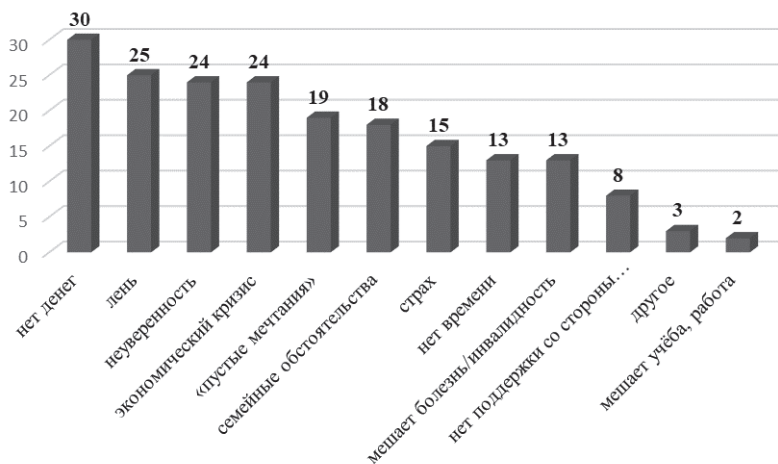

Рис. 5. Результаты ответа на вопрос «Почему Ваша мечта недостижима?»

Для мужчины первостепенной причиной недостижимости мечты становится «экономический кризис» (32%), он ощущает его на себе, больше чем женщина, как глава семьи и кормилец. Следующие три позиции в равной степени занимают «пустые мечтания», «нет денег», «лень» (27%), только самое важное, что эмоции уходят на второй план. В отличие от мужчин, женщина больше подвержена чувствам, и они мешают ей достичь поставленной мечты. «Неуверенность» — 33% (из психологии мы знаем, что в большинстве случаев сомнения и нерешительность — «верный спутник» женщин во всех начинаниях), «страх» попробовать что-то новое и начать двигаться к поставленной цели — 19%, «безденежье» также играет важную роль — 33%, и «лень» 23%. С возрастом лень стремительно падает, приходит осознанность, призыв к действию что-то изменить в своей жизни. Также чем старше население, тем больше мешают «болезнь и инвалидность», это очевидно, все мы стареем, и наш организм изнашивается, тем более если взять во внимание состояние здравоохранения в России. «Экономический кризис» больше ощущают на себе люди в возрастной группе от 45 лет и старше — предпенсионный и пенсионный возраст. По этим данным также можно судить о социально-экономических проблемах пенсионеров не только в поселке, но и во всей стране, о состоянии социальных выплат и льгот пенсионерам.

Вероятнее всего, это объясняется тем, что в России около 50% пенсионеров получают минимальную пенсию и находятся за чертой бедности. С годами становится актуальнее проблема безденежья, ведь потребности и мечты со временем растут – соответственно, и денежные запросы становятся только больше, прослеживается прямолинейная связь.

Следующий вопрос исследования: «Как Вы считаете, российское общество является социально-справедливым?» [2]. Данные ответов – на *рис. 6*.

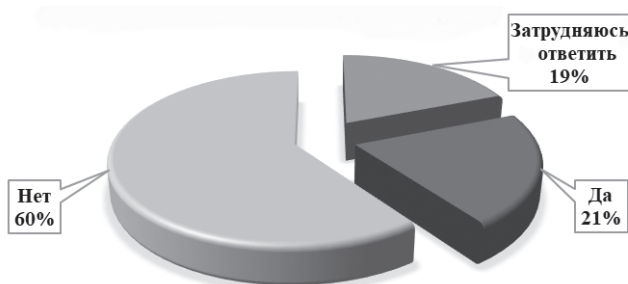

Рис. 6. Результаты ответа на вопрос «Как Вы считаете, российское общество является социально-справедливым?»

Больше половины жителей пгт Прогресс, а именно 60%, утверждают, что наше общество не является социально-справедливым, 21% не согласны с предыдущими и дают положительную оценку российскому обществу, говоря о том, что социальная справедливость в нашем обществе существует, еще 19% затрудняются с ответом. Вне зависимости от половозрастных групп, разница во мнениях практически незаметна. Отсюда можно сделать вывод: главная задача государства в части социальной справедливости – обеспечить равный доступ к образованию, здравоохранению, гарантировать пенсионное обеспечение по единому закону в зависимости от трудового стажа и уровня оплаты труда, доступ по конкурсу на вакантные должности в государственных учреждениях, оказать максимальную поддержку инвалидам, обеспечить доступ всех граждан к политической деятельности в стране и многое другое можно сделать для улучшения социальной справедливости не только в области, но и во всей стране.

Люди, которые считают, что российское общество является социально-справедливым, полагают, что их мечты достижимы 52%.

Возможно, объясняется это тем, что люди видят, что государство предпринимает множество попыток для того, чтобы население видело, что Россия – социально-справедливая страна. Государственная политика направлена на улучшение социальной ситуации в жизни респондентов: льготы, выплаты пенсионерам и инвалидам, детям из неблагополучных семей, пособия по безработице и пр. Другие же считают, что раз российское общество не представляется социально-справедливым, значит и мечта недостижима (7%). По всей видимости, часть препятствий в достижении поставленных целей, мечтаний связывается ими с теми внешними ограничениями, которые накладывают на них несправедливо устроенное на данный момент российское общество, ведь всегда проще сказать, что во всем виноват не ты сам, а кто-то другой, тем более такие обширные понятия, как вся Россия и ее социальная политика.

Заключение

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод, что у большинства респондентов есть мечта и она играет в их жизни важную роль. Она выступает некой гипотетической целью, образом будущего достижения, реального или нереального.

Что касается образов желаемого будущего страны, в качестве основных выступают социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах.

Образы будущего приобретают специфику в зависимости от принадлежности респондентов к различным социально-демографическим, социально-профессиональным и социально-политическим группам. Так можно выделить старшее поколение и пенсионеров, которые чаще всего выступают работниками бюджетных организаций, государственными и муниципальными служащими, настроенными на сильное государство. Но в настоящее время они не могут воплотить в реальность свои идеи; возможно, они хотят жить в прошлом, как в СССР. В приоритете у них здоровье и спокойное семейное счастье. Вторая ярко выраженная группа – молодежь, учащиеся, которые поддерживают либеральные политические взгляды, но чаще всего не интересуются ни экономикой, ни политикой. Вероятно, это связано с тем, что они полны стремлений и мечтаний, хотят жить интересно и реализовывать себя, путешествовать, быть полезными обществу.

Источники

1. *Боргест Н.М.* Онтология проектирования. Теоретические основы Ч. 1. Понятия и принципы. Самара: СГАУ, 2010. 91 с.
2. *Мареева С.В.* Справедливое общество в представлениях россиян // *Общественные науки и современность.* 2013. № 5.
3. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
4. *Стерледев Р.К.* Мечта как сущностное свойство человека // *Теория и практика общественного развития.* 2013. № 6. С. 18–21.

Общество будущего: старики и роботы

Abstract

The paper considers possible variants of the future of mankind through the prism of the wave theory of N.D. Kondratieff, the theory of technological structures and the problems of the global demographic crisis. From the standpoint of historical and evolutionary approaches to the analysis of these theories, an assumption is made about a possible scenario for the development of world society. Global aging in Europe, Russia, the United States, and in the future in Asia will lead to significant changes in the world financial and economic system, and will also have a significant impact on the rates of economic growth and scientific and technological progress, which ultimately lead to a slowdown in the development and degradation of mankind.

Мировое развитие сквозь призму теории Н.Д. Кондратьева

Прогнозирование экономического развития, перспективы будущего общества, мирового порядка и экономической системы являются основными научными проблемами, решение которых требует междисциплинарного подхода. В условиях политической нестабильности и структурных трансформаций инструменты долгосрочного прогнозирования являются наиболее важными для стратегического планирования и разработки программ развития стран и отдельных территорий.

Наиболее известной моделью долгосрочного прогнозирования являются волны Н.Д. Кондратьева, приобретающие особую популярность в периоды нестабильности и кризисов. Эволюционный и исторический подход к анализу волновой теории Кондратьева позволяет выстроить долгосрочный макроэкономический прогноз развития мирового хозяйства.

Теория Кондратьева появилась в начале XX века и получила название «большие циклы конъюнктуры». На основе анализа статистических данных (объем ВВП, оборот внешней торговли, промышленное

¹ Дадашова Татьяна – аспирантка кафедры экономической теории, «Донецкий национальный университет» (Донецк). tatyana_dadashova@mail.ru

производство, уровень цен) по различным странам мира ученый вывел закономерность и построил линию тренда, которая легла в основу теории длинных волн. Данная линия тренда стала результатом статистического моделирования (метод скользящей средней, построение параболы третьего порядка) и является универсальной кривой, не зависящей от краткосрочных колебаний [4].

Данная теория в дальнейшем была дополнена Й. Шумпетером, который обратил внимание на то, что каждая волна цикла Кондратьева связана с инновациями в определенной отрасли производства. Ученый также связал в своей модели три вида циклов – длинные волны Кондратьева (продолжительностью 60 лет), циклы Жугляра (10 лет), краткосрочные колебания Китчина (4 года) в единый процесс развития мировой экономики, напрямую зависящий от инноваций и научно-технического прогресса [7].

На *рис. 1* показана цикличность развития мирового хозяйства и технологические уклады. Начало первого цикла положила промышленная революция в Англии, изобретение парового двигателя. Англия стала выходить на мировую арену в качестве лидера. Смена повышательной волны и начало спада совпало с крахом Наполеоновской империи и деструктивными процессами в Европе, что помогло Англии удержать лидирующие позиции.

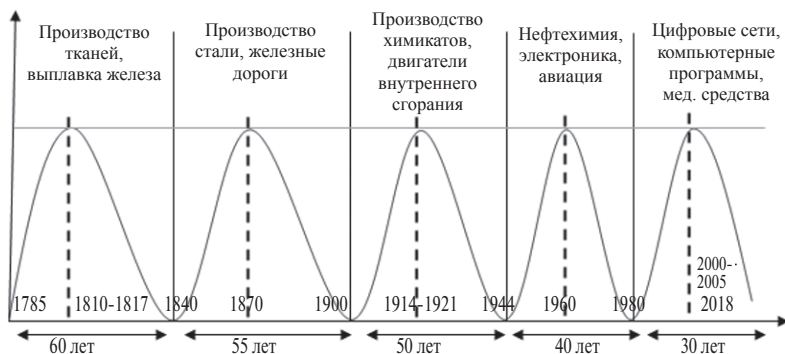

Рис. 1. Большие экономические циклы Н.Д. Кондратьева

Аналогичным образом происходило и в последующие экстремумы циклических колебаний. Изобретение двигателя внутреннего сгорания, экономический рост Германии и США, которые стали составлять конкуренцию Великобритании, положило начало новому витку повышения.

После Второй мировой войны на смену Великобритании как мирового лидера пришли США. Кризис в 1970-е годы, связанный с ростом цен на энергоносители, положил начало разработке и внедрению энергосберегающих технологий в развитых мировых странах. Переход к повышательной волне пятого цикла был связан с внедрением и разработкой микропроцессоров, а кризис 2000–2005 годов был связан со значительным замедлением роста в экономике США и дестабилизацией ситуации на востоке.

Важно отметить, что в начале повышательной волны наблюдается значительное изменение мирового порядка, изменение принципов денежного обращения, объемов добычи энергоресурсов, а также происходят военно-политические конфликты. Во время понижительной волны отрасль сельского хозяйства находится в состоянии депрессии, что подтверждается снижением цен на сельскохозяйственную продукцию [4]. Перед началом повышательной волны сокращается технологический разрыв, то есть начинается полный переход на инновационные технологии.

Анализируя данную теорию с точки зрения эволюционного и исторического подхода, следует сказать, что каждый новый цикл начинается в результате исчерпания возможности обеспечивать экономический рост существующим технологиям, что стимулирует к поиску новых возможностей обеспечения роста и развития, вследствие чего создаются инновационные технологии. В свою очередь, исчерпание возможностей роста неизбежно приводит к военно-политическим конфликтам.

Если рассматривать технологические уклады в широком смысле, то стоит отметить, что два цикла формируют технико-экономическую модель развития, что представляет собой единую систему использования научных разработок в определенной сфере, одних и тех же видов энергоносителей и сырья. Так в первом цикле доминировали отрасли обработки железа и стали, производство было основано на потреблении угля и древесины.

Развитие отрасли обработки железа полностью исчерпало себя лишь к концу второго цикла, и в третьем цикле начали активно развиваться отрасли машиностроения, а основным видом топлива и энергии являлись газ и нефть. Усовершенствование отраслей машиностроения продлилось вплоть до начала пятого цикла, который связан с появлением и дальнейшим развитием компьютерных технологий, основным видом энергоносителей в данном периоде является ядерная энергетика.

Со сменой технико-экономических моделей меняется и мировой лидер – доминирующее государство. Так в третьем цикле темпы роста экономики Великобритании стали замедляться, в то время как развитие США и Германии ускорилось, Великобритания стала активно предпринимать попытки остановить развитие конкурентов и их союзников, пытаясь разжечь между ними конфликт, чтобы удержать свои позиции. По аналогии в данный момент на исходе пятого цикла мировое лидерство смещается от США и переходит к КНР. Америка, так же как в свое время Великобритания, пытается затормозить рост экономических систем стран-конкурентов и их союзников для сохранения мирового лидерства, что дестабилизирует мировой военно-политический порядок и является причиной многих конфликтов на данный момент.

Таким образом, исходя из теории длинных волн Кондратьева, сейчас мировая экономика находится на низкой точке развития, что подтверждается кризисными явлениями в Европе, которые обусловлены неравномерностью развития стран, входящих в состав еврозоны, и являются барьером для проведения взвешенной финансовой и экономической политики.

С 1980 по 1990 год средний по ЕС показатель ВВП по ППС на душу населения вырос с 25,4 тыс. долл./чел. (девять членов) до 30 тыс. долл./чел. (двенадцать членов). В ЕС-15 в 2000 году душевой ВВП по ППС достиг отметки в 35,3 тыс. долл./чел. Рост экономики 2000-х годов был весьма интенсивным, и средневзвешенный уровень ВВП по ППС на душу населения по «старым» членам поднялся с 35,3 до 39,3 тыс. долл./чел. Принятые в состав ЕС тринадцать новых членов, которые в 2000 году в среднем имели лишь 14,7 тыс. долл./чел., но к 2008 году этот показатель вырос до 21,7 тыс. долл./чел., или с 41,6% до 55,2% от среднего показателя ЕС-15, что было значительным успехом для Кипра, Словении, Чехии и прибалтийских стран.

Ряд государств в 2016 году оказались с более низким душевым ВВП ППС, чем в 2008 году, включая не только Грецию, но и Италию и Испанию. В результате за восемь лет средневзвешенный душевой ВВП по ППС ЕС-15 вырос лишь с 39,3 до 39,5 тыс. долл./чел. Эта ситуация во многом объясняет обеспокоенность европейских элит по внутренним вопросам развития, остроту проблем в сфере финансов, долгов и решения кризиса южных стран. Ожидаемый выход Великобритании из ЕС нужно также рассматривать на фоне данной общей картины [1].

Усиление недовольств внутри ЕС, социальных и политических конфликтов станет причиной значительного ослабления ЕС в мировом масштабе. Обострившиеся военно-политические конфликты в Восточных странах и в Восточной Европе являются подтверждением общемировой политической нестабильности. Прогнозирование на основе циклов Китчина показывает, что к 2020 году ожидается формирование нового кластера базисных инноваций, который станет фактором перехода в новую повышательную волну Кондратьева [5].

Что ждет мировое общество в ближайшие десятилетия?

Исходя из общих представлений о современных достижениях науки по аналогии с предыдущими промышленными революциями и сменами технологических укладов, следующая сфера, в которой формируется кластер базисных инноваций, — сфера медицины, биотехнологий и геномной инженерии. Основными направлениями развития данной сферы является расширение возможностей человеческого организма, выращивание отдельных частей человеческого организма, инновационные способы оперативного вмешательства. С помощью данных достижений будет решена проблема продления человеческой жизни и значительное улучшение ее качества. Еще одним подтверждением наметившихся прорывных инноваций именно в области медицины является демографический кризис, который наблюдается в Европе и России на протяжении последних десятилетий.

Динамика численности населения по наиболее густонаселенным странам Европы представлена на *рис. 2*. Анализ показал, что в Германии в 2011–2012 годах наблюдалось сокращение населения, однако в последующие годы ситуация изменилась в сторону увеличения за счет прибывающих мигрантов из охваченных войной азиатских стран, аналогичная картина наблюдается в Испании. В Украине социально-экономические и политические условия привели к колоссальному снижению численности населения, и в перспективе ситуация не меняется. Сравнивая страны Европы и Российскую Федерацию, стоит отметить, что демографический кризис охватил всю Европу, и решение данной проблемы стоит на повестке дня многих правительств развитых стран.

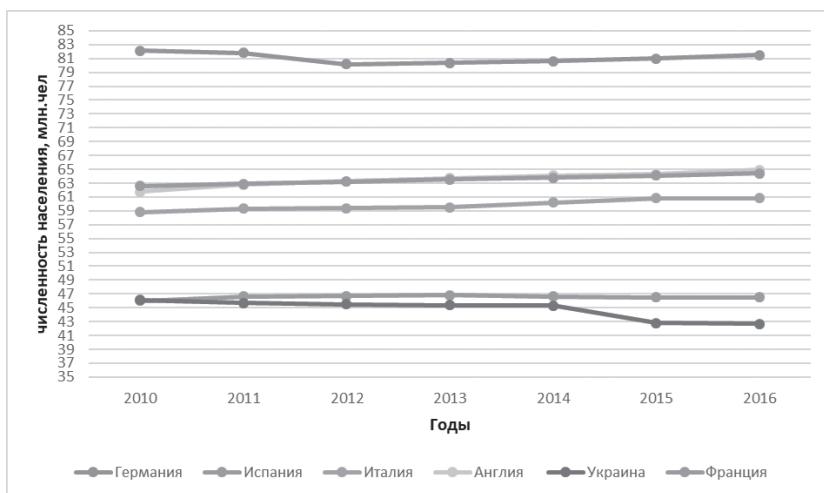

Рис. 2. Динамика численности населения по наиболее густонаселенным странам Европы за 2010–2016 годы [5]

По прогнозам ООН, суммарный коэффициент рождаемости в развитых странах в 2020 году будет находиться на уровне 1,75–1 новорожденных в расчете на 1 женщину фертильного возраста (для простого воспроизводства населения без прироста численности необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,11–2,15), исключением являются Индия, Китай, страны Африки и Латинской Америки. В перспективе к 2050 году данный показатель снизится абсолютно по всем странам мира, что будет сопровождаться ростом численности лиц пенсионного возраста, когда она удвоится на фоне тотального сокращения численности лиц трудоспособного возраста.

Анализ прогнозных картограмм показывает, что демографический кризис, охвативший на данный момент Европу, Россию и США, постепенно перейдет в Азию – в частности, в Индию и Китай, где на данный момент приняты серьезные правительственные меры по контролю рождаемости, которые приведут к значительному ее снижению.

В связи с этим основными правительственными проблемами в ближайшие 50 лет станут проблемы здравоохранения и улучшения качества предоставляемых медицинских услуг, что приведет к росту спроса на инновационные технологии в данной сфере.

Демографический кризис является причиной снижения качества жизни и нарастания угрозы демократии, поскольку основной электорат будет состоять из стариков (геронтократия), что неизбежно приведет к конфликту поколений. В экономике развитых государств на фоне снижения трудового потенциала постепенно исчерпаются возможности экономического роста, что станет причиной поиска новых способов его обеспечения. Как отмечалось выше, наступление повышательной волны шестого технологического уклада является продолжением развития компьютерных технологий пятого уклада (единой технико-экономической модели). Следующей ступенью развития компьютерных технологий будет создание и внедрение саморегулирующего искусственного интеллекта, способного покрыть дефицит рабочей силы в особенности в сфере услуг. Проблема обеспечения пенсионных выплат станет причиной реформирования мировой финансовой системы, что приведет к изменению структуры экономической системы в целом.

Таким образом, глобальное старение станет катализатором разработки и внедрения инноваций. Однако, несмотря на это, возникает множество психологических проблем – снижение стремления человечества к развитию, преобладание консервативных взглядов на экономическую политику государства и политический курс, снижение инвестиционной активности, создание новых проектов. Поскольку у пожилых людей отсутствует стремление к улучшению материального положения, успеху и карьерному росту, это в долгосрочной перспективе приведет к деградации человечества.

Источники

1. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Неравномерность развития стран в 2000-х годах. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15555.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

2. *Дадашова Т.А.* Демографическая безопасность как основа инновационного развития экономики / Т.А. Дадашова // Формирование социально-экономических систем территорий России в контексте трансформации международных отношений: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Института экономики НИУ «БелГУ». Белгород: ИД «Белгород», НИУ «БелГУ», 2017. С. 95–99.

3. *Дадашова Т.А.* Прогнозирование мирового развития на основе теории длинных волн Н.Д Кондратьева / Т.А. Дадашова // Статистика

в современном мире: методы, модели, инструменты: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции 19 апреля 2018 года / РГЕЭУ (РИНХ). Ростов-на-Дону, 2018. С. 37–42.

4. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды // Н.Д. Кондратьев, Ю.В. Яковец, Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 2002. 764 с.

5. Официальный сайт ФСГС. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 14.04.2018).

6. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/esa/population> (дата обращения: 15.04.2018).

7. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) // Й.Шумпетер. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

8. *Forrester J.W.* Economic Conditions Ahead: Understanding the Kondratieff Wave // J.W. Forrester, Futurist 19(3). 1985. P. 16–20.

9. *Hirooka M.* Innovation Dynamism and Economic Growth. A Non-linear Perspective // M. Hirooka, Cheltenham: EdwardElgar. 2006. 426 p.

Международное усыновление детей-сирот: pro et contra

Abstract

In this paper problems and prospects of international adoption of orphans in the aspect of globalization are outlined. The historical retrospective and political context of the current situation are shown. International adoption is considered as a potential form of life, reflecting the inalienable right of orphans to live and be brought up in the family.

*Когда падает самолет, никто даже и не думает
закрывать авиалинии... Случаем, когда из-за наличия
проблем, предлагается свернуть целое направление
деятельности, является международное усыновление.*

Элизабет Бартвотель,
руководитель Программы по защите детей
при Юридической школе Гарварда

К постановке проблемы

Процессы глобализации обозначили актуальные возможности развития социума и государства, продемонстрировали пути трансформации сложившихся социально-политических систем, где признается ценность человека как основного ресурса цивилизации. В современных работах, посвященных исследованию новых веяний глобализации, отдельно выделяются ее социогуманитарные производные, с которыми человечеству практически не приходилось сталкиваться в предшествующем историческом опыте. Одним из таких подвидов выступает институт международного усыновления [15].

Международное усыновление — часть государственной семейной политики Российской Федерации; особая форма жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при которой дети передаются на усыновление гражданам другого государства. Это относительно новый социальный феномен, который при изучении социальной политики рассматривается в контексте издержек

¹ Мелкая Лия – магистр социальной работы в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова. lia.melkaya@yandex.ru

и преимуществ неолиберальной глобализации [5]. Институт международного усыновления развивается зачастую в тесной связи с обо-стрением политических, экономических и социальных связей между странами-отправителями и принимающей стороной; с политическими проблемами, связанными с пост- и неокOLONИализмом, вербализирует разногласия, акцентированные половой принадлежностью, гендером, расой, и затрагивает вопросы этнической самобытности, национальной и религиозной принадлежности.

В социальной политике современное международное усыновление целесообразно определить как одностороннюю миграцию детей [19], поскольку зачастую возраст усыновляемых составляет 10–12 лет, по факту они не являются добровольными мигрантами. В то же время, обращаясь к небольшой исторической ретроспективе исследуемой нами проблематики, уже можно проследить, что международное усыновление на всех этапах подспудно преследовало выполнение особо значимой социально-политической миссии — преодоление устойчивых стереотипов в отношении «чужих».

Настоящая научно-исследовательская работа имеет целью провести общий анализ института международного усыновления, раскрыть особенности и проблемы развития указанного феномена в данный момент времени. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена потребностью социально-философского осмысления международного усыновления как средства обеспечения защиты интересов ребенка с помощью привлечения ресурсов другого государства.

Следует указать, что комплексных научных исследований проблемы международного усыновления нами не выявлено. В русле обозначенной тематики можно отметить некоторые работы, посвященные вопросам правового регулирования международного усыновления (О.Ю. Ситкова, А.О. Катионова и др.), нормативно-институциональным аспектам государственной политики России в указанной области (Ю.В. Попова, А.Ю. Казанцева и др.), истории обозначенного феномена (Е.Б. Ходырева, Е.А. Татаринцева и др.). Однако в данных работах институт международного усыновления рассматривается фрагментарно; современное состояние его развития не подвержено системному социально-философскому и политическому осмыслению.

Историческая ретроспектива

Институт усыновления представляет собой древнейшую, традиционную форму замещающей семейной заботы о детях-сиротах,

которая имела место еще во времена Римской империи. Если говорить о международном усыновлении, то его начало отмечено отправкой детей, которые ненадлежащим образом воспитывались родителями или от которых отказались, из Великобритании и Ирландии в Канаду, Соединенные Штаты Америки, Австралию. Точкой построения системы иностранного усыновления послужили социально-экономические и политические последствия Второй мировой войны.

Дальнейшие периоды развития указанной практики ознаменованы трансформацией мотивации усыновителей — от чисто гуманитарной (альтруистическое желание помочь обездоленным в результате войны детям-сиротам) до сугубо индивидуалистической (желание создать собственную полноценную семью, что сегодня связано в большинстве случаев с отсутствием своих детей у одиноко проживающих граждан, бесплодных или гомосексуальных семейных пар) [14]. Крупнейшими источниками международного усыновления выступали на протяжении длительного периода Россия и Китай, особенно в 2004–2005 гг. Также стоит отметить такие страны, как Камбоджа, Гаити, Гватемала, Казахстан, Украина, Болгария.

С целью демонстрации значимости рассматриваемого феномена обратимся к российским реалиям, поскольку наше государство является, по мнению исследователей, неотъемлемой частью глобального института международного усыновления [14]. Современный период становления института международного усыновления характеризуется потребностью и спросом как движущими силами его развития, Россия до сих пор выступает донором, страной-отправителем детей-сирот, или, в другой трактовке, «государством происхождения».

Проблема международного усыновления для России актуальна и в контексте холодной войны: страна остается в центре геополитической бури. Интерес к иностранному усыновлению возник и активно развивается в связи с распадом СССР, падением так называемого железного занавеса, построением новых, рыночных отношений. Негативные социально-экономические последствия реформ 90-х годов, обнищание большинства россиян отразилось на наиболее незащищенных слоях населения, в первую очередь — детях, что при кризисе института семьи, ослаблении семейных связей, снижении родительской ответственности было сопряжено с неминуемым ростом числа детей, оставшихся без попечения родителей, и увеличением масштабов социального сиротства. Так, особый интерес к детям из России стали проявлять США, поскольку Румыния (основной «поставщик»

сирот) официально ввела запрет на международное усыновление. Пиковыми годами международных усыновлений стали 2003-й и 2004-й, когда иностранное жизнеустройство сирот превышало национальное, внутрисоциальное.

Сегодня высокий интерес к российским сиротам потенциальных замещающих родителей из зарубежных стран объясняется более простой процедурой усыновления в сравнении с правовой системой, сложившейся в их государствах. Благодаря институту международного усыновления шанс стать родителями приобрели представители социально уязвимых групп, особенно из числа одиноко проживающих граждан и лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Стоит отметить, что не на последнем месте в спектре соображений, по которым иностранные граждане хотят взять ребенка, стоят нравственные установки и милосердие, желание оказать сироте посильную помощь и поддержку. Однако государственная семейная политика России строится по траектории постепенного ограничения и запрета международного усыновления. Причиной этому послужили случаи жестокого обращения с российскими детьми, что поставило вопрос в антагонистичном ключе: за или против иностранного усыновления.

Международное усыновление: быть или не быть?

На сегодняшний день вопросы международного усыновления в России являются предметом постоянных политических коллизий и неугасающих социальных дискуссий. Общество сфокусировано на негативных примерах международного усыновления, а усыновление российских детей иностранными гражданами позиционируется в научных работах и средствах массовой информации только в ранге проблемы. Имеют место факты жестокого обращения с российскими детьми, их убийства приемными родителями.

Социуму навеяны негативные стереотипы вследствие приведения конкретных ужасающих историй и принятия специального «закона Димы Яковлева». Случай с ребенком из России, который погиб в результате перегрева на солнцепеке в машине, где его «забыл» отец — Майкл Хариссон, перевернул представление общества об усыновлении детей иностранными гражданами. Громкими были также история Дэниэла Суини, сбежавшего от родителей из-за побоев и издевательств, и дело 2007 года, когда женщина из штата Теннесси отправила усыновленного ребенка обратно в Москву на самолете с запиской, что она «больше не желает быть родителем этого мальчика».

В «подтверждение» отрицательных аспектов международного усыновления постоянно приводятся факты статистики, доводы подкрепляются мнениями экспертов и представителей средств массовой информации о том, что российские детские дома — некая развитая коррупционная сеть, а должностные лица органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних — представители «мафиозного сообщества» [11], активные участники «торговли сиротами», готовые за ту или иную сумму пойти на подлог документов и даже преступление. Однако обратимся к российским реалиям. Только за пятилетие по вине опекунов, попечителей, усыновителей погибло 10 детей; 160 случаев семейного устройства было отменено по причине жестокого обращения с приемными детьми [13]. И это только информация более чем десятилетней давности...

Указанный Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» — Закон памяти Димы Яковлева — нивелирует обязанности России как участника международных правоотношений, поскольку нарушает ряд положений нормативно-правовых актов, определяющих позитивный вектор глобализационных процессов. По сути, он наглядно демонстрирует дискриминацию потенциальных усыновителей из США по принципу гражданства [21], распространяя негативные стереотипы на американцев и других иностранных граждан, четко определяя канву «мы» и «они», «свои» и «чужие». В то же время, согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускается дискриминация по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам (ст. 14). Всеобщая декларация прав человека также утверждает, что не должно производиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны, к которой человек принадлежит (ст. 2). Вышеотмеченный закон был принят на эмоциональной волне, но в политическом контексте он выступил ответным шагом на американский «Закон Магнитского».

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы задала вектор международного усыновления, ее главная цель — определение основных направлений и задач государственной политики в интересах детей и ключевых механизмов ее реализации, базирующихся на общепризнанных принципах и нормах международного

права [3]. При ограничении потенциала международного усыновления нарушаются гарантии для ребенка-сироты на неотъемлемое право жить и воспитываться в семье, вытекающем из Конвенции о правах ребенка [1], поскольку иностранные родители зачастую способны обеспечить ребенка всем необходимым, а в некоторых случаях даже спасти ему жизнь [12]. В соответствии с указанным документом международное усыновление может применяться, когда «ребенок не может быть передан на воспитание или помещен в семью, которая могла бы обеспечить его воспитание или усыновление, и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным» [1]. Особенно вопрос усыновления иностранными гражданами актуален для жизнеустройства детей с психофизическими отклонениями в развитии и ограниченными возможностями, которым зачастую не находят приемных родителей в России, а специализированные интернаты не могут обеспечить полноценное психофизиологическое и социально-личностное развитие сироты, осуществить комплексную реабилитацию ребенка с той или иной инвалидизирующей патологией. Международное усыновление актуально, поскольку замещающие семьи усыновляют детей старше десятилетнего возраста, детей с цыганской национальностью, которым не находится приемных родителей в России.

По данным статистики, около 11% российских детей передаются ежегодно на воспитание в зарубежные страны [16]. Большинство российских детей-сирот усыновляются гражданами Италии (более 46%), Испании и Франции [8]. До 2012 года, до принятия отмеченного Федерального закона, лидером в усыновлении выступали Соединенные Штаты Америки. Также имеется большая часть иностранцев, желающих принять сироту на воспитание в свою семью, которые являются русскими по происхождению либо имеют двойное гражданство. Российское законодательство допускает усыновление детей-сирот иностранными гражданами, если не предоставляется возможным передать детей на воспитание в семьи россиян.

В русле указанных политических событий Президент РФ Владимир Путин не раз озвучивал, что абсолютное большинство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должны обрести семьи в России, а практика зарубежного усыновления должна остаться редким, вынужденным исключением. По нашему мнению, не стоит входить в подобные крайности, присущие российскому менталитету, и ставить крест на всей системе международного усыновления. В контексте позитивных социогуманитарных последствий

глобализации не следует концентрироваться на детоцентризме и рассматривать усыновление российских детей с позиций «можно» или «нельзя», делая их жертвой правового нигилизма чиновников и в целом курса внешней политики России. Следует акцентировать потенциал международного усыновления в более широкой перспективе.

Безусловно, в первую очередь необходимо рассмотреть возможность возвращения ребенка в кровную, биологическую семью, и лишь потом обратить внимание на потенциальные замещающие семьи — как российские, так и иностранные. Каждый случай сиротства индивидуален, его составляющие обусловлены всей предшествующей семейной и социальной историей ребенка. Если для сироты не нашлось усыновителей в России, стоит обратить внимание на иностранные семьи, которые могут обеспечить ему достойное существование, что, собственно, и отражено в Гаагской конвенции о сотрудничестве в отношении иностранного усыновления [2]. Этот документ, кстати, по неизвестным причинам до сих пор не ратифицирован нашей страной.

Конечно, практика международного усыновления в том виде, как она реализуется сегодня — без должной степени подготовки замещающих родителей и обеспечения системы необходимого контроля над дальнейшим жизнеустройством и сопровождением ребенка, — крайне нецелесообразна. Вопрос стоит лишь в выработке наиболее конструктивных и прагматичных подходов к политике и практике международного усыновления, чтобы они отражали наилучшим образом права, гарантии и интересы российских сирот за рубежом. Крайне важно уделить внимание такому вопросу, как соотношение ценностей и культур принимающей стороны и стороны-отправителя, чтобы не допустить формирования однобоких ментальных ценностей.

Институт международного права зиждется на балансе двух чаш весов. С одной стороны, это определенный политический инструмент, позволяющий выстраивать взаимоотношения с государствами. Яркий пример этому — запрет на усыновление российских детей американскими семьями в ответ на санкции США. С другой стороны, международное усыновление всегда связано со значительными финансовыми потоками и вливаниями в «государства происхождения». Когда большое количество денег поступает в развивающиеся страны со слабыми правительствами (куда можно отнести Россию), это приводит к воспроизведению системных проблем [22]. Имеет риск появления целых секторов экономики, завязанных на функционировании агентств по усыновлению, готовых устроить детей на воспитание в зарубежные семьи.

Сегодня проблемы международного усыновления имеют место вследствие того, что унифицированный режим международного усыновления остается несформированным, механизмы защиты прав детей за границей не выработаны. Три шага, по нашему мнению, должны способствовать развитию института международного усыновления, независимо от того, говорим мы о «государстве происхождения» или «принимающем государстве». Во-первых, необходимо принятие отдельного Федерального закона, четко регламентирующего вопросы международного усыновления. Во-вторых, согласование вопросов должно осуществляться в рамках диалога межправительственных и неправительственных организаций. В-третьих, необходимо совершенствование системы иностранного усыновления в аспекте заключения двусторонних международных договоров.

Следует ставить акцент не на запрете усыновления российских детей иностранцами как таковым, а на должную подготовку замещающих приемных родителей. Постепенно отказываясь от международного усыновления, мы «прячем голову в песок» и отказываемся и от огромного позитивного потенциала, который несет в себе эта глобальная (востребованная!) практика и который заключается в преодолении устоявшихся социальных, гендерных, расовых, этнических стереотипов. Причем мы не уходим от девальвации значения семьи и семейных ценностей и не решаем проблемы сиротства. Принимая в семью ребенка другой, «чужой» культуры, замещающая семья становится для сироты транслятором родной культуры. В связи с этим важно обеспечить полноценную адаптацию российского ребенка в чужой для него стране, другом гражданском пространстве, где незнание языка и обычаев может стать препятствием для развития и нормальной жизни [6].

Вместо заключения

Международное усыновление – особый институт семейного права, это область, лежащая на периферии проблем правового, политического, национально-этнического, морально-этического и социально-психологического характера. Дети, оставшиеся без родительского попечения, – наиболее уязвимая категория населения [3], находящаяся без столь необходимых семейного тепла и заботы. Семья для ребенка – единственный источник любви, поддержки, преданности; ограничивать и ущемлять право ребенка жить и воспитываться в семье государство не должно ни коим образом. Усыновление представляет своего рода специфический договор, одним из субъектов

которого является государство, санкционирующее данную форму жизнеустройства.

Передавая детей-сирот на усыновление в другие страны, государство приобретает новый виток развития и постепенно стирает создавшиеся социально-культурные, религиозные, этнические границы, что в контексте глобализации выступает весомым социогуманитарным преимуществом. При этом сотрудничество стран-отправителей и стран-получателей приобретает более конструктивные координаты и векторы развития, политические отношения между государствами расширяются и становятся более доверительными и разноплановыми. Но это первый аспект. Необходимо учесть и то, что, решая тактическую задачу — обеспечение ребенка семейным воспитанием с привлечением ресурсов иностранного государства, Россия вырабатывает на основе договоров определенную стратегию, нарушающую, по мнению некоторых исследователей, демографический баланс и не служащую укреплению государственной безопасности [7]. Позитивным сдвигом развития института международного усыновления в русле обозначенной нами темы — преодоления стереотипов — может служить обозначение России не как страны-отправителя, «донора» детей, а как принимающей стороны.

Быть или не быть международному усыновлению: *pro et contra*? Взвешенное решение должно определяться не мнениями отдельных лиц, социальных групп, политических партий, а отражаться в документе, который закрепляет официальную позицию ООН. В век глобализации, гуманитаризации общества не должно возникать такого вопроса: международное усыновление — востребованная и жизнеспособная форма устройства детей, оставшихся без родительского попечения. Ребенок, которому не нашлось потенциальной приемной семьи в России, однозначно может быть передан на международное усыновление: это его неотъемлемое право, закрепленное на уровне Конвенций и национального законодательства.

Огромное значение имеет характер и содержание «внутренней» государственной семейной политики. Необходимо поддерживать семьи — кровные, приемные, семьи опекунов и попечителей, фостерные, гостевые, временные... Следует придать политическим стратегиям комплексный семейно-ориентированный вектор, оставить каждой семье шанс на восстановление, провести работу по улучшению жизни российских семей — тогда и лишние мнения относительно проблем, связанных с международным усыновлением, отпадут сами собой.

Источники

1. Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989; ратифицирована СССР 15.09.1990). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 16.04.2018).
2. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (Заключена в Гааге 29.05.1993; подписана Россией 07.09.2000 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902311> (дата обращения: 16.04.2018).
3. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (дата обращения: 15.04.2018).
4. Выступление Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К.К. Долгова на симпозиуме высокого уровня на тему «Национальное и международное усыновление», Монте-Карло, 23.11.2015. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902311> (дата обращения: 15.04.2018).
5. *Диккенс Д.* Подходы к социальной политике в области иностранного усыновления // SPERO. 2013. № 2. С. 93–106.
6. *Зарубина Н.П., Заозерская Д.В.* Правовые вопросы международного усыновления // Ученые записки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4. С. 896–902.
7. *Катионова А.О., Катионова О.Н.* Международное усыновление как философско-правовое явление. 2011. Т. 38. № 5. С. 197–202.
8. *Кузнецова О.В.* Проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (278). Серия «Право». Вып. 44. С. 119–124.
9. *Москвичева А.В.* Проблемы и коллизии при международном усыновлении российских детей // Электронный журнал научных публикаций студентов и молодых ученых. 2017. № 28. URL: <http://ego.uara.ru/en/issue/2017/01/12/> (дата обращения: 13.03.2018).
10. *Попова Ю.В., Казанцева А.Ю.* Сущность и нормативно-институциональные основы государственной политики РФ в области международного усыновления // Вестник Омского университета. Политология. 2013. № 1. С. 196–199.
11. Результаты опроса общественного мнения, проведенного среди многодетных семей // Россия православная. URL: <http://orthodoxy.ru/node/1457> (дата обращения: 12.03.2018).

12. *Семенов А.В.* Проблемы международного усыновления в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 104–122.
13. Случаи жестокого обращения с приемными детьми в России. Справка. URL: <https://ria.ru/incidents/20090330/166430179.html> (дата обращения: 12.03.2018).
14. *Татаринцева Е.А.* Современная периодизация процесса международного усыновления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): в 2 ч. Ч. 1. С. 168–177.
15. *Толстокорова А.* Социогуманитарные производные глобализации // Социологическое обозрение. 2014. Т. 2. № 3. С. 64–88.
16. Усыновление в России // Информационно-консультационный портал Министерства образования и науки РФ. URL: http://www.usynovite.ru/adoption_ru/ (дата обращения: 11.04.2018).
17. Усыновление как политический вопрос. URL: <http://www.inosmi.info/usynovlenie-kak-politicheskiy-vopros.html> (дата обращения: 13.04.2018).
18. *Хайретдинова Я.У.* Усыновление (удочерение) российских детей иностранными гражданами: проблемы, перспективы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2271–2275.
19. *Ходырева Е.Б.* Развитие института усыновления в России и за рубежом // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. № 4 (32). С. 105–112.
20. *Шангареев А.Т.* О международном усыновлении в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2013. С. 37–40.
21. *Штыков Д.В.* К вопросу о соотношении запрета на усыновление российских детей гражданами США с действующим российским законодательством и нормами международного права // Вестник ТВГУ. Серия «Право». 2014. № 2. С. 375–382.
22. International adoption: Saving orphans or child trafficking? // CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2013/09/16/world/international-adoption-saving-orphans-child-trafficking> (дата обращения: 11.04.2018).

Инклюзивное образование: дорога в будущее

Abstract

In this article, with a qualitative method of sociological research, problems associated with the introduction of inclusive practices in the educational system of higher education have been analyzed. Barriers to the process of introducing this type of education are considered. It was concluded, that the process of introducing an inclusive education should be accompanied by information and professional training, and an analysis of the interview showed that most students positively assess the prospects for inclusive education.

Одна из основополагающих проблем, стоящих перед мировым сообществом, — проблема реализации права на образование для всех. Концепция инклюзивного образования является приоритетным направлением усовершенствования системы образования, так как в настоящее время требуется развитие сети образовательных учреждений для людей с ограниченными возможностями здоровья. Это обуславливает повышение качества образования, так как в обществе, с его дифференцированной структурой есть проблема доступности образования для лиц различных категорий, среди которых важное место занимают дети-инвалиды [6]. Данная проблема усиливается низкой культурой их социального восприятия в обществе, отрицательной оценкой их роли в социуме и трудового вклада, а также их дальнейшей профессиональной деятельности. Это позволяет сделать вывод о несовершенстве системы образования в указанной сфере [2]. По статистическим данным Министерства образования и науки РФ, в вузах России численность студентов с ограниченными возможностями здоровья выросла с 2014 года почти на 30% и на 2017 год составляет около 24 тыс. [3]. Стоит отметить, что в странах, где практикуется инклюзивное образование инвалидов вместе со здоровыми учащимися в массовых образовательных учреждениях, — лучшие результаты подготовки детей к последующей жизни и их интеграции в общество [4].

¹ Ивашкина Анастасия – студентка Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, Волгоград. ivashkina.anastasia@mail.ru

Теоретическое определение инклюзии восходит к теории Т. Парсонса. Инклюзия оказывается необходимой для координации функций меняющейся системы. Если ранее исключенные группы смогут сформировать легитимизированную способность «вносить вклад» в функционирование общества, их включают в общую систему со статусом полного членства. То есть дифференциация приводит к такому положению, когда необходимость интеграции отделившихся объектов упорно требует включения ранее исключенных компонентов. При этом Т. Парсонс указывает на возможность сопровождения подобной процесса конфликтами в силу приверженности отдельных элементов определенным вариантам ценностных идеалов [8].

Одной из первенствующих задач образовательной системы Российской Федерации должно стать обеспечение условий для развития личности каждого человека в связи с его физическими и психическими особенностями и способностями [9]. Стремление к инклюзии в образовании – процесс, требующий серьезных усилий. Внедрение инклюзии в образовательную систему актуализирует проблему обучения людей с ограниченными возможностями здоровья совместно с людьми без таких ограничений. Необходимо отметить, что опасения многих студентов и родителей по поводу широкого внедрения инклюзивного образования также естественны, как и опасения относительно любого нововведения, характер и результат которого участникам процесса неизвестны или известны плохо [6]. Обеспечение действенной системы инклюзивного образования не представляется возможным без учета мнения населения, в частности студентов, готовности студентов к естественному принятию человека с ограниченными возможностями здоровья в образовательной среде.

Тема «Возможности внедрения инклюзивного образования в высшей школе» изучалась нами с помощью качественного метода социологии (глубинное интервью): опрошено 15 студентов города Волгограда, а также в ходе исследования использовалась статистическая информация Министерства образования и науки РФ. Целью социологического исследования являлось выявление проблем, связанных с внедрением инклюзивного образования в высшей школе. В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи, решение которых требовалось для достижения обозначенной цели:

1. Определить степень информированности студентов о понятии «инклюзивное образование».
2. Проанализировать качество информированности студентов об инклюзивном образовании.

3. Выявить степень информированности об опыте внедрения инклюзивного образования.

4. Проанализировать отношение студентов к инклюзивному образованию в высшей школе.

5. Выявить факторы, мешающие внедрению инклюзивного образования, с точки зрения студентов.

Проанализировав полученную информацию, мы можем представить следующие результаты. В качестве первого пункта нашего исследования был задан вопрос об информированности студентов о понятии «инклюзивное образование». Отметим, что развитие верных представлений об инклюзивном образовании у каждого из участников образовательного процесса — одна из важнейших задач управления процессом внедрения инклюзивного образования в вузах. В ходе исследования выяснилось, что большинство опрошенных имеют поверхностные представления о совместном обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц без таких ограничений. При этом подавляющее число респондентов не осведомлено о самом понятии «инклюзивное образование». Многие респонденты задавали вопросы для разъяснения данного термина. «Я не сталкивалась с этим понятием раньше, я просто слышала об этом на основании своих общих знаний об обыденной жизни», — поясняет респондент (девушка, 20 лет).

Важной задачей исследования было выявление уровня информированности респондентов об опыте внедрения инклюзивного образования. Исследование показало, что у опрошенных — низкий уровень осведомленности об опыте внедрения инклюзивного образования в высшей школе. «Для России, я думаю, это новое явление, то есть я с ним в живую не сталкивался, никогда ранее не слышал, до того, как вы мне об этом рассказали», — поясняет респондент (юноша, 21 год).

Для выявления качества информированности респондентов в процессе проведения интервью было необходимо уточнить источники получения информации о данном социальном явлении. Был задан вопрос об источниках получения информации об образовательной инклюзии. Результат интервью показал, что основными источниками информации у студентов являются средства массовой информации, то есть такие источники, как специальная литература, профессиональные коммуникации, конференции, семинары, упомянуты не были. Также выделилась значительная доля респондентов, которые никакой информацией по данной проблеме не обладают. «Я просто

слышала об этом на основании своих общих знаний об обыденной жизни. Слышала, где-то по телевизору говорили, что-то подобное, о принятии каких-то законопроектов или просто о школах, где обучаются инвалиды», — поясняет респондент (девушка, 20 лет).

В ходе интервью был задан вопрос о знании зарубежного опыта внедрения инклюзивного образования. Все опрошенные респонденты оказались не проинформированными о данной практике за рубежом. «Я вам сразу отвечу радикально — ничего не знаю. Я слышал пару раз, но я не знал, как это называется. Про зарубежный опыт мне ничего не известно», — утверждает студент (юноша, 21 год).

Важным аспектом изучения возможностей внедрения инклюзивного образования является исследование установок участников процесса, их отношение к данной проблеме. Исследование показало, что большинство опрошенных положительно относятся к инклюзивному образованию и к его непосредственному внедрению в высшую школу. «Хорошо отношусь. Общество у нас, люди у нас в обществе очень разные. Инвалидов у нас много, их немало и сейчас у нас рост разных заболеваний, то есть и инвалидов, я считаю, <...> людей с ограниченными возможностями нужно выводить в общество, они должны что-то делать, они не должны сидеть дома, не только ради других они должны что-то делать, банально для себя, потому что человек, когда интегрирован в общество, он живет по-другому, он намного лучше себя чувствует, не огражденным от мира...» (девушка, 21 год).

Рассматривая возможности обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья вместе со студентами, не имеющими таких нарушений, респонденты отметили необходимость подобного совместного обучения. «Я думаю, что лучше, когда инвалиды вовлечены в общение с другими; когда ты среди обычных людей учишься, то ты и чувствуешь себя как-то пободрее. В общем, мне кажется, лучше, когда инвалиды вовлечены» (юноша, 19 лет).

Подчеркнем, что необходимо учитывать психологическую неподготовленность части социума принимать инвалидов в качестве равноправных членов общества. Проведенное исследование показывает, что респонденты также указывают на значение фактора, связанного с неготовностью ряда людей быть толерантными по отношению к инвалидам. «Конечно, как ни крути, мы все люди, и, как ни старайся не замечать какие-то особенности, мы, к сожалению, замечаем, так мы устроены, нам комфортнее общаться с людьми, похожими на нас», — поясняет студентка (девушка, 19 лет).

Одной из задач нашего исследования было выявление барьеров, которые, по мнению студентов, препятствуют внедрению образовательной инклюзии. Анализ результатов интервью позволил выделить следующие основные, по утверждению студентов, группы барьеров: архитектурные, финансовые, социально-психологические, кадровые.

Неприспособленность архитектуры — одна из самых острых проблем, которая ограничивает доступ инвалидов к получению профессионального образования. Значимость барьеров архитектурной составляющей (отсутствие пандусов и лифтов дома, в учебных зданиях, дороги в учебное здание и т. д.) выходит на первый план, она определяет физическую недоступность окружающей среды для человека с ограниченными возможностями здоровья. «Если бы были пандусы, возможности по-нормальному добираться и функционировать, все было бы намного проще, и тогда не стояла бы проблема», — рассказывает студент (юноша, 19 лет).

Социально-психологические барьеры можно наблюдать как непосредственно в организации высшего образования, так и в студенческом сообществе. Здесь речь идет о характере отношений, которые складываются у студента с ограниченными возможностями здоровья с преподавателями, другими студентами, руководителями и т. д. [8]. Появляется необходимость обеспечения психологической доступности среды, то есть создания общего позитивного настроения, дружественной атмосферы для студентов-инвалидов. «Это может вызвать бурю у некоторых родителей, у некоторых людей, то есть существует же у нас вот это темное Средневековье, когда сторонятся людей отличающихся, боятся особенно каких-нибудь, ну опять же, если мы говорим о высшем образовании, ну бывают люди не принимают. И может возникнуть ситуация непринятия, и тогда этот человек еще более травмируется психологически, чем было ранее, то есть может возникнуть ситуация просто-напросто обратная, вот это минус» (девушка, 21 год).

Как и на всех остальных ступенях образовательной инклюзии, в высшей школе основным препятствием является отсутствие педагогов, способных обучать различным дисциплинам и различным профессиям студентов с целым спектром особых образовательных потребностей [1]. Проблему подготовки и переподготовки педагога, в том числе педагога высшей школы, для работы в условиях инклюзии заслуженно считают важнейшей среди других задач развития образования. «И преподавателей всех нужно предупреждать, должны быть, наверное, специальные курсы, которые готовили бы их к этому» (юноша, 21 год).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что вся образовательная деятельность, связанная со включением лиц с ограниченными возможностями здоровья в учебный процесс в вузе, становится малоэффективной и непродуктивной, если в этом процессе будут участвовать люди, которые недостаточно осведомлены и информированы об инклюзивном образовании. Следовательно, внедрение инклюзии в высшую школу должно сопровождаться соответствующей информационной и профессиональной подготовкой. Анализ результатов исследования показал, что большинство респондентов положительно оценивают перспективы совместного обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья со студентами, не имеющими нарушений в развитии. Важной задачей, по мнению студентов, является преодоление барьеров на пути внедрения инклюзии в высшем образовании: архитектурная и транспортная доступность образовательных учреждений, финансовое обеспечение, социально-психологическая подготовка, психолого-педагогическая переподготовка преподавателей.

Реализация инклюзивного образования является одним из основных условий успешной социализации людей с особыми образовательными потребностями, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных формах профессиональной и социальной деятельности. В образовательном процессе должны быть задействованы все ранее исключенные слои общества – в частности, люди с ограниченными возможностями здоровья, так как этот пласт общества является нереализованным потенциалом нашей страны. В свою очередь, образование должно отвечать современным потребностям, соответствовать современным тенденциям в экономике, политике и других областях.

Источники

1. *Алехина С.В.* Инклюзивное образование и психологическая готовность учителя // Вестник МГППУ. Серия «Педагогика и психология». 2012. № 4. С. 118–127.
2. *Брызгалова С.О.* Инклюзивное образование: международный опыт, современные тенденции / С.О. Брызгалова, Г.Г. Зак. / ред. О.Н. Ертанова, М.М. Гордон. М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2011. С. 41–43.
3. Государственная поддержка детей с ограниченными возможностями здоровья. Опыт России и Франции. URL: <https://минобрнауки.рф/новости/11196> (дата обращения: 20.02.2018).

4. *Жворонков Р.Н.* Технология высшего инклюзивного образования инвалидов, применяемая в Соединенных Штатах Америки. URL: <http://www.vash-psiolog.info/psih/20317-texnologiya-vysshego-inklyuzivnoobrazovaniya-invalidov-primenyaemaya-v-soedinennyx-shtatax-ameriki.html/>.

5. *Задорин И.В., Колесникова Е.Ю., Новикова Е.М.* Инклюзивное образование в Москве: дифференциация информированности участников как фактор-ограничение // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 60–73.

6. Инклюзивная практика в высшей школе: учебно-методическое пособие / А.И. Ахметзянова, Т.В. Артемьева, А.Т. Курбанова, И.А. Нигматуллина, А.А. Твардовская, А.Т. Файзрахманова. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. 224 с.

7. *Михальчи Е.В.* Состояние инклюзивного образования в системе высшего образования в России // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/116-12445>.

8. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 94–122.

9. *Твардовская А.А., Федорова Н.А.* Инклюзивное образование инвалидов: состояние и перспективы развития / Инклюзивное профессиональное образование. Челябинск: Издательство Челябинского университета, 2015. С. 245–250.

Кодекс этики и служебного поведения муниципального служащего: анализ и направления совершенствования

Abstract

The paper is devoted to the issues of governmental regulation of municipal servant' ethical behavior. Empirically, it is based on the content analysis of ethics codes of Russian municipalities (n=115). The study has identified "ethically weak" and "ethically strong" regions, and identified the connection between codes of ethics and the level of ethical problems solving. The conclusion outline the directions for improving the code of ethics in contemporary Russia.

Изучение социальных регуляторов поведения государственных и муниципальных служащих является достаточно развитой областью исследований публичного управления за рубежом [16, 17, 24], в то время как российские ученые в основном ограничиваются общими постулатами значимости морально-этической составляющей государственной службы [8, 9] и редко проводят эмпирические исследования на данную тему. Между тем именно эмпирическая составляющая данной тематики является наиболее интересной и важной для принятия управленческих решений. На сегодняшний день доказано, что моральные нормы оказывают существенное влияние на организацию и результативность деятельности государственных и муниципальных служащих, а значит, и на выполнение целей, поставленных перед органами власти [18, 19]. Следование нравственным нормам государственных и муниципальных служащих способствует информационной открытости, предупреждает конфликты интересов, а также позитивно влияет на развитие демократии, на прогресс в экономической и социальной сферах [24]. Взаимодействие государства

¹ Шабанова Галина – студентка 4-го курса НИУ ВШЭ (СПб) по специальности «Государственное и муниципальное управление» факультета «Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук». shabanova.galina1@gmail.com

и общества, повышение уровня доверия зависит от наличия в составе компетенций управленческих кадров мягких навыков (*softskills*) и их оптимального соотношения с профессиональными (*hardskills*) [30]. Обладание этими навыками зависит в том числе от уровня этики.

Данное исследование сфокусировано на российской практике государственного регулирования этического поведения и рассматривает в качестве конкретного предмета этику муниципальной службы. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что муниципальные служащие имеют постоянный и тесный контакт с населением, а их деятельность связана прежде всего с решением проблем и развитием местного сообщества [23]. Этическая составляющая взаимодействия в этом плане крайне важна [12]. Нормы этики муниципальной службы формируются, отражая накопленные знания и опыт в процессе деятельности, когда госслужащие взаимодействуют друг с другом и гражданами. Фиксация этих норм происходит в специальном нормативном документе, кодексе этики и служебного поведения муниципального служащего.

Существует несколько причин, по которым значимость кодексов этики и актуальность их изучения так выросла за последнее время. Во-первых, определенные аспекты муниципальной службы остаются вне сферы закона, но при этом неформально регулируются моральными нормами [11]. Во-вторых, моральные принципы и ценности муниципальных служащих формируются в условиях развивающегося публичного администрирования или концепции *new public management*, представляющей собой использование новых управленческих механизмов сферы бизнеса в работе государственных и муниципальных служащих [10, 16]. В этом контексте становится важным противодействовать возможным конфликтам интересов среди представителей власти и населения. В-третьих, система этических кодексов трансформируется в целый «этический режим», который является необходимым для нашей страны [10]. Сегодня наблюдается ухудшение этического состояния российской муниципальной и государственной службы, проявлением чего является высокий уровень коррупции, равнодушие государственных и муниципальных служащих к проблемам и ценностям граждан и государства. Совершенствование этической стороны поведения способно в значительной мере преодолеть данные проблемы [13].

Целью настоящей работы является определение и обоснование направлений совершенствования кодекса этики и служебного поведения муниципальных служащих в Российской Федерации. Реализации этой цели подчинены конкретизация задач и структура исследования.

Сначала мы рассмотрим особенности институционализации кодекса этики и служебного поведения муниципальных служащих, а также его основные характеристики; затем представим логику и результаты эмпирического исследования; в заключение сформулируем управленческие рекомендации.

1. Институционализация кодекса этики и служебного поведения муниципального служащего в России

Этика государственной и муниципальной службы является отдельным видом профессиональной этики из-за специфики ее предназначения – института служения обществу, – особого социально-правового статуса государственного и муниципального служащего, объема и содержания их компетенций, а также уровня ответственности за результаты своей профессиональной деятельности [14]. Как систематизированная совокупность этических принципов и норм, в наиболее общей форме выражающих требования общества к нравственной сущности муниципального служащего, этика муниципального служащего отражается в кодексе этики и служебного поведения муниципального служащего.

В конце 2010 года Президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции был принят Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [4]. Кодексу предшествовали другие документы, которые стали его правовой базой. Среди них – «Общие принципы служебного поведения государственных служащих», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 года [2]. Помимо этого, некоторые положения об этике государственных служащих были внесены в Закон о государственной службе от 27 июля 2004 года [3]. В июне 2010 года Министерством социального развития РФ и Российской академией государственной службы при Президенте РФ были проведены общественные слушания по вопросам разработки Кодекса этики и служебного поведения государственных служащих, результатом чего стало принятие этого документа. В 2011 году в органах государственной власти утверждались этические кодексы, образцом которых выступал Типовой кодекс.

Типовой кодекс включает в себя «свод общих принципов этики и основных правил служебного поведения, которыми надлежит руководствоваться государственным и муниципальным служащим РФ, независимо от замещаемой должности» [4]. Нормы этики в нем имеют толкование и тематическую группировку. Цель Кодекса – повысить

эффективность профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих. Помимо основных принципов служебного поведения госслужащих, в Кодексе имеют место требования к антикоррупционному поведению госслужащим, правила обращения со служебной информацией, этика поведения госслужащих, наделенных организационно-распорядительными полномочиями по отношению к другим госслужащим, этика служебного общения, правила о внешнем виде госслужащего, а также предусмотрена ответственность госслужащего за нарушение Кодекса. Типовой кодекс выступает «основой для разработки соответствующими государственными органами и органами местного самоуправления кодексов этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» [4].

В разработке кодекса принимали участие разные органы государственной власти – в частности, это выразилось в предложениях по совершенствованию кодекса Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации в 2014 году (см. приложение 1).

На данный момент Типовой кодекс имеет рекомендательный характер [29]. Однако стоит отметить, что общие принципы, лежащие в его основе, утверждены Указом Президента РФ от 12 августа 2002 года № 885, что делает их выполнение обязательным. Тем не менее, согласно пояснительной записке к законопроекту, «обязанность соблюдать требования Типового кодекса этики в силу рекомендательного характера отдельных его положений не подкреплена применением соответствующих мер юридической ответственности» [26].

Нельзя не отметить тот факт, что исходя из указа Президента РФ, по вертикали государственной власти должны работать комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных и муниципальных служащих, урегулированию конфликтов интересов, созданию кадрового резерва, формированию предложений о наложении взысканий [1]. Однако специального постоянного органа, занимающегося проблемами этики на государственной службе, еще нет. На сегодняшний день наблюдается также отсутствие публично-обязательства каждого госслужащего действовать согласно этическим нормам, равно как и отсутствие системы гражданского контроля над деятельностью госслужащего [31]. В этих условиях возрастает роль кодекса этики и служебного положения муниципальных служащих, которая утверждается законодательным (представительным) органом местного самоуправления или администрацией муниципального образования. Как правило, контроль над исполнением

положений Кодекса оставляют за собой главы муниципальных образований. Ожидается, что повсеместное введение этического кодекса как источника контроля служебной деятельности чиновников станет предпосылкой для самоконтроля муниципальных служащих, итогом чего будет предотвращение моральных конфликтов.

2. Методология

Централизованная инициатива внедрения кодексов этики и служебного поведения муниципальных служащих и ее реализация через формирование Типового кодекса стала основой формирования проблемы данного исследования. Муниципалитеты, как показывает мировая практика, являются источником и основой реализации принципов национально-культурного разнообразия (*diversity*), децентрализации и диверсификации власти [20, 22, 25]. Это означает (или, по крайней мере, должно означать) разнообразие ключевых акцентов местного самоуправления, а также ключевых принципов, которые муниципальные служащие рассматривают как основу своей деятельности. Кодексы этики муниципальных служащих не должны быть одинаковыми хотя бы в силу того, что регионы, в которые входят муниципалитеты, сильно различаются по уровню решения этических проблем. Так, можно условно выделить «этически сильные» регионы и «этически слабые» регионы. К первым можно отнести регионы, в которых не наблюдается проблем в сфере этики или в которых данные проблемы успешно решались; к последним, напротив, можно отнести регионы, где проблемы в сфере этики государственной службы стоят наиболее остро. При этом к этическим проблемам государственной и муниципальной службы традиционно относят бюрократизм [15], коррупцию [6], конфликт интересов [15], карьеризм [7], а также неэтичное поведение (дискриминация и т. д.).

Рассмотренные аспекты проблемы вступают в противоречие с любым «типовым» элементом, регулирующим сферу социального поведения. Исследовательский интерес к специфике ситуации в России был конкретизирован в следующих вопросах.

1. Насколько разнообразны этические кодексы, принятые в муниципалитетах России? Отличаются ли кодексы этики регионов РФ, успешных в решении таких этических проблем, как коррупция и бюрократизм, от кодексов регионов РФ, не успешных в их решении. Ответ на данный вопрос станет ориентиром в выборе направлений совершенствования кодекса и поможет понять, что стоит перенять «этически слабым» регионам от успешных регионов.

2. Есть ли закономерности между кодексами этики и группами рассматриваемых регионов по состоянию этики (см. *табл. 2*)? Если такая закономерность есть, то это подтвердит значимую роль кодекса для состояния этики муниципальной службы в регионе, а также может стать обоснованием для выбранных направлений совершенствования.

3. Есть ли связь между отклонениями кодексов этики от Типового кодекса, и слабостью/успехом региона в области решения этических проблем? Выявление связи подтвердит важность конкретных положений Кодекса для этического состояния региона.

4. Присутствуют ли в кодексах этики положения, имеющиеся/отсутствующие в Типовом кодексе, но позднее представленные излишними/значимыми? Смогли ли муниципальные образования учесть в своих кодексах этики замечания Экспертного совета по Типовому кодексу (см. приложение 1)? К каким регионам («этически сильным» или «этически слабым») принадлежат данные муниципалитеты? Ответы на эти вопросы могут подтвердить значимость замечаний или, наоборот, опровергнуть их важность.

Для ответа на данные вопросы был применен метод компьютерного анализа текста с использованием программы MAXQDA 12 (<http://www.maxqda.com>). Объектами исследования выступали кодексы этики и служебного поведения муниципальных служащих (всего 115 документов, тексты кодексов были взяты на сайтах муниципальных образований). Информация, необходимая для ответа на исследовательские вопросы, была промаркирована с помощью кодов (был закодирован 1061 фрагмент документов с помощью 12 кодов и 43 субкодов).

В ходе данного исследования были проанализированы кодексы этики и служебного поведения муниципальных служащих определенных регионов Российской Федерации. Регионы были выбраны по принципу отличия в области этики: в выборочную совокупность были включены те регионы, которые успешно решают этические проблемы, и те, которые демонстрируют слабость в борьбе с этическими проблемами. В данном исследовании этические проблемы были ограничены коррупцией и бюрократизмом². Все регионы были разделены на четыре группы по три региона в каждой (см. *табл. 1*).

² Информация о состоянии коррупции в регионах была представлена в докладе Генпрокуратуры РФ «Об итогах работы органов прокуратуры в первом полугодии 2016 года и задачах по повышению эффективности прокурорской деятельности во втором полугодии 2016 года». Информация о бюрократизме регионов оказалась доступна в результате исследования «РИА-Аналитика». По таким проблемам, как неэтичное поведение, конфликт интересов, карьеризм, информация по регионам отсутствует, поэтому было принято решение не рассматривать эти проблемы в рамках данного исследования.

Первую и вторую группы составили наиболее и наименее коррумпированные регионы. Третью и четвертую группы составили наиболее и наименее забюрократизированные регионы.

Первую группу муниципальных образований составили наиболее коррумпированные регионы. Согласно докладу Генпрокуратуры РФ «Об итогах работы органов прокуратуры в первом полугодии 2016 года и задачах по повышению эффективности прокурорской деятельности во втором полугодии 2016 года», наиболее высокий уровень коррупции наблюдался в Курской области, Республике Удмуртия и Астраханской области [28]. Таким образом, именно в Курской области чаще всего регистрировались уголовные дела по статьям «Получение взятки», «Дача взятки», «Посредничество во взяточничестве». Вторую группу муниципальных образований составили регионы, где уровень взяточничества, напротив, снизился, и можно с уверенностью сказать об их успехе в решении данной проблемы. Среди них – Камчатский край, Архангельская область и Смоленская область.

Таблица 1

Выборочная совокупность регионов

Признак отличия регионов в области этических проблем	№ группы, названия регионов
Наиболее коррумпированные	I группа: – Курская область
Наиболее успешные в борьбе с коррупцией	II группа: – Камчатский край – Архангельская область – Смоленская область
Наиболее забюрократизированные	III группа: – Чукотский автономный округ – Ненецкий автономный округ – Магаданская область
Наиболее успешные в борьбе с бюрократизмом	IV группа: – Московская область – Свердловская область – Воронежская область

Третью группу муниципальных образований составили регионы с наиболее высоким уровнем бюрократизма. Ими стали Чукотский автономный округ и Ненецкий автономный округ, где процент госслужащих в общей численности населения составил 5%. В Чукотском автономном округе – 323 госслужащих на 10 тыс. граждан, в Ненецком автономном округе – 244 госслужащих на 10 тыс. человек. В данную группу также входит Магаданская область, где процент госслужащих в общей численности занятых в экономике составил более 3%, а число госслужащих на 10 тыс. человек – более 100 [32].

Четвертую группу муниципальных образований составили наименее забюрократизированные регионы. Таковыми, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, где численность госслужащих составила 44 и 50 на 10 тыс. человек, а доля гражданских и муниципальных служащих в общей численности занятых в экономике оказалась менее 1%, стали Московская, Свердловская и Воронежская области [32].

3. Результаты исследования

3.1. Уникальность / разнообразие кодексов

В результате анализа всех кодексов этики муниципальных образований оказалось, что наибольший процент кодексов (64,3%) повторяет положения Типового кодекса. Это означает, что в большинстве документов не отражена специфика каждого региона и его муниципальных образований, отсутствует индивидуальный подход каждого муниципального образования к такой проблемной области муниципальной службы, как этика. Что касается отклонений, одни и те же отличия встречаются в нескольких кодексах сразу: практически нет единично отличающихся кодексов. Это говорит о том, что при составлении кодекса муниципальных образований муниципальные служащие заимствуют положения других кодексов, а не разрабатывают их самостоятельно.

3.2. Связь кодексов с группами регионов

Количество проанализированных кодексов проблемной группы регионов – 57, успешной группы регионов – 58. При практически равном количестве кодексов в результате исследования было установлено, что 46,6% кодексов успешной группы регионов имели отличия от Типового кодекса, в то время как доля отклоняющихся кодексов проблемной группы – 22,8%. Таким образом, кодексы успешных регионов отличаются от проблемных тем, что в них содержится в два раза больше собственных положений, отличных от Типового

кодекса, но согласованных с ним и не противоречащих ему. В большинстве таких документов наблюдается большая структурированность, что делает процесс ознакомления удобным и способствует лучшему пониманию.

В результате анализа данных была выявлена определенная закономерность между кодексами этики и группами рассматриваемых регионов. Коэффициент корреляции Пирсона указал на наличие высокой силы связи («0,9») между общим количеством кодексов этики успешных регионов и числом отклоняющихся кодексов: так, во всех успешных регионах при увеличении общего числа кодексов увеличивается доля оригинальных кодексов (отличных от Типового кодекса). Данный статистический показатель был рассчитан по аналогии и для слабых регионов: коэффициент корреляции здесь указал на наличие средней силы связи («0,6») (см. табл. 2). Данная зависимость является обоснованием для выбора направлений совершенствования кодекса, а также подтверждает значимость роли кодекса для состояния этики в регионе.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции всех кодексов
и отклоняющихся кодексов

№ группы регионов	Количество кодексов	Количество отклоняющихся кодексов	№ группы регионов	Количество кодексов	Количество отклоняющихся кодексов
I	20	2	II	6	5
	19	5		17	7
	9	1		16	11
III	2	2	IV	6	1
	2	1		9	3
	5	2		4	0
R = 0.6			R=0.9		

Стоит отметить наличие закономерности между положением кодекса о конкретной проблемной ситуации и успехом/слабостью регионов в ее решении: в большинстве муниципальных образований регионов, признанных успешными в борьбе с коррупцией, в кодексах уделяется внимание конфликтам интересов и их недопущению. При этом во многих кодексах муниципальных образований наиболее коррумпированных регионов содержатся требования

к антикоррупционному поведению — однако они без какой бы то ни было адаптации просто повторяют положения Типового кодекса.

3.3. Учет замечаний Типового кодекса

В результате поиска положений и пунктов, отвечающих предложениям и замечаниям экспертов, Минтруда РФ и других, таковые были найдены в кодексах некоторых регионов. Так, требования к поведению муниципального служащего во внеслужебной деятельности учтены в кодексах Смоленской области, которая является успешным регионом с точки зрения решения этических проблем, а значит, допускает целесообразность предложенного положения. Некоторые из предложенных основных принципов этики, таких как «непредвзятость», «справедливость», «добросовестность» имеют место в кодексах регионов, успешных в борьбе с коррупцией. В кодексах Архангельской, Смоленской областей, а также Камчатского края содержатся принципы «стремление к социальной справедливости», а также синонимичные предложенным — «честность» и «бескорыстность», что подтверждает нужность этих принципов.

Заключение

Эмпирическое исследование кодексов этики и служебного поведения муниципальных служащих в современной России показало, что успех в решении этических проблем, в частности таких, как коррупция и бюрократизм, связан (положительно коррелирует) с разработкой собственных положений кодекса этики, отличных от Типового кодекса, но не противоречащих ему, — то есть таких положений, которые учитывали бы проблемы и особенности региона и муниципального образования. Данный вывод подтвержден наличием закономерности между успешными регионами и их кодексами: при увеличении числа их кодексов растет число отклоняющихся. Исследование показало, что кодексы успешных регионов в отличие от проблемных имеют в два раза больше собственных положений. При этом данные документы обладают большей структурированностью.

Согласно результатам исследования, большинство кодексов повторяет Типовой кодекс. То есть можно с уверенностью сказать о формальном характере подхода большинства муниципальных образований к разработке и принятию кодекса. Таким образом, не учитывается собственный взгляд муниципальных служащих, составляющих и утверждающих документ. Вследствие этого документ, который призван быть источником этических принципов и способствовать

проявлению лучших качеств муниципальных служащих, теряет возможность быть современным, живым и гибким.

Была также выявлена закономерность между положениями кодекса о конкретной проблемной ситуации и успехом/слабостью регионов в ее решении: в большинстве муниципальных образований регионов, признанных успешными в борьбе с коррупцией, в кодексах уделяется внимание конфликтам интересов и их недопущению. При этом во многих кодексах муниципальных образований наиболее коррумпированных регионов содержатся требования к антикоррупционному поведению — однако они без какой бы то ни было адаптации просто повторяют положения Типового кодекса.

Вместе с тем эмпирическое исследование доказало ценность некоторых предложений по совершенствованию кодекса, которые были представлены в Типовом кодексе. К ним относятся положения об обязанности муниципального служащего соблюдать правила и рекомендации кодекса во внеслужебной деятельности; дополнение основных этических принципов такими принципами, как «непредвзятость», «справедливость», «добросовестность».

Также исследование показало, что принципы и правила, содержащиеся в кодексе этики и служебного поведения муниципальных служащих, являются важнейшими определяющими состояния этики в регионе. Это может стать поводом более серьезно относиться к разработке других этических механизмов и средств внеправового регулирования, так как они наряду с нормативно-правовыми актами играют значимую роль в решении многих проблем.

Таким образом, результаты исследования определили следующие наиболее важные параметры совершенствования кодекса этики и служебного поведения муниципальных служащих:

1. Муниципальные образования должны разрабатывать кодекс этики самостоятельно, обращаясь к Типовому кодексу как к ориентиру, но коллегиально согласовывая свой собственный взгляд на этику муниципальных служащих с основными принципами, прописанными в нем. При разработке кодекса муниципальные служащие должны понимать, что положения, которые впоследствии будут в документе, должны помочь муниципальному образованию решить существующие и назревающие проблемы в сфере этики муниципальной службы.

2. Муниципальным образованиям стоит включить в кодексы отдельные статьи, касающиеся этических конфликтов и их недопущения, в которых было бы дано подробное описание данного явления,

а также алгоритм действий для муниципального служащего, который оказался в таком положении. Эти статьи будут способствовать предотвращению возможных сложных ситуаций для муниципального служащего, связанных со взяточничеством.

3. В кодекс этики стоит включить требования к поведению муниципального служащего во внеслужебной деятельности, а также добавить в основные этические принципы («непредвзятость», «справедливость», «добросовестность») и их определения.

4. Кодексы должны обладать четкой структурированностью для лучшего осознания тех положений, которые в нем есть. Важно, чтобы человеку, только что поступившему на государственную службу, было легко ознакомиться с кодексом и его усвоить. Характер кодекса, в том числе его содержание, структура и оформление, может многое сказать об отношении к этике в регионе, а значит, и повлиять на отношение к этическим аспектам только что поступивших на службу.

5. Стоит отметить, что в силу того, что Типовой кодекс выступает образцом для кодексов муниципальных образований, он должен быть устойчивым, но при этом обновляющимся, то есть отражать в себе новые общие вызовы сегодняшнего дня (например, поведение госслужащих в социальных сетях). Необходимо помнить о том, что если на федеральном уровне к кодексу этики будут относиться формально, то и на местном уровне могут последовать этому примеру.

Источники

1. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (с изм. и доп. на 08.03.2015) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102226/ (дата обращения: 17.04.2017).

2. Общие принципы служебного поведения государственных служащих, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 12.08.2002 № 885. URL: <http://base.garant.ru/184842/> (дата обращения: 17.04.2017).

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации. Федеральный закон № 79-ФЗ от 27.07.2004. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 17.04.2017).

4. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных

служащих. Одобрено решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21). URL: <http://base.garant.ru/55171108/> (дата обращения: 13.01.2017).

5. Предложения и замечания Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации по совершенствованию Типового кодекса, 2014. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/726/72697bcb214b1e5d82e01cf7be690fd5.pdf> (дата обращения: 13.01.2017).

6. *Богатырев Е.Д., Беляев А.М., Еремин С.Г.* Этика государственной и муниципальной службы. Учебник и практикум для СПО. М.: Юрайт, 2017.

7. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997. С. 505.

8. *Борисов В.К., Бочарова Е.Ю.* Современные концепции государственного управления: этический аспект // Вестник Московского университета. Серия 21 «Управление (государство и общество)». 2013. № 2. С. 32–43.

9. *Борщевский Г.А.* Соотношение модели государственной службы и этики государственных служащих // Коммуникология. 2015. Т. 3. № 3. С. 42–62.

10. *Ирхин Ю.В.* Проблемы проектирования и формирования этического режима как фактора модернизации государственного управления в современной России. URL: ukros.ru/wpcontent/uploads/2014/09/Ирхин.rtf (дата обращения: 13.01.2017).

11. *Кабашов С.Ю.* Морально-этические и правовые основы государственного и муниципального управления, 2016. URL: <https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=KbfcDAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT3&dq=этика+государственной+муниципаль> (дата обращения: 12.01.2017).

12. *Комарова Т.М.* Роль органов местного самоуправления в формировании положительного имиджа муниципального образования // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 4. С. 45–49.

13. *Лукьянова В.В., Курдин А.Р.* Особенности этики государственного служащего // Основы экономики, управления и права. Некоммерческое партнерство «Институт анализа экономики города и региона». 2014. № 3 (15).

14. *Лытов Б.В.* Государственная служба как социальный институт // Государственная служба: теория и организация; курс лекций / Под общ. ред. Е.В. Охотского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 86.

15. *Омельченко Н.А.* Этика государственной и муниципальной службы. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник и практикум для СПО. М.: Юрайт, 2016.

16. *Cooper T.L.* Big Questions in Administrative Ethics: A Need for Focused, Collaborative Effort. Washington D.C., Publ. Adm. Rev., 2004. 64(4). P. 395–407.

17. *Cooper T.L.* The responsible administrator : an approach to ethics for the administrative role. Jossey-Bass, 2012.

18. *Eggebun H.* “With a Heavy Heart”: Ethics, Emotions and Rationality in Norwegian Immigration Administration // *Sociology*. 2012. № 2. P. 301–317.

19. *Fisman R., Miguel E.* Corruption, Norms, and Legal Enforcement: Evidence from Diplomatic Parking Tickets // *J. Polit. Econ.* 2007. № 6.

20. *Karlsson D.A.* Democracy of Scale. Size and Representative Democracy in Swedish Local Government // *Scandinavian Journal of Public Administration*. 17 (1). P. 7–28.

21. *Koch R., Dixon J.* Public governance and leadership: political and managerial problems in making public governance changes the driver for re-constituting leadership. Gabler Edition Wissenschaft. DUV, 2007. P. 542.

22. *Mafunisa M.J.* Professionalism: the ethical challenge for municipal employees // *Journal of Public Administration*, Vol. 36, Issue 4, Dec. 2001. P. 324–339.

23. *Martinez M.J.* Public administration ethics for the 21st century. Santa Barbara, ABC-CLIO, LLC, 2009. P. 1–21.

24. *Radhika D.* Ethics in Public Administration // *J. Public Adm. Policy Res.* 2012. № 2. P. 23–31.

25. United Cities and Local Governments (UCLG). Decentralization and Local Democracy in the World: First Global Report by. URL: <https://books.google.ru/books?id=8m2CQeX4EuWC&pg=PT185&lpg=PT185&dq=municipalities+as+a+source+for+democratization&source=bl&ots=leh9NJO1HE&sig=gav6Vv4-7JTHCq-ilbtELxWcd-h8&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjDubr45-DWAhWINpoKHU-IAAsQ6AEIdDAK#v=onepage&q=municipalities> (дата обращения: 10.10.2017).

26. Госслужащих могут обязать соблюдать требования Кодекса этики и служебного поведения, 2015. URL: <http://www.garant.ru/news/626189/> (дата обращения: 02.04.2017).

27. *Добрикова Е.* Нарушение чиновниками Кодекса этики может стать основанием для привлечения их к дисциплинарной ответственности, 2015. URL: <http://www.garant.ru/news/635890/#ixzz4dkRD6GYJ> (дата обращения: 09.04.2017).

28. Каяк А. Плюс 189%: Генпрокуратура опубликовала список самых коррумпированных регионов РФ – СПЧ // Деловой портал, 2016. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4223/> (дата обращения: 02.04.2017).

29. Министерство труда и социальной защиты РФ: Минтруд России проводит обсуждение Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих, 2015. URL: <http://www.rosmintrud.ru/labour/public-service/101/> (дата обращения: 02.04.2017).

30. На Гайдаровском форуме обозначили направления развития управленческих кадров России в сфере государственной службы, 2017. URL: <http://gaidarforum.ru/news/na-gaydarovskom-forume-oboznachili-napravleniya-razvitiya-upravlencheskikh-kadrov-rossii-v-sfere-gos/> (дата обращения: 09.04.2017).

31. Совет Европы, Институт муниципального управления: Профессиональная этика должностных лиц на местном уровне // Официальный сайт Европейского клуба экспертов местного самоуправления. ЕКЭ МСУ. URL: <http://emsu.ru/eeclub/view.asp?c=1571&p=2> (дата обращения: 13.01.2017).

32. Слухи о высоком уровне бюрократизации России сильно преувеличены // РИА «Новости», 2012. URL: <https://ria.ru/research/20120412/623975661.html> (дата обращения: 02.04.2017).

Приложение 1

Систематизация предложений по совершенствованию кодекса, сделанных Экспертным советом при Правительстве РФ (2014 год)

Источник замечаний/ предложений	Суть замечания/предложения
Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации	1. Внести положения, затрагивающие поведение госслужащих в социальных сетях [30]. 2. Внести положение об обязанности чиновников соблюдать морально-этические принципы и во внеслужебной деятельности [27].

<p>Экспертный совет при Правительстве Российской Федерации</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Статья 5 «Каждый муниципальный служащий должен принимать все необходимые меры для соблюдения положений кодекса» имеет излишнюю формулировку. 2. Статья 7 «Типовой кодекс призван повысить эффективность выполнения муниципальными служащими своих должностных обязанностей» является излишней. 3. Статья 8 «Типовой кодекс служит основой для формирования должной морали в сфере муниципальной службы, уважительного отношения к муниципальной службе в общественном сознании, а также выступает как институт общественного сознания и нравственности муниципальных служащих, их самоконтроля» требует разъяснения понятий. 4. Пункт «Государственный (муниципальный) служащий воздерживается от курения во время служебных совещаний, бесед, иного служебного общения с гражданами» является излишним. 5. Статья 29 «Нарушение муниципальным служащим положений Типового кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов» требует доработки. 6. Уточнить границы муниципальной службы [5].
<p>Национальный союз «Управление персоналом»</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Добавить в перечень основных этических принципов «непредвзятость», «справедливость», «добросовестность». 2. Добавить положения об ответственности руководителя за действия подчиненных [27].

Будущее России глазами молодежи: как менялось восприятие политики страны студентами-политологами?

Abstract

This essay discusses the forecasts of young people about the prospects of Russia's development in the next 10 years. For eleven years, first-year students of the Political Science Department of the HSE (St. Petersburg) answered the question about how they see the future of their country. This paper presents an analysis of the changing expectations of young people based on a comparison of the responses of students who enrolled in the University in 2006, 2008, 2009 and 2016.

Введение

Опросы общественного мнения, касающиеся отношения населения к политике действующего правительства, не новы, они проводятся регулярно и активно используются исследователями в области политологии, социологии, психологии. На сайте ВЦИОМа можно найти множество индексов восприятия населением внешней и внутренней политики страны, показателей одобрения отдельных политических лидеров и т. д. [1]. Также результаты исследований общественного мнения публикуются «Левада-Центром» [2]. В данном эссе я бы хотела сконцентрироваться на мыслях о будущем страны, принадлежащих тем представителям молодого поколения, которые решили связать свою жизнь с изучением политических процессов.

Руководитель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ (СПб) А.Ю. Сунгуров с 2006 года регулярно проводил опрос мнения первокурсников, только что оказавшихся в рядах студентов-политологов, относительно их видения будущего. Начинаям

¹ Киселева Дарья – студентка 2-го курса ОП «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ (СПб). kiseleva-d@yandex.ru

ученым предлагалось в рамках эссе ответить на вопросы о том, какими они видят себя, свой город и свою страну через десять лет. Некоторые студенты сделали попытку составить подробный анализ, другие ограничились пожеланиями. В данном эссе будут проанализированы ожидания студентов в отношении развития России в последующие годы. Для изучения были выбраны ответы студентов, поступивших в Высшую школу экономики в 2006, 2008, 2009 и 2016 годах. Всего в рамках работы было проанализировано 170 ответов, 104 из которых содержали предположения о дальнейшем развитии России (авторы остальных работ либо не рискнули составлять прогнозы либо являлись гражданами другой страны и строили предположения только о будущем своей родины).

Моя страна?

С годами в ответах студентов стала просматриваться тенденция отказа от проживания в России в будущем. В 2006 и 2008 годах ни один из опрошенных первокурсников не считал, что в будущем ему стоит покинуть Россию. Уже в 2009 году, хоть массовое желание жить и работать в другой стране и не прослеживалось в ответах студентов, некоторые из респондентов указали на то, что сами наблюдали подобную склонность у своих ровесников: «Многие мои сверстники мечтают уехать из страны, считая, что жизнь там намного лучше». К тому же большая часть респондентов выразила обеспокоенность оттоком специалистов за рубеж (чем, очевидно, и было спровоцировано появление у молодежи убежденности в том, что построить карьеру в России невозможно, и желания последовать примеру профессионалов, покинувших страну): «Многие специалисты, обучившись в нашей стране, не могут найти себе применения, особенно в науке. Поэтому они едут за границу». Однако в 2016 году количество людей, упоминающих «утечку мозгов», колоссально уменьшилось. Более того, будто опровергая возможность феномена, студентка, приехавшая обучаться в Россию из другой страны, отмечает: «Я люблю Латвию, я люблю Ригу и счастлива, что там родилась, жила. Но Россию и Санкт-Петербург люблю чуточку больше».

Таким образом, мы видим, что проблема, так волновавшая студентов-первокурсников в 2008 и 2009 годах, через 7–8 лет потеряла свою значимость для молодежи. Более постоянными вопросами для обсуждения оказались вопросы, касающиеся политического режима и развития внешней политики страны.

Режимные трансформации

Ожидаемым было разделение на тех, кто предсказывает авторитарное будущее России, и тех, кто видит перспективы демократического развития, однако невозможно не отметить, что среди респондентов были и те, кто считал, что в стране не только возможно, но и необходимо закрепление авторитарного режима: «Политический режим в последующие 10 лет будет, как и сейчас, а может, и сильнее, близок к авторитарному, что в целом хорошо, так как считаю, что в периоды кризисов России всегда была нужна сильная рука».

В 2006 году установления демократического управления ожидали практически все студенты, рассуждавшие о политическом режиме. В основном эти прогнозы не основывались на последовательной аргументации, а выглядели, скорее, как субъективные предположения. К 2008 году количество установления демократии не ожидал никто, в то время в отношении к авторитарному управлению респонденты разделились на тех, кто считает это результатом неудачного выбора политического курса, и тех, кто считает этот режим естественным для России и не оценивает его негативно.

В 2009 году ситуация резко и значительно изменилась. Если в 2008 году о режиме в своих эссе упоминала только треть первокурсников, то через год уже в половине текстов встречаются рассуждения о возможностях авторитарного или демократического развития. При этом мнения студентов распределились таким образом, что примерно 41% утверждают, что страна «скатится» в авторитаризм, 36% сохраняют надежду на развитие демократии, а оставшиеся 23% признают возможность установления авторитарного режима, не давая этому процессу негативной окраски.

Семью годами позже на установление демократии надеются уже 41% респондентов, 29% недовольны возможностью установления авторитарного режима, еще 17% признают существование такой вероятности, однако не дают этому ни положительной, ни отрицательной характеристики. Также в 2016 году остаются сторонники авторитарного управления: «Идеальная демократия невозможна и бесполезна на территории большой страны с полуазиатским менталитетом. Как мне кажется, для дальнейшего ускоренного развития страны и более успешного функционирования аппарата власти необходимо сохранить такую авторитарность».

Таким образом, мы видим, что во всех четырех случаях для анализа сохраняется разделение на три категории прогнозов: демократический исход, авторитарный со знаком «плюс» и авторитаризм как

деградация политики власти. Стоит отметить, что обычно выводам об авторитарном будущем страны предшествовал более глубокий и аргументированный анализ, чем прогнозам об установлении демократии.

Внешняя политика

Как ни интересна была для студентов тема внутренней политики и перспектив развития страны, большее внимание всегда уделялось положению России на международной арене. Здесь прогнозы респондентов можно было бы условно разделить на три группы: негативное развитие событий вплоть до третьей мировой войны, налаживание отношений с другими странами и дипломатическое решение конфликтов, а также становление России как лидирующей державы, контролирующей другие, более слабые страны.

Участники первого опроса оценивали перспективы развития отношений с другими странами довольно позитивно: Россия либо станет одной из равных сильных держав, либо займет лидирующую позицию. Впрочем, о внешней политике было упомянуто меньше, чем в трети эссе. А вот в ответах, полученных через два года, прослеживается уже другая картина. Во-первых, о развитии событий на мировой арене рассуждали все студенты, составившие прогноз. Во-вторых, изменилось и распределение взглядов на перспективы решения существовавших проблем Россией. 57% опрошенных считали, что внешнеполитическая ситуация довольно напряженная, однако российское правительство способно сделать страну мировым лидером: «Если не изменять политический курс, то через 10 лет от России будет зависеть весь мир». Значительно меньшее количество студентов рассчитывало на установление стабильных дипломатических отношений с другими странами, и один человек высказался об абсурдности надежд на победу над Америкой: «Никто еще не понял, что война идет уже не первый год. И победители, увы, не мы. И наш славный дух, к сожалению, не в состоянии нам помочь. Свое сознание мы обменяли на “Биг-Маг” и “Роллс-Ройс” лет тридцать назад. Теперь уже сложно, да и не хочется, менять, ставшие привычными устои. За что боролись, на то и напоролись. Победа демократии. Или победа США».

Всего за один год ожидания молодежи снова изменились. В 2009 году всего половина составивших прогноз студентов затронула тему внешней политики (основной темой для рассуждений в этот год было состояние экономики, — очевидно, такая расстановка приоритетов произошла в связи с кризисом 2008 года). Из этого числа 50%

респондентов рассчитывали на стабилизацию отношений с другими странами и решение конфликтов дипломатическим путем: «Россия выступит по отношению к своим основным цивилизационным конкурентам – Евросоюзу, США, Китаю и исламскому миру – не как их противник, а как дополняющая и согласующая сила...» Около трети студентов высказывали предположения о неизбежности военных действий в разных масштабах: «Возможно, будут локальные войны из-за территорий. Хотя более вероятно, что Россия под страхом ядерной войны просто согласится на условия противников». Количество же первокурсников, считающих, что Россия способна занять позицию мирового лидера, оказалось примерно в пять раз меньше, чем годом ранее.

К 2016 году опасения касательно подобной возможности практически сошли на нет (такое предположение было высказано лишь в одном эссе), а вот количество первокурсников, надеющихся на установление дружественных отношений с другими странами, побило рекорды всех предыдущих годов и достигло 85% от числа прогнозов относительно развития внешней политики. Однако надежды на верховенство России на международной арене все еще сохраняются в сознании некоторых студентов: «Также налажены связи со странами Латинской Америки. Европейский союз прекратил свое существование, вследствие чего санкции, наложенные на Россию, были отменены. Образованы новые политические союзы, в которых Россия занимает лидерские позиции. Также образована сильнейшая международная организация во главе с нашим государством. Процесс глобализации продолжается менее активно».

Итак, мы видим, что в целом на протяжении изученных одиннадцати лет молодежь в большинстве своем не сомневалась в способности страны преодолеть все внешнеполитические кризисы. Мы видим, что предполагаемой перспективой развития событий на международной арене студенты довольны больше, чем возможными режимными трансформациями. Это, впрочем, и неудивительно, ведь ожидания молодежи касательно развития международных отношений по большому счету сводятся к тому, что России удастся наладить контакт с другими странами, а если нет, то у нее достаточно военного и экономического потенциала, чтобы смести всех конкурентов. Сторонников альтернативных, негативных сценариев обычно значительно меньше. Возможно, разница в соотношении пессимистичных и оптимистичных прогнозов в отношении внешней и внутренней политики может быть объяснена доступностью информации по данным

аспектам. Действительно, то, что происходит внутри страны, кажется более явным, более понятным. Молодым людям достаточно быть просто наблюдательными, чтобы сопоставить картинку, предоставленные проправительственными и оппозиционными СМИ, с тем, что лично они видят вокруг, и сформировать свою позицию. Большая же часть информации, касающейся внешней политики, доступна только окончившим школу первокурсникам лишь из средств массовой информации, что сразу сужает возможности для анализа.

Вывод

Изучение общественного мнения открывает множество перспектив для развития политологических, социологических и даже психологических исследований. Краткий анализ ответов студентов, представленный в данном эссе, есть лишь малая часть того, что можно проанализировать на основе использованных данных. Так, изученные эссе наглядно демонстрируют, как меняются взгляды молодежи на проблемы в зависимости от различных внешних факторов (например, всплеск дискуссий о возможностях экономического развития после мирового кризиса). К тому же в подобных эссе можно проследить настроения молодежи в целом: уровень поддержки власти, оценивание перспектив экономического, социального и политического развития страны, осознание своей роли в происходящих процессах (Кто должен привести страну к процветанию? Каково соотношение студентов, видящих себя и общество творцами будущего, и студентов, ожидающих изменений в действиях властей?) и многое другое.

Что касается проведенного в данной работе анализа, то тут мы приходим к следующим выводам. Во-первых, как в части, связанной с рассуждениями о режиме, так и в части, посвященной перспективам развития международных отношений, явно прослеживается разрыв между оценками, данными в 2008 и 2009 годах; и этот разрыв в обоих случаях оказался более явным, чем разница в оценках будущего первокурсниками 2006 и 2008 годов. Более того, если обратить внимание на количество самих эссе, которое примерно отражает число студентов, поступивших на программу «Политология», можно заметить, что в 2009 году оно выросло практически вдвое по сравнению с предыдущим годом. Возможно, рубеж 2008 и 2009 годов стал переломным моментом в оценке молодежью роли политики. Быть может, причиной тому стал уже упомянутый мной выше мировой экономический кризис, ведь очень редко интерес вызывает

работающая система, в то время как глобальные сбои побуждают разобратся, почему они случились и как их ликвидировать. Также хотелось бы отметить разницу в уровне аргументации прогнозов между работами, написанными первокурсниками 2006 года, и студентами первого года обучения, отвечавшими на те же вопросы в последующие годы. Так как задание, заключающееся в написании эссе, давалось в самые первые дни обучения в Высшей школе экономики, можно утверждать, что качество анализа не зависит от знаний, полученных в университете. Как написала в своем эссе одна студентка: «...я говорю от лица обычного человека, от лица молодежи, на что мы надеемся и во что мы так усердно верим». Значит, есть все основания полагать, что увеличение количества человек, опирающихся на знания о современной социальной, политической и экономической ситуации, указывает на рост заинтересованности молодежи в политических процессах.

Источники

1. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 29.04.2018).
2. Левада-Центр. URL: www.levada.ru (дата обращения: 29.04.2018).

Библиография изданий международного конкурса научных работ молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой, 2000–2018 гг.

Этничность и национализм в современном мире. Сборник работ участников Первого конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея». СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; ООО «Изд-во “Петрополис”», 2000. 276 с.

Защита прав человека в Российской Федерации. Сборник работ участников Второго конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. О.В. Старовойтовой. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; ООО «Изд-во “Петрополис”», 2001. 116 с.

Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход? Сборник работ участников Третьего конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. О.В. Старовойтовой. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; ООО «Изд-во “Петрополис”», 2001. 212 с.

Свобода совести и свобода слова в электронную эру: Россия и международный опыт. Сборник работ участников Четвертого конкурса научных работ молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. Б.М. Фирсова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2003. 138 с.

Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи в начале XXI века. Сборник работ участников Пятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2004. 182 с.

Теория и практика становления и развития гражданского общества в России. Сборник работ участников Шестого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. М.М. Соколова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2005. 108 с.

Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт. Сборник лучших работ участников Седьмого ежегодного конкурса памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. О.В. Старовойтовой. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2006. 104 с.

Практики толерантности и интолерантности в современном российском обществе: публичная сфера и повседневность. Сборник работ участников Восьмого конкурса молодых ученых и студентов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. В.Я. Гельмана. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2007. 192 с.

Современные молодежные сообщества в культуре и политике. Сборник статей участников Девятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2008. 226 с.

Права человека: история и современность. Сборник статей участников Десятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г.В. Старовойтовой «Галатей» / Под ред. Д.В. Дубровского. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2009. 296 с.

Диалог государства и общества: формы и модели взаимодействия. Сборник работ участников Одиннадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатей» / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2010. 192 с.

Культура гражданского и политического участия/неучастия в современном обществе. Сборник работ участников Тринадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатей» / Под ред. Г.Л. Тульчинского. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2012. 256 с. (В издании 2012 г. опубликованы также лучшие работы Двенадцатого конкурса 2011 г. по теме «Общественные изменения в посткоммунистических странах: история, тенденции, проблемы преобразований»).

Миграция в России и мире: ресурс или проблема? Сборник работ участников Четырнадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатея» / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2013. 208 с.

Доверие. Сборник работ участников Пятнадцатого конкурса молодых ученых и студентов «Галатея» / Под ред. В.М. Воронкова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2014. 176 с.

Власть и общество в условиях межгосударственных конфликтов. Сборник статей участников Шестнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2015. 224 с.

Современные вызовы гражданским обществам и государствам в Европе и России: угрозы и безопасность vs солидарность и права человека. Сборник статей участников Семнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2016. 232 с.

Современное образование: глобальные вызовы и национальные ответы. Сборник статей участников Восемнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Галатея» / Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2017. 192 с.

Ожидаете ли Вы перемен? Социальные ожидания и образы будущего в современном мире. Сборник статей участников Деятнадцатого международного конкурса научных работ студентов и молодых ученых «Галатея» / Под ред. В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2018. 236 с.

В 2010 г. издан том лучших конкурсных работ за 10 лет (2000–2009 гг.) – с библиографией всех работ конкурса за десятилетие: Памяти Галины Старовойтовой: конкурс научных работ молодых ученых «Галатея». Лучшие конкурсные работы, 2000–2009 / Под ред. О.В. Старовойтовой, В.В. Костюшева. СПб.: СПб общественный фонд «Музей Галины Васильевны Старовойтовой»; Норма, 2010. 704 с.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Ожидаете ли вы перемен? Социальные ожидания и образы будущего в современном мире

*Сборник статей участников
Девятнадцатого международного конкурса научных работ
студентов и молодых ученых
памяти Галины Васильевны Старовойтовой «Галатей»*

Под редакцией В.В. Костюшева

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»

Редактор, корректор – Капитонов Д.М.

Технический редактор – Фофанова Н.М.

Дизайн и верстка – Малышева И.Ю.

ISBN 978-5-87857-280-4

Подписано в печать 30.09.2018.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonC. Печ. л. 14,1. Тираж 300 экз. Заказ № 21319.

Издательство «Норма»,

190005, Санкт-Петербург,

7-я Красноармейская ул., д. 25, лит. А, пом. 14-Н № 7.

Отпечатано в ООО «АРСИ».

Санкт-Петербург, ул. Бела Куна, д. 32.